

ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

№2—3(36—37)/2006

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРА ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

ИЗДАНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ (СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ №77-
1272 от 30.11.1999 г.).

Редактор
И. Травина

Журнал включен в Реферативный
журнал и Базы данных ВИНТИ.
Сведения о журнале ежегодно
публикуются в международной
справочной системе по
периодическим изданиям «Ulrich's
Periodicals Directory»

Общественная редколлегия:

А. Зименко
М. Кулешова
К. Роговин
А. Сири
Г. Титова
Е. Шварц

Адрес ЦОДП:
117312, Москва,
ул. Вавилова, д. 41, офис 2.
E-mail: izdat@biodiversity.ru

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов

Макет:
К. Остольский
А. Назарова

Выпускается при поддержке фонда
Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров

Верстка
И. Травина

Корректор
А. Киселева

На 1-й стр. обложки:
«Хозяин леса»,
рисунок Семена Вазики, 15 лет,
заповедник «Ботчинский»

© Центр охраны дикой природы, 2006

<http://www.biodiversity.ru>

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

В этом году исполняется 90 лет Баргузинскому заповеднику, с которого начинается история всей заповедной системы России — явления уникального, не имеющего аналогов в мировой практике охраны природы. Но, как известно, что имеем, не храним... За этот долгий период в жизни наших ООПТ было немало черных страниц, непростое время переживают они и сегодня. О проблемах заповедной системы мы неоднократно писали на страницах журнала, их столько, что остается только удивляться жизнеспособности наших заповедников и национальных парков. И это тоже своеобразное достижение. Дело, видимо, в том, что работают в них люди, пришедшие в заповедную систему по призванию души и сердца и бесконечно преданные своему делу. Они не избалованы вниманием журналистов, им редко достаются правительственные награды и «не светят» высокие должности, но к ним в полной мере можно отнести слова известного писателя О. Куваева: «Мы все обреченные люди. Мы обречены на нашу работу. И это... есть лучшая и высшая в мире обреченность».

Этот номер нашего журнала практически полностью состоит из произведений, присланных на конкурс «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах» на премию имени Ф. Р. Штильмарка. На его страницах Заповедные люди сами рассказывают о себе, своих соратниках, ныне здравствующих и уже ушедших, и об охраняемых природных территориях, с которыми они связали свою жизнь. Нам показалось очень уместным проиллюстрировать страницы журнала рисунками ребят, участников «Марша парка», потому что эти рисунки вселяют надежду, что связь поколений не прервется и у Заповедных людей подрастает достойная смена, а значит, нашим ООПТ — жить, вопреки всем невзгодам!

Коллектив Центра охраны дикой природы поздравляет всех сотрудников ООПТ и всех, кому небезразлична их судьба, с юбилеем!

Ирина Травина

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЮДИ

По материалам конкурса «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах»

Ксения Авилова, канд. биол. наук,
биол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова

*Природа – мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б жизни нить!*

Н. А. Некрасов

«Пиши скорей, пиши, не мешкай...»

Присланные на конкурс произведения совершенно не похожи по стилю, композиции, языку. Но есть в них и много общего, о чем речь впереди. Кроме того, подведение итогов конкурса памяти Ф. Р. Штильмарка почти совпало с выходом итоговой книги его жизни «Отчет о прожитом». Хотя далеко не все авторы присланных материалов непосредственно работали или были знакомы лично с Феликсом Робертовичем, все статьи и книги, участвовавшие в конкурсе, так или иначе переключаются с содержанием этого труда, энциклопедией жизни человека, влюбленного в природу и посвятившего ей жизнь. И это не случайность — ведь герои, а в большинстве случаев и авторы всех материалов, по выражению одного из них, — настоящие ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЮДИ!

Кто он, Заповедный человек? Почему он выбрал такой жизненный путь, не сулящий ни денег, ни материальных благ, а он живет и работает в заповеднике и не хочет от этого отказываться? Объяснение этому феномену должны были дать присланные на конкурс произведения. Постараемся отвлечься от анализа художественной и просветительской составляющих книг и статей и сосредоточимся на людях — таких, какими они являются в описаниях других и какими представляют себя сами.

Астраханский писатель Ю. Селенский как-то сказал Юрию Чуйкову, автору книги «Розовые острова», одной из конкурсных работ: «Писать не научишь. Это невозможно. Человек или пишет, или нет. Читай Пришвина, пиши как он или лучше...». Заповедные люди, наследники Пришвина, читая Великую книгу природы, следуют этому напутствию и пишут. Не могут не писать. И, как одобрение и поддержка, звучат сквозь годы слова Маргариты Олигер, сказанные устами писателя Роберта Штильмарка:

*Пиши скорей, пиши, не мешкай,
Не разрешая никому
Сказать с недоброю усмешкой:
«Не напегатают... К чему?»*

«Как он дышит, так и пишет»

Конечно, бескорыстные и самоотверженные люди есть не только в заповедниках. Так, С. Кошелева тепло и искренне пишет о Николае Терентьевиче Кошелеве, организаторе краеведческого музея и натуралисте из села Борки (Шацкий р-н Рязанской области). Это был светлый человек, мастер на все руки, любитель птиц и знаток природы.

Л. Телегина, заслуженный лесовод, вспоминает о Сергее Федоровиче Харитонове. С. Ф. Харитонов был хранителем культуры в самом широком смысле этого слова, его память была живой энциклопедией старого Переславля. Горячо ратовал С. Ф. Харитонов за организацию Переславского национального парка, создал Переславский дендросад, который стал ему живым памятником.

По-разному описывают авторы присланных материалов свои впечатления о заповедной жизни.

Л. Пучнина характеризует Пинежский заповедник в год его 30-летнего юбилея с точки зрения ученого, М. Ледяева — с точки зрения журналиста.

«Энергия молодости, энтузиазм и любовь к неповторимому краю помогали сотрудникам заповедника Пинежский в первые, самые трудные годы существования заповедника. До сих пор не заросли старые лесовозные дороги, еще стоят стены охотничьих избушек. Но за 30 лет животный мир возвратился к естественному состоянию. В заповеднике обитают крупные хищники — медведь, волк, рысь, лисица, из копытных — лось. Мороз, ветер, короткие зимние дни затрудняют непростые учетные работы. На камусных лыжах, оставившаяся на ночевки в небольших лесных избушках, учетчики должны пройти за зимний сезон маршрут протяженностью в 1350 км». Это строки из статьи Л. Пучниной «Заповедник — природная лаборатория».

«Если бы проводились конкурсы красоты для деревьев, стройные ели-пинежанки обошли бы все пальмы с бабабами! Вообще, отсюда надо писать цикл «Времена года»: карстовые пещеры особенно прекрасны весной, цветущие орхидеи — в белые ночи и так да-

лее, по календарю...». И далее о заповедных людях: «Е. В. Шаврина занимается карстом так, словно пишет о нем поэмы и картины. Получается не просто наука, а творческая наука». Это М. Ледяева («Незатерянный мир»).

Лесник Сихотэ-Алинского заповедника Александр Иванович Чистяков, долго живший в заповеднике наедине с природой на мизерную зарплату, коей едва хватало на одежду и еду, был из тех, кто и в дождь, и в метель уходил на свой участок, чтобы уберечь диких зверей от пули браконьерской. После смерти в 1990-х годах он оставил дневники. «Поднимаюсь на сопку, услышал выстрел. Мужик незнакомый, успел, гад, ружье спрятать. Ну составлю я протокол, а что толку? Где свидетели? Где вещдоки? Вот то-то и оно... Обидно на душе!» (В. Храмцов. «Дневник лесника Чистякова»).

Наследники Пржевальского

Рассказ о жизни и смерти Льва Георгиевича Капланова, кюбзовца, ученика А. Н. Формозова, сотрудника Сихотэ-Алинского заповедника, автора легендарной книги «Тигр, изюбрь, лось», написан В. Храмцовым («Путь ученого», «Пока тайна остается тайной»). «Сделанное им настолько ценно, — пишет он, — что имя его вошло в историю изучения Уссурийского края наряду с именами Абрамова, Арсеньева, Черского, Янковского, Пржевальского». Л. Г. Капланов погиб 13 мая 1943 г. Официальная версия, по которой убийца понес наказание, до сих пор остается сомнительной. По другой версии, составленной из разговоров с участниками этого происшествия, его застрелил один из солдат-браконьеров, несших боевое дежурство на посту у блиндажа близ ручья Соболиный. История эта так до конца и не раскрыта.

Ф. Р. Штильмарк в своей книге называет Л. Г. Капланова «истинным натуралистом, который оставил в своих трудах результаты многолетних исследований в условиях полностью заповедной природы».

Большим знатоком жизни и творчества да, собственно, и продолжателем дела Л. Г. Капланова был зоолог-географ Е. Н. Матюшкин, тоже ученик А. Н. Формозова. Он посвятил памяти Л. Г. Капланова статью «Мироощущение натуралиста», опубликованную в Бюллетене МОИП в 1993 г. В ней он сравнил Капланова с Н. М. Пржевальским и присоединился к А. П. Чехову в высокой оценке общественной значимости натуралистической деятельности. В свою очередь сравнивает с Н. М. Пржевальским самого Е. Н. Матюшкина автор очерка о нем А. С. Желтухин.

Об этой преемственности свидетельствует и последняя работа Е. Н. Матюшкина — коллективная монография «Рысь», вышедшая под его редакцией. Ему самому, недавно, увы, ушедшему от нас навсегда, посвящено немало добрых слов. В его биографии Сихотэ-Алинский заповедник занимает особое место (Л. В. Кулешова. «Природа и люди Сихотэ-Алинского заповедника в воспоминаниях Е. Н. Матюшкина»). Он был сотрудником заповедника в 1960-х гг., зимой тро-

пил зверей по всей огромной труднопроходимой площади, летом изучал птиц в горах. Он оставил огромную фототеку: следы, пейзажи и конечно Заповедные люди. Не только «научники», но и лесники, рабочие.

«Женя Матюшкин, — пишет Феликс Робертович, — уже будучи тяжелобольным, провел трудную экспедицию во вновь созданном Ботчинском заповеднике, убедившись в обитании там тигров. Книжным памятником ему останется только что вышедшая монография «Рысь». Почему судьба оказалась так жестока к нему? На этот вопрос нет и не будет ответа...»

«Следами на заповедной земле» называет плоды исследований Матюшкина автор другого очерка о нем — директор Центрально-Лесного заповедника А. С. Желтухин (кстати, сам он дважды упомянут в «Отчете о прожитом», в частности, в связи 70-летием заповедника, с которым Ф. Р. Штильмарк, по его выражению, оказался «почти круглым ровесником»).

Вокруг Е. Н. Матюшкина объединялись сотрудники многих заповедников, не только Сихотэ-Алинского, но и Беловежской Пуши (Беларусь), Столбов, Теберды, Аксу-Джабаглы (Казахстан), Сары-Челек (Кыргызстан), Хосровского (Армения) и других, в том числе Центрально-лесного. Он обобщал и курировал многочисленные полевые исследования. Евгений Николаевич видел серьезную угрозу науке в коммерциализации заповедников. «Тема заповедной науки еще долго будет больной, если вообще выздоровеет», — пишет он А. С. Желтухину в 1999 г. В последнем его письме был призыв: «Держитесь! Вы теперь уже столпы заповедного дела и заповедной науки!» Так тянется через поколения натуралистов, как неизгладимый след, нить беззаветного служения науке и заповедникам.

Об этих «столпах», ушедших и ныне живущих, от первого директора заповедника К. Г. Абрамова до сегодняшних ветеранов — лесников, егерей, инспекторов — рассказывает Е. Н. Смирнов в очерке «Завороженные тайгой», посвященном 70-летию Сихотэ-Алинского заповедника. На карте заповедника многие из этих имен навсегда запечатлелись в названиях ключей: Белобородовский, Дьячковский, Куклин, Денискин, Мартельевский, Латкин, Захаровский, Полчковский, Старобогатовский... Фанатики и романтики, они сделали все, что могли, чтобы сохранить заповедную природу.

Настоящим Заповедным человеком был Алексей Евгеньевич Турута, о котором и Ф. Р. Штильмарк упоминает как о выдающемся натуралисте и путешественнике, кибернетике по первой специальности и... геоботанике Прибайкальского национального парка. По отзывам знакомых, он также во многом напоминал Пржевальского — ученый, путешественник, натуралист. Бросив Москву и Киев, он переехал в Сибирь, вел изыскания от Карпат до Магадана в тайге, тундре, степи и горах. Он постоянно безвозмездно кому-то помогал, щедро и бескорыстно делился своими знаниями, собранной информацией. (В. В. Рябцев. Памяти Алексея Евгеньевича Туруты). По мнению автора очерка, такие сотрудники составляют «золотой фонд» любого

заповедника или национального парка. Он терпеть не мог конфликты и никогда в них не участвовал, «посещая весьма небезопасные районы, не испытывал никакого страха, так как был уверен, что все встреченные им люди хорошие и не причинят вреда». Но в конце концов это его и подвело.

М. Рогова, вспоминая совместную поездку на Тянь-Шань («Алексею Туруте, путешественнику, учителю и хорошему другу»), называет его «поэт науки, поэт природы и поэт жизни». «...Ему было знакомо это щемящее чувство дороги, пути, он умел нести эти чувства всегда, в любой момент жизни. Кто еще может так?»

Заповедное Забайкалье и Тува: настоящее и прошлое

Т. Маврина в серии очерков («Шаманы выбрали Сохондо» и др.) с любовью описывает Сохондинский заповедник, места, где когда-то бывали Черкасов и Паллас и с жалостью — жителей пустеющих сел, спивающихся и обездоленных. «Не пить? А как делать-то? — недоуменно отвечают аборигены на мои вразумления» (из очерка «Моя Аркадия»). Отсутствие пищи для интеллекта, умственной работы, Дела жизни может в отдаленных «медвежьих» углах сгубить человека.

Ф. Р. Штильмарк из «Отчета». 1972 г.: «Провели совещание в Чите, стали рассматривать разные варианты [границ заповедника], и возник при этом еще один, совсем новый — Сохондинский. Вторая по высоте вершина Забайкалья, голец Сохондо, 2500 м. Именно там берет начало р. Ингода. Сливаясь с Ононом, она образует Шилку, которая вместе с Амгунью служит началом Амура. ...Ходьба там была тяжелейшая, сплошь по каменюкам, наледям и таежным завалам, к тому же продуктов не хватило». Феликс Робертович писал о Сохондо в журнале «Вокруг света», в читинских газетах и в книге «Таежные дали». Заповедник был организован в 1973 г.

В «Отчете» автор приводит «глагол былых времен», впечатления участника экспедиции Палласа студента Никиты Соколова:

«...Тут представляется пред очи не только вся вообще Даурия, но все смежные Китайского государства места, сколько зрение проникать может. Все вообще в здешней стране живущие тунгусы по своему суеверию мнят, что гора Чеконда (Сохондо) людям есть неприступна по причине, как они говорят, живущего на ней некоторого их бурхана, то есть бога, который творит громы, пускает молнии и тучи наводит, чтобы никто из людей на ту гору не всходил».

С этим поверьем перекликается описанная в «Отчете» «сохондинская трагедия», которая «в самом деле навела страх на душу. В начале зимы шестеро лесников-наблюдателей заповедника вышли в учетный маршрут через один из гольцов вблизи Большого Сохондо. Первыми шли двое — Петя Баранов (см. ниже — К. А.)

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

и сын директора Алексей Васильченко. Они миновали голец и стали ждать остальных, но не дождались, пошли обратно и нашли... четыре трупа. Мороз был не так уж силен, версия гибели от холода «не проходила», и каких только объяснений ни пытались найти — вплоть до неземных...»

Нина Молокова, коренная тувинка, тоджинка, заместитель директора по научной работе заповедника «Азас», вспоминает, как преодолела личный и творческий кризис благодаря работе в заповеднике (М. Мамуркова. Меня спас заповедник «Азас»). Тоджа — водосборный бассейн Енисея, таких нетронутых чистых регионов осталось мало. Когда-то геоботаника Нину Молокову спас заповедник, а теперь она спасает его.

Ф. Р. Штильмарк: «Восточная Тува, или, как ее называют, Тоджа, исключительно красива. С особым усердием мы вели учеты в бассейне реки Азас и ее притоков. Дело в том, что на этой реке сохранилась колония аборигенных сибирских бобров. В. Н. Скалон не раз писал, что эти места тоже достойны заповедания, и на 1971 г. планировались полевые работы для создания заповедника на Азасе. Разработанный проект заповедника потерпел неудачу: в Совмине РСФСР его положили на полку. Сомнения высказывали работники лесного хозяйства: с какой стати им отдавать «свой» земли и леса?» Но в 1985 г. заповедник все-таки организовали.

От озера Ханка до Алтайских гор

И. В. Маслова, возглавляющая научный отдел заповедника Ханкайский, автор очерка «В погоне за черепахой», посвятила свою работу изучению дальневосточных черепах-триониксов. Для этого ей пришлось пожертвовать, по ее выражению, собственным покоем ради черепашьего и задаться вопросами, которых хватило бы на дюжину исследователей. Несмотря на прогнозы друзей и знакомых о «комарах, камышах и болотах», экспедиция вернулась, «блистая средиземноморским загаром и сияя довольными лицами». Благодаря фотоснимкам волшебный мир озера очаровал всех. А вот что было 30 лет назад.

Осенью 1976 г. в СССР пришло письмо от известного международного деятеля охраны природы Бернгарда Гржимека с беспокойством по поводу судьбы дальневосточных журавлей в связи со строительством Бурейской ГЭС, в частности, о необходимости создания заповедника на оз. Ханка. Начальник Главохоты Б. Нечаев «бросил» на это Ф. Р. Штильмарка. Из «Отчета о прожитом»: «С великим трудом удалось пробить во Владивостоке решение о создании Ханкайского заповедника, однако организация его по намеченному тогда варианту не состоялась. Он был создан только в 1990 г. совсем на ином участке, близ границы с Китаем».

Териолог, поэт и художник ныне покойная И. Филус в статье «Три страницы истории» вспоминает непростую историю Алтайского заповедника, который дважды — в 1951 и 1961 годах — закрывали, а потом

снова восстанавливали, и все, а главное — охрану территории приходилось начинать сначала. Сколько замечательных людей изучали и охраняли заповедный в полном смысле слова «уголок» Горного Алтая! Так, В. П. Пыжанкин (пос. Яйлю) посвятил охране всю жизнь, был лесником и в «первом» (до 1951 г.), и во «втором» (до 1961 г.), и в «третьем», современном, заповедниках! Директор «второго» заповедника В. В. Криницкий оставил по себе стойкую память, которая жива спустя сорок лет. Он жил по неделе со своими подчиненными в тайге, контролировал работу и принимал в ней активное участие. О временах его правления до сих пор вспоминают с ностальгией.

Ф. Р. Штильмарк хорошо знал В. В. Криницкого, к которому в 1970-х «регулярно ходил на согласование и поклон со всеми своими проектами» как к начальнику отдела заповедников МСХ СССР. «Это был очень опытный, дипломатичный до высшей хитрости чиновник, впрочем, искренне радеющий за свое дело и отстаивающий интересы ведомства. Мне он скорее покровительствовал, хотя и упрекал за излишнее, по его мнению, рвение. Например, когда я пришел к нему с проектом Таймырского заповедника площадью 1,3 млн. га, он заметил, что и трехсот тысяч га хватило бы, а миллион лишний. Но все же поданные ему бумаги завизировал».

Ильменский калейдоскоп

Блестящая галерея ученых и энтузиастов встает перед нами из книг и статей историка-архивиста Л. А. Буториной, поднявшей мало знакомый специалистам заповедного дела пласт — борьбу за сохранение подземных сокровищ Урала. Ее герои — геологи: инициатор и организатор заповедника Н. М. Федоровский, исследователи Ильменских гор А. В. Власенко, Л. А. Кулик, Ю. Д. Панков, А. Л. Воробьев, Б. А. Березин и др. Судьба последнего трагична и характерна. Она — иллюстрация к «Архипелагу свободы», как назвал заповедники американский историк Дуглас Уинер.

Военный по специальности, Б. А. Березин был до революции 1917 г. сотрудником Генерального штаба, а минералогию изучил самостоятельно и впоследствии устроился в Минералогический музей АН СССР к академику А. Е. Ферсману. С 1933 г. по личному ходатайству А. Е. Ферсмана он стал заведовать в заповеднике музеем и копиями, изучал историю Ильмен, написал несколько книг. Лишь через много лет после его кончины удалось установить, что власти охотились за ним, он был из тех, кому жить в СССР не полагалось — офицером очень высокого ранга, пытался спасти от гибели царскую семью. Видимо, он поменял фамилию и «сидел тихонько, переживая время беспорядков, избегал оставлять свои изображения на фотографиях. Директор заповедника инстинктивно чувал в нем опасного врага и ненавидел всей душой, но долго не мог «укусить». Его так и не вывели на чистую воду, не убили, но медленно удушили». Гонения со стороны администрации дополнились пожаром музея в 1941 г., где сгорело

большинство трудов Б. А. Березина, затем последовала смерть жены. 17 июля 1943 г. он скончался.

Заповедные судьбы Кавказа

Еще более трагична судьба организатора и первого директора Кавказского заповедника, Христофора (Хачатура) Георгиевича Шапошникова («Книга памяти наших сердец»). Агроном, зоолог, краевед, натуралист и горячий патриот Северо-Западного Кавказа, он с 1907 г. начал борьбу за заповедник, после создания 8 лет был его директором. Главным критерием при подборе сотрудников он считал любовь к природе. Наблюдатель-ветеран Б. А. Заславский прокомментировал это так: «Кого любишь, того и защищать будешь».

Х. Г. Шапошников был арестован по ложному обвинению, расстрелян в 1938 г., а впоследствии реабилитирован. Могила его неизвестна, но в мае 2003 г. на фасаде управления заповедника в Адлере появилась мемориальная доска в память о первом директоре. Его сын, Г. Х. Шапошников, энтомолог, сотрудник Зоологического института АН СССР, познакомился с Ф. Р. Штильмарком в Питере. Он не смог опубликовать свой очерк об отце в сборнике «Репрессированная наука» и был очень этим огорчен. Феликсу Робертовичу после некоторой переработки удалось напечатать его в альманахе «Охотничьи просторы».

Этот очерк также вошел в состав «Книги памяти наших сердец», открывая череду образов горячо преданных Кавказскому заповеднику людей. В конце 1935 г. первый директор писал в письме к сыну: «...Для вас, милые горы, я сделал многое! Всю радость, вами данную, все познанное мною в ваших трюсбах, с ваших вершин я ждал в одну большую идею и есть теперь Заповедник!»

В 1930-е годы охотоведческую станцию Кавказского заповедника возглавлял молодой сотрудник, а впоследствии известный профессор-териолог А. А. Насимович, участник экспедиции С. С. Турова по обследованию территории заповедника. Фауну и экологию зверей приходилось изучать круглый год, в том числе в лавиноопасное время. Участники работы оставили в дневниках записи о мартовских переходах через заповедник: и «...как шли между лавин, и ночлег в экспериментальных спальниках, солнце и вьюга, и тяжелый мокрый снег, лепивший в лицо, и веселый спуск к Уруштену».

В «Отчете о прожитом» А. А. Насимович — «замечательный зоолог-исследователь, достойный светлой памяти и доброго слова. Трудно представить себе, что он совершал в молодости походы невероятной сложности по заснеженным вершинам и ледникам Кавказа, пересекая его хребты там, где могли ходить только горные козлы и серны. Он прошел также тысячи километров по лапландской тайге, по степям Даурии, ему были ведомы тайны живой природы разных континентов, включая Африку и Америку. Обладая энциклопедическими знаниями, он перевел огромное количество научных статей. Я не раз слышал выражение “Насимо-

вич не человек, а учреждение". Его требовательность к себе, тщательность как редактора и автора были высочайшей пробы. О его колоссальном вкладе в заповедное дело надо говорить особо. Трудно перечислить людей, которые обязаны ему помощью и поддержкой».

Охранять природу — значит охранять Родину

Петр Баранов, сотрудник заповедника Кузнецкий Алатау, автор книги «Кузнецкий Алатау. Хроники заповедного года», заслуженно считает себя учеником Ф. Р. Штильмарка. В главе под названием «Кульминация жизни» Феликс Робертович так описывает совместное с ним обследование Хунгарийского филиала Комсомольского заповедника: «В 1976 г. по всему Нижнему Приамурью полыхали лесные пожары. ...С умилением мы увидели на левом берегу реки щит "Заповедник Академии наук СССР". Но к нему по сухой траве уже подбирался огонь, в этом было что-то символическое».

Тогда они с П. Барановым «пробирались среди незатухших лесных гарей, обходя горящие участки, и после двух бессонных ночей добрались до крохотного зимовья на берегу Чермала именно в ту минуту, когда к нему вплотную подобрался огонь, который пришлось тушить котелками воды из речки...». Чуть позже, разойдясь с напарником, охотоведом Виктором Голубковым, Феликс Робертович остался один. «Я долго искал понапрасну, впал уже в полное отчаяние. Решил переждать, отлежаться в избушке, без еды не было сил ходить, одолела какая-то слабость. А через день прибежал сюда Петя Баранов». Это было спасение. «Труднее, чем в ту осень, сезона не бывало», — пишет Феликс Робертович.

И словно продолжая это повествование, П. Баранов описывает окончание сезона в Кузнецком Алатау: «С выходом к жилью для меня закончится полевой сезон этого года, трудный физически, но легкий и комфортный духовно период, ради которого мы и работали за сущие гроши, ежеминутно рискуя потерять остатки уважения своих близких и друзей, совершенно искренне не понимающих, зачем мы ходим по тайге и безлюдным горам вместо того, чтобы заботиться о собственном благополучии каждый день и час». Ради того, в частности, считает Петр Баранов, чтобы все живое находило приют и спасение в заповеднике: «Сразу после аншлага, обозначавшего начало заповедной территории, природа оживилась. Появились заячьи и соболиные следы. Наброды рябчиков и белок пересекали наш путь, и даже атмосфера очистилась от надоевшей уже хмари. Мы еле успевали считать соболиные и особенно заячьи следы. Трех беляков мы видели живьем».

Пожары, возникающие в основном по вине людей и не щадящие заповедники, стали в наши дни настоящим бедствием для природы. Весенние пожары в дельте Волги и борьбу с ними сотрудников Астраханского заповедника описывает Ю. Чуйков в книге «Розовые острова». Вот рассказ старожила заповедника Андрия-

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

ныча: «А весело тогда жили! И люди были! Сама жизнь другая теперь. Сначала ничего не было, потом стало появляться. Берегли, не так относились...»

Теперь все есть. И трактор есть, пять тракторов-то. А горим. Страшно. Пожаров сейчас быть не должно. Раньше ничего не было, лестницами крепь ломали и тушили. Скажи — не поверят! А теперь с тракторами горим. Что-то не так, чего-то не хватает, а чего — не пойму. Теперь всего много, а народ другой...».

А вот впечатления автора книги: «...На том берегу загудело, огонь вышел к воде широким фронтом и закрутился смерчем, в котором, как соломинки, исчезали двадцатиметровые ивы. Злобный ветер, усиленный жарким пламенем, завывал все страшней. Огонь взмывал к небу. Лица людей покрылись потом и копотью, нечем стало дышать, горел даже воздух. Поверхность воды в протоке была затянута сплошным слоем пепла. Большого труда стоило людям выбраться оттуда... Только ночью, когда стих обессиленный ветер, удалось догнать огонь».

Страшные минуты! А следом — о том, без чего не мыслится полноценная жизнь: «Работа в заповеднике это не приятные прогулки в природу, а напряженный кропотливый труд. Отнимая много времени и сил, она не дает человеку больших материальных благ, особого почета и положения, дает же огромное моральное удовлетворение, удовлетворение эстетических и духовных потребностей общения с природой.

...Тихий шепот тростника, спокойная теплая прозрачная вода, белые цветы кувшинок и желтые — кубышек... Нарастающий гул лебединых крыльев, клекот орлана, кругами взмывающего в беспредельную высь... Вот так должна выглядеть Родина. Та маленькая Родина, которая у каждого своя. Единственная».

Как тут не вспомнить строки А. Суркова:

*Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь до смерти мы нашли
Ту гать земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли!*

«Гении в России рождаются хотя и редко, но постоянно»

«Окскому заповеднику повезло, — считает его недавний директор с более чем 20-летним стажем Святослав Георгиевич Приклонский («Окский заповедник: история, люди, природа», ред. В. П. Иванчев). В нем работали Владимир Порфирьевич Теплов, основатель школы учета, защитник заповедного дела и выдающийся биолог-таксидермист Владимир Александрович Корсаков».

В. П. Теплов, начинавший научную деятельность в Кавказском заповеднике, переживший годы расцвета и спада заповедного дела, понимал, что от посягательства заповедники могут спасти работы, укрепляющие народное хозяйство, прежде всего его охотничью отрасль.

В конце 1950-х в России была образована егерская служба, более 2 тысяч новых рабочих мест. До тех пор

не было достоверных сведений как о численности дичи и размере добычи, так и о числе охотников. В. П. Теплов, воспользовавшись ситуацией, предложил поручить егерям ведение учетных работ. В 1959 г. он поставил перед властью вопрос о создании при заповеднике Группы биологической съемки. Биосъемка стала, как теперь говорят, «ноухау» Окского заповедника и повысила его имидж в глазах руководящих органов. Был наведен порядок в сфере охотничьего законодательства, сроках охоты, списках охотничьих животных и особенно так называемых «вредных» видов. Во второй половине 1960-х годов учеты пернатой дичи прошли во всех республиках СССР и продолжались до 1990-х, они дали достоверную картину динамики охотничьих ресурсов. Ни одна другая организация таких исследований не вела. У истоков этой деятельности стоял В. П. Теплов.

Другой формой заповедного «ноу хау», вышедшего далеко за пределы заповедника, был зимний маршрутный учет зверей по следам (ЗМУ). Только в 1964 г. было отработано 106 391 км маршрутов. Это был прорыв в практике учетных работ, хотя основным инструментом обработки данных был «gussian computer» — бухгалтерские счета.

Между тем, работу по созданию «государственной службы учета охотничьих животных» в ЦНИЛ Главхоты координировал Ф. Р. Штильмарк. Он предложил С. Г. Приклонскому проверить метод ЗМУ в условиях Сибири и Дальнего Востока, в заповеднике «Столбы» и в Приамурье. Провели специальный семинар, но дальше дело не пошло.

С. Г. Приклонский, руководивший учетами после В. П. Теплова, писал Ф. Р. Штильмарку: «Для создания службы учета в Сибири и на Дальнем Востоке нужен, прежде всего, энтузиаст. Тогда он и без “столбов” построит здание ЗМУ».

«Второго столь активного и энергичного мастера учетных дел, каким был тогда Приклонский, не нашлось, — писал Ф. Р. Штильмарк в «Отчете». — В мае я 1970 г. я побывал у него в Окском заповеднике, где не только приобщился к работе “группы биологической съемки”, но и полюбился разливами реки Пры, побывал на дальних кордонах, надыхался весенней свежестью».

Ровесник и друг С. Г. Приклонского, профессор МГУ ботаник В. Н. Тихомиров (1932—1998) тоже был настоящим Заповедным человеком. Потому что со студентами исходил Мещерский край вдоль и поперек, более 20 лет был членом Ученого совета заповедника, проводил инвентаризацию флоры, участвовал в создании заказников на Рязанщине, в расширении границ Окского заповедника и разрабатывал проект нового заповедника в долине Оки.

«Он был не только видным ученым, но и активным борцом за охрану природы. — пишет Феликс Робертович в “Отчете о прожитом”. — При внешней своей простоте общения это был человек очень тонкой и нежной души, он буквально боготворил сред-

нерусскую природу. Как и свойственно настоящему русскому интеллигенту, он очень любил поэзию, мог часами читать стихи у вечерних экспедиционных костров и сам писал их».

Десятки сезонов проработав в ОГЗ и его окрестностях, В. Н. Тихомиров посвятил заповеднику множество поэтических строк, а одно стихотворение — лично С. Г. Приклонскому:

*Затихла под вегер Пра,
И дождь шелестит ногой.
Не верится, но пора,
Пора уезжать домой.
... ..
К единой стремись мегте,
Влекомым одной звездой,
Нельзя пустой суете
Нам дать овладеть собой.
И я, как и прежде, пью
За горький дымок костра
И огонь тебя люблю,
Сегодня, как и вчера.*

Уборщице хорошо, а зоологу лучше!

«Начитавшись всяких историй и сравнивая их с собственным опытом, я давно пришел к убеждению, что вымысел, как бы ни была богата фантазия автора, всегда уступает действительности. Жизнь в заповеднике настолько богата событиями, что фантазия на ее фоне выглядит довольно жалко», — читаем мы в книге Виктора Коркишко «О леопардах с любовью». Вот первый выход автора книги на территорию заповедника Кедровая Падь.

«Метров через сто я наткнулся на следы — по всем признакам крупной кошки. Либо леопарда, либо рыси. Только потом я узнал, что рыси в заповеднике нет. Но в тот момент я был поражен, что в ста метрах от усадьбы бродят дикие кошки! Следы повели меня на южный склон сопки, примыкающей к усадьбе. Ну и ну, зверь прошелся по склону над усадьбой в 50—70 м! Полежал на большом камне с видом на дома и удалился вверх по склону. Уже вечерело, и я поспешил вниз на усадьбу».

Вся дальнейшая жизнь Виктора Коркишко была посвящена «дальневосточной Багире» — самому северному и самому малочисленному на свете подвиду леопарда. Он очень хотел услышать от нее слова Киплинга: «Мы с тобой одной крови — ты и я!» На вопрос, что нужно для стабильного существования леопарда, он отвечал: «Самое главное — сохранить среду обитания. Самое главное — воспитать поколение людей, которым это все не надо объяснять. Чтобы это было в крови у каждого. Чтобы люди, ответственные за территорию леопарда, не жалели, что не имеют права здесь охотиться. ...Самое главное — здесь нужен запрет на охоту. Потому что там, где человек с ружьем, там браконьерство. Следить нужно и за популяцией копытных, она у нас недостаточно высокая. А к этому можно прийти, только воспитав новое поколение и не с таким потребительским отношением к окружающей среде, как сейчас...»

В. Коркишко был одним из авторов Стратегии сохранения дальневосточного леопарда, создателем фонда, учредившего газету «Зов тайги», впоследствии превратившейся в известный цветной журнал. Он сделал большой шаг к этому новому поколению. «Влюбленный в местных леопардов молдаванин», он являет собой блестящий образец Заповедного человека, убежденного в правоте своего дела.

«Нас радует, что, несмотря на полнейший развал финансирования науки, особенно академических подразделений, мы не только выживаем. Мы еще и радуемся, что делаем большое дело, и делаем так, как не имели возможности делать раньше. Для сравнения: месячная зарплата ученого со степенью в 3 раза ниже зарплаты уборщицы на ликеро-водочном заводе или меньше дневного дохода продавщицы частного киоска. Нас радует, что мы остаемся профессионалами даже в этих жизненных обстоятельствах. И спасибо судьбе, что мы имеем такую возможность».

Житие заповедных людей

Признаюсь: термин «заповедные люди» я похитила из очерка А. Горяшко «Житие заповедных зверей и людей». Ее произведения полезно было бы издать отдельным сборником, собрав из разных журналов и газет.

«Я знаю, в каких условиях они живут и на какую зарплату. Но они остаются в заповеднике. Я знаю женщин, которые проработали здесь по 30–40 лет, но так и не создали семьи. Им просто некогда и нелегко было устраивать личную жизнь, по 6 месяцев в году живя на островах. Я знаю 60–70-летних сотрудников, которые давно бы могли бы уйти на пенсию, которым с каждым годом все труднее справляться с физическими нагрузками полевой жизни. Но они не уходят из заповедника. Наконец, я знаю людей, которые, побывав в заповеднике давным-давно, еще юннатами, в отпуск за свой счет всеми правдами и неправдами, согласные помогать в любой работе, снова и снова возвращаются в заповедник» («Голоса заповедного эха»).

«Они ведут серьезную научную работу, их труды хорошо известны за рубежом, а они, между тем, часто живут без водопровода и электричества, с печным отоплением. Тяжело и счастливо живут: работают и растят детей» («Заповедное»).

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

На вопрос, заданный в начале: «Кто он, Заповедный человек?», наиболее емко и выразительно, с моей точки зрения, ответила Александра Горяшко. Вкратце это выразить трудно. Ответ складывается из контекста всех очерков. Наиболее прагматичный ответ — выжимка из очерка «Кому и зачем нужен заповедник»:

«Благополучие любой страны обеспечивается наличием патриотов. В Кандалакшском заповеднике работают патриоты Севера. Большинство из них не северяне. Работники заповедника приехали и продолжают жить и работать, руководствуясь не меркантильными соображениями, а любовью к этому краю. Они открыты для сотрудничества, работают ради сохранения здоровой среды обитания, природных ресурсов, а значит — привлекательности для бизнесменов и туристов. Это веские основания для их поддержки местными властями и частными предпринимателями. Наличие заповедника содержит в себе явные перспективы развития региона».

И касается это, конечно, не только Кандалакшского, а всех заповедников.

На чистоте и полноте отдачи своему делу строится жизнь и работа Заповедных людей, как и всех полевых биологов — «переводчиков с бессловесного». Это и притягивает к ним молодежь. А где молодежь — там будущее.

В конце нашего обзора следовало бы сказать непосредственно о результатах конкурса: какая работа какое место заняла. Конечно, жюри распределило места согласно набранным баллам. Но, думаю, это не главное. А главное — Момент истины, отразившийся в каждом положенном на бумагу творении. Он дорогого стоит. И чем больше будет таких творений, тем дальше не заметет следы, проложенные по земле Заповедными людьми. Все они продолжают дело, которому посвятил жизнь Ф. Р. Штильмарк. Думаю, что он отнесся бы положительно к нашему начинанию.

*А та тропа, что нас в тайгу вела,
Она потом о нас напомнит людям.
Пусть мы с тобой бессмертными не будем —
Бессмертными останутся дела.*

(П. Комаров, из статьи И. Филус «По тропе вслед за Федором Шапошниковым»).

МОНАСТЫРИ И ОХРАНА ПРИРОДЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Александра Горяшко

Статья была опубликована в газете «Первое сентября. Биология» (№40, 2000)

О Боже, расшири в нас чувство товарищества со всеми живыми существами, с нашими меньшими братьями, которым Ты дал эту землю, как общий дом с нами. Да уразумеем, что они живут не для нас только, но для себя самих и для Тебя, что они наслаждаются радостью жизни так же, как и мы, и служат Тебе на своем месте лучше, чем мы на своем.

Св. Василий Великий

В последние годы происходит забавная вещь. С одной стороны, термин «экология» прочно вошел в церковный обиход, служители религии все больше обращаются к экологической тематике. Статьи на эту тему стали появляться в «Журнале Московской патриархии», а Русский христианский гуманитарный институт даже выпустил сборник «Христианство и экология». Причем активно обсуждается вопрос (прошу прощения за сознательное огрубление взглядов авторов): определил ли Бог человеку господствующую роль над природой или придавал равное значение всем ТВАРЯМ СВОИМ?

Наряду с этим в среде специалистов по охране природы разгорается идеологическая дискуссия между сторонниками традиционного научного подхода к охране природы (осуществляемого, например, в большинстве заповедников) и адептами нового взгляда, предлагающими создать из природы некий культ, абсолютную неприкосновенную святыню, а научный подход полагающими неким кощунством. В обоих случаях копыя ломаются на чисто теоретической почве, и как-то забывается, что истории Церкви и охраны природы переплелись давно и вполне практическим образом.

В 1913 г. Г. А. Кожевников опубликовал статью «Монастыри и охрана природы». Соседство выне-

сенных в заглавие понятий вовсе не было фантазией автора. Профессор зоологии, теоретик и практик заповедного дела, еще в 1908 г. выработавший основные тезисы, на основе которых до сих пор строится работа заповедников, Григорий Александрович утверждал, что «важно подходить к вопросу охраны природы с широкой принципиальной точки зрения, а не смотреть узко-утилитарно».

Всю жизнь Г. А. Кожевников искал и находил самые разнообразные возможности для расширения и поддержания дела охраны природы. Он ясно видел и убедительно обосновал естественность и необходимость охраны природы в монастырях и силами монастырей.

Но прежде чем обратиться к соображениям профессора Кожевникова, заглянем в еще более далекие времена. История Русской православной церкви прекрасно иллюстрирует затронутую тему.

Конечно, библейское описание рая — самого первого идеального заповедника — человек неверующий может считать красивой выдумкой. Однако и более поздние Жития святых, основанные, по крайней мере частично, на реальных событиях, свидетельствуют о доверительных отношениях, возникавших между животными и монахами.

Наиболее прославленным русским монастырем стал Троице-Сергиевский, в 1744 г. получивший статус лавры. Его основатель, преподобный Сергей Радонежский (1319—1392), начал свой подвиг в полном уединении. Только лес и дикие звери окружали его. «Посещали его и медведи. Один медведь целый год приходил к нему, и пустынный делился с ним последним куском хлеба, когда же у него бывал лишь один кусок, он отдавал его медведю, а сам оставался голодным, потому что зверь неразумен и не понимает необходимости терпения и воздержания». Около двух лет Сергей прожил в одиночестве. «Слух пронесся о святом пустыльнике, и начали к нему собираться монахи. Собравшаяся братия умоляла святого быть наставником. Монастырь был построен. Сразу за изгородью монастыря шумел тогда нетронутый лес. Здесь люди и природа жили в согласии, следуя примеру святого подвижника».

А вот о преподобном Германе Аляскинском: «Около его келий жили горностаи. Эти зверьки отличаются своей пугливостью. Но они прибегали к преподобному Герману и ели из его рук. Видели, как преподобный Герман кормил медведя».

Бесчисленное множество подобных рассказов можно найти в Житиях святых. Для тех, кто склонен считать и Жития сказкой, не осно-

ванной ни на чем, приведем уже абсолютно достоверные исторические факты.

Примечательно, и, возможно, это не случайность, что часть современных заповедников и национальных парков располагается там, где раньше были священные языческие объекты или угодья православных монастырей: национальный парк «Святые горы» — на месте Святогорского монастыря, заповедник «Малая Сосьва» — в священном месте хантов, часть территории заповедника «Лес на Ворскле» — на месте Тихвинской девичьей пустыни, одно из лесничеств Кандалакшского заповедника — на Айновых островах, ранее бывших владениями Трифоно-Печенгского мужского монастыря. И дело не только в территориальном совпадении. Достаточно привести пример Кандалакшского заповедника, созданного в 1932 г. для охраны гаги и тем, как ни странно, продолжившего именно монастырские традиции, потому что до создания заповедника реальная охрана гаги на Белом и Баренцевом морях осуществлялась только в монастырских владениях: Соловецкого монастыря, в Онежском заливе и Трифоно-Печенгского монастыря на Айновых островах на Западном Мурмане. Несмотря на все успехи в охране гаги, достигнутые заповедником за 70 лет своего существования (на сегодняшний день популяция обыкновенной гаги на территории Кандалакшского заповедника вполне устойчива и одна из крупнейших на территории нашей страны), в одном вопросе уровня монастырей ему достичь не удалось. Гага — существо весьма пугливое и к соседству с человеком не склонное, но в монастырских владениях она была одомашнена до такой степени, что было создано прекрасное гагачье хозяйство. Было это во времена сравнительно недавние и подтверждено документально (*Некрасов М. К. Опыт одомашнивания гаги в Соловецком биосаде // Живая природа, №2, 1925*). После исчезновения монастырей подобные отношения с гагой

в нашей стране не удавались больше никому.

Вернемся в начало XX в. Статья профессора Кожевникова базируется на конкретных данных, как сказали бы сегодня, социологического опроса. В начале сентября 1913 г. Русским Орнитологическим Комитетом по инициативе Б. М. Житкова было разослано обращение к настоятелям русских мужских монастырей: «...Русский Орнитологический Комитет, озабоченный выяснением вопросов об охране птиц в Российской Империи, обращается с покорнейшей просьбой не отказать в уведомлении, есть ли... в Вашем монастыре угодья, на которых воспрещалась бы охота и ловля птиц..., а равно и о том, какое население животными и птицами... находится в этих угодьях. Поручая себя молитвам монастыря, "Р.О.К." уверен, что с вашей помощью ему удастся выяснить необходимое для богоугодного дела защиты животного мира и выработать необходимые к тому мероприятия...» Ответы были получены от 21 из 46 опрошенных монастырей.

«Расположенные весьма часто в местах глухих и всегда имеющие земельные, в том числе обычно лесные, участки, иногда весьма значительной величины, монастыри поставлены в самые благоприятные условия для устройства заповедников. Кроме запрещения охоты можно было бы подумать и об устройстве на некоторых монастырских участках полных заповедников, в которых и растительный мир оставался бы в неприкосновенности, не подвергаясь хозяйственной эксплуатации», — пишет Кожевников. Это вполне подтверждается ответами монастырей.

От настоятеля Соловецкого монастыря: «...Хотя во владениях монастыря на островах имеются птицы, как то: куропатки, тетерева, рябчики, но охота и ловля на них никогда не производится». От настоятеля Дивногорского монастыря (Воронежской губернии): «Население птиц следующих пород: гуси, утки (разных пород), куропатки, бекасы, вальдшнепы, дупеля и др. и

охота на них мною воспрещены во всякое время года». От наместника Веркольского монастыря (Архангельской губернии): «...На всех принадлежащих Веркольскому монастырю угодьях охота и ловля птиц безусловно воспрещены. Призывая на столь Богоугодное дело Божие благословение, монастырь очень сожалеет, что не может быть чем-либо полезным Русскому Орнитологическому Комитету». От настоятеля Печенгского монастыря: «Трифоно-Печенгским монастырем с 1903 г. монастырскими людьми охраняются от охоты и ловли птиц и разорения гнезд иностранцами и жителями окрестных прибрежных мест в течение вешних и летних месяцев принадлежащие искони Печенгскому монастырю Айновы острова большой и малый».

Были, правда, и ответы типа «при монастыре никаких угодий, на которых воспрещались бы охота и ловля птиц, не имеется». Но были и другие. Ответ настоятеля Кожеозерского монастыря (Архангельской губернии): «Монастырю крайне бы желалось воспретить в своих угодьях охоту на птиц, но обитель не имеет возможности осуществить свои пожелания. Поставить охранную стражу нет средств, а словесное запрещение не имеет никакого значения. Привлекать же охотников к суду тоже неудобно для монастыря, ибо камера Мирового Суда находится в 90 верстах от монастыря. Да и не монашеское дело судиться. Соболаговолите уведомить, какие возможно принять меры к охране птиц, и монастырь с глубочайшей благодарностью воспользуется ими».

Обсуждая возможность создания своеобразных монастырских заповедников, Кожевников учитывал и соблюдал интересы веры, не допуская ни малейшего ее оскорбления. «Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой дает превосходную почву для созерцания и самоуглубления, а хозяйственная эксплуатация приро-

ды, наоборот, вводит в круг мирской суеты, от которой бежит монашествующий, соприкасает его с денежными интересами, с вопросами продажи, прибыли, наживы, столь чуждыми идее иночества... Я даже иду далее. Я полагаю, что среди иноков могут найтись такие, которые начнут присматриваться к жизни природы и делать над нею некоторые наблюдения, например метеорологические, фенологические, т.е. наблюдения над ходом таких явлений, как зацветание и отцветание растений, первое появление некоторых животных после таяния снега и т.п. Знакомство с естествознанием, познание природы не должно никоим образом считаться несовместимым с благочестивой жизнью в монастыре».

И это предположение профессора вовсе не было абсурдным. Более того, к моменту написания статьи оно уже было подтверждено практикой. Среди иноков действительно находились такие, которые начинали «присматриваться к жизни природы и делать над ней наблюдения».

Весьма заметная фигура в истории Соловецкого монастыря — архимандрит Мелетий. Именно со временем его правления связан расцвет знаменитой Соловецкой биостанции (1881—1898). Архимандрит был прекрасно образованным, прогрессивным и умным человеком. Он планировал вселение нескольких видов рыб в многочисленные озера Соловецких островов, разрабатывал охранные меры по отношению к гаге и всячески способствовал устройству биологической станции на территории монастыря. Кстати, весьма красноречивый факт: Мелетий был почетным членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

А вот что рассказывает Н. Пинегин, посетивший в 1909 г. владения Трифоно-Печенгского монастыря на Айновых островах: «...Он (монах) знает наперечет все гагачьи гнезда... “Этим время и коротаем; каждый раз, как из избы выйдешь, новую ее пичужью повадку узнаешь; пойдешь по острову, по-

ищешь, нет ли где нового гнездышка у “гакхи”; которая глупая, застудит, новых ей от несущейся положишь; каждый раз новый обычай увидишь; верно это, к примеру посмотри, которая знает дело свое: полетела с гнезда питаться или за иным каким делом, сейчас носом пух на яйца напихнет, закроет значит, чтобы не стыли, и удивляешься, сколько, можно сказать, понятия! — иль посмотрел бы, как тупик нору новую роет; нос, сам видал, как лопата острая; носом копает, а лапами землю выгребает, а другие смотрят кругом: не прорыл бы ихнюю нору, наблюдают за своим добром!”»

Как видим, наблюдательность монаха вполне достойна уровня хорошего полевого орнитолога. Кожевников оказался прав и в про-

гнозе на будущее: «С ростом городов, с чрезмерным возрастанием в них шума и суеты монастыри должны бежать из городов в глушь, в не заселенные еще дебри лесов и там, получивши в свое владение большие участки, должны хотя часть их превратить в заповедники, сохраняя для грядущих поколений не только образец благочестивой жизни, но и нетронутую рукой промышленника первобытную природу». Благо и опыт сохранения первобытной природы для грядущих поколений у монастырей тоже имеется.

Н. Пинегин свидетельствует о роли в этом важнейшем деле Трифоно-Печенгского монастыря: «Птиц до тех пор, пока не было издано в Норвегии закона, запрещающего истребление гаг, на островах

«Путь к гармонии». Рис. Анфисы Ворониной, 6-й кл. Липецкая обл.

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

было еще больше, чем в настоящее время; после же издания закона норвежцы стали ездить к нам на Айновы острова и выбивать гаг для пуха, не щадя и яиц. Вскоре жизнь на островах стала вымирать... Печенгский монастырь, восстановленный в начале 1880-х годов, начал усиленно хлопотать об отводе в его собственность многих незаселенных мест у Мурманского берега, в том числе и Айновых островов, мотивируя последнюю просьбу главным образом тем, что гаги, предоставленные сами себе, уничтожаются без охраны и скоро совершенно исчезнут. Монастырь обещал охранять их от истребления... По Высочайшему указу монастырю были отданы острова... Распуганные гаги только в последние годы начали вновь селиться в более значительных количествах и с каждым годом более и более».

«Специально для устройства заповедников монастыри вполне удобны потому, что являются учреждениями прочно поставленными, обычно солидно обеспеченными и имеющими полные шансы на неопределенно долгое благополучное существование. Идея монашества, удаление от суеты и скверны мирской всегда будет иметь своих приверженцев, так как в основе этой идеи лежат высокий порыв, идеальные стремления к духовному

совершенству, которые составляют характерную особенность человека и, надо надеяться, никогда не заглохнут». Так завершает свою статью Кожевников. Он ошибся только в одном — в предположении о «неопределенно долгом благополучном существовании» монастырей. В 1913 г., наверное, невозможно было представить, что всего через четыре года многие монастыри будут разграблены и уничтожены.

Но в главном он все же оказался прав: идеальные стремления и высокие порывы людей не заглохли, сумели сохраниться в мясорубке российской истории. И об этом свидетельствуют сегодняшние факты.

В 1980-х годах Харьковская епархия перечислила 1 тыс. руб. в Фонд охраны речки Берестовая. Архиепископ Саратовский Пимен произнес специально подготовленную проповедь «Красота природы». Киевские священники устроили экологическую тризну в знак протеста против вырубki местными властями части городского парка. Пюхтинский женский православный монастырь в Эстонии выступил в роли спонсора тульской экологической газеты «За выживание». Свято-Введенский Толгский монастырь проводит мероприятия по сохранению кедровой рощи. Работа выполняется с благословения архиепископа Ярославского и Ростовского Михея при непосредствен-

ной поддержке настоятельницы Свято-Введенского монастыря игуменьи Варвары.

В 1996 г. Волжско-Камский заповедник в Татарии и находящийся на его территории монастырь заключили договор о сотрудничестве и взаимопомощи. Директор заповедника рассказывает: «Взаимосвязь монастыря и заповедника сложилась уже в силу исторических причин. Монастырь немислим без окружающих его живописных лесов и озер, сохранением которых занимается заповедник. С другой стороны, именно благодаря монастырю уцелели старовозрастные леса, составляющие ядро Раифского участка заповедника. Помимо этого на современном этапе сложилась общность их интересов в сохранении и развитии природного и культурного наследия. Настоятель монастыря архимандрит Всеволод является членом Ученого совета заповедника. Одним из направлений совместной деятельности является подготовка проекта создания Центра природного и культурного наследия. Будем надеяться, что подобные начинания помогут избежать в будущем осквернения и уничтожения храмов, надругательства над Землей и Природой».

«Лисички». Рис. Риты Евсенькиной, 7-й кл., г. Спас-Клепики

Я ВЕРНУСЬ

Александра Горяшко

Статья была опубликована в газете «Заповедный вестник» (№6, 2002)

7 сентября 2002 г. исполнилось 70 лет Канда-лакшскому государственному природному заповеднику. В связи с этой датой можно было бы вспомнить историю создания заповедника, описать основные направления его работы, природные особенности и тому подобное. Сейчас же, накануне юбилея, больше тянет на лирику. Тем более, что наступает осень, заканчивается полевой сезон, грустно прощаться с любимыми островами. И еще грустно, что не удастся заповеднику отпраздновать свой юбилей так, как хотелось. А хотелось собрать вместе наших старых работников, теперь уже очень пожилых людей, пригласить сотрудников ряда беломорских биологических организаций, с которыми мы тесно сотрудничаем многие годы, увидеть руководителей юннатских групп, отдавших по 30—40 лет работе в заповеднике, выросших юннатов и студентов, наших воспитанников, для которых работа в заповеднике определила всю дальнейшую жизнь. На такой праздник, увы, не нашлось денег. Не получится увидеть всех этих людей, вместе вспомнить прошлое, поблагодарить их. Остается только надеяться, что, несмотря на все трудности и разногласия, в день рождения заповедника мы будем одинаково чувствовать главное — огромную любовь к вечной красоте Северной природы, неиссякаемый интерес к ней, благодарность судьбе, которая привела нас в Кандалакшский заповедник. Поэтому к юбилею заповедника я предлагаю для публикации свою давнюю, во многом, может быть, детскую статью. В ней, безусловно, больше чувств, чем фактов. Но, насколько я могу судить, близкие чувства испытали десятки и сотни людей, для которых наш заповедник стал самым важным местом на Земле. А предлагаемую статью прошу рассматривать просто как мое личное поздравление заповеднику и всем людям, трудом, волей и любовью которых жил заповедник эти 70 лет и будет жить в будущем.

Когда придет лето, а оно обязательно придет, я снова поеду в заповедник. Это тот край земли, где люди приспосабливаются к природе, а не она к людям. Природа, вынужденная приспосабливаться к человеку, почти всегда чахнет, часто вымирает, а порой принимает страшные, уродливые формы. Люди под влиянием природы становятся сильными, здоровыми и удивительно красивыми.

Нигде я не видела мест более величественных и прекрасных, чем наш заповедник. И нигде не встречала таких прекрасных людей. Природа и люди живут здесь по одним естественным и общим для всех законам.

Первая встреча

Впервые я попала в заповедник в пятнадцать лет с экспедицией кружка юннатов. До этого, слушая рассказы о заповеднике уже побывавших там ребят, никак не могла понять, почему они с таким нетерпением ждут лета и следующей экспедиции. В их воспоминаниях не было ничего особенного: походы в лес, учеты птиц, кто-то в кого-то влюбился, кто-то печку не смог растопить... Все это было и во время полевых практик в Подмоскowie. Непонятно, зачем еще куда-то ехать? А ехать надо было далеко — в Заполярье. Потому что заповедник называется Кандалакшский и находится в Мурманской области, на Белом море.

Наш поезд приходил на маленькую станцию Пояконда ночью и стоял на этой станции ровно одну минуту. Поезд уже шел дальше — к Мурманску, когда я впервые увидела Север. Было оглушительно тихо. Были бесконечные запахи, в которых я только потом научилась различать сосны и травы, водоросли и бруснику, а тогда все затмевал цветущий багульник. И было море. Ярко-синее, какое бывает только в сказках. Острова — то большие, то совсем крохотные. И везде были птицы. Это потом я научилась узнавать их по головам и в полете, а тогда они были просто Птицы. А еще выше птиц и дальше островов повсюду был яркий, огромный, голубонебный день — ровно в час ночи. И вот тогда, двадцать два года назад, одним вдохом все это вообраз, я сразу и навсегда поняла, что попала на Родину.

Сейчас я скажу странную вещь, но это правда. Когда человек впервые приезжает в заповедник, там всегда хорошая погода. Может быть, хитрый Север так заманивает? Потому что когда вот так, с первого взгляда влюбляешься, как я влюбилась, то потом уже ни затяжные дожди, ни снег в середине июня ничего не в силах изменить. Любовь на всю жизнь, сумасшествие, диагноз.

Кандалакшский заповедник

Мы жили на острове, остров назывался Великий. В старом деревянном доме — бывшем кордоне лесника. Топили печку, готовили еду: все больше каши да макароны с тушенкой. Продукты с материка привозил на катере лесник. Раз в неделю, если не было шторма. В шторм грызли сухари и ждали погоды. Воду носили за километр из колодца. Она была желтая, потому что в колодец приходила из торфяного болота. В покосившейся баньке жила гадюка Марфа. Раз в неделю, прежде чем затопить баню, мы деликатно стучали в дверь. Марфа уползала, разрешая нам помыться.

В любую погоду проводили учеты лесных птиц. Каждый день с утра — пять километров в одну сторону, пять — обратно, записывая всех птиц, встреченных на маршруте. Лес дикий: то через заросли пробираешься, то перелезаешь поваленные деревья. А земля вся из камней, крохотных и огромных, поросших мхами, разноцветными лишайниками. Всякий раз думаешь, куда ногу поставить (это потом, через два-три года, ноги начинают сами «видеть» камни). После обеда снова пять километров туда, пять — обратно, и уже вечер. Пора спать, но совсем не хочется. Даже не потому что светло (к белым ночам привыкла сразу, будто иначе и не бывает), а очень уж манит к себе море. Подолгу сидели на берегу, смотрели на острова, на каждом хотелось побывать. И дождались. Нас взяли в море на учеты гнезд гаги.

Именно ради охраны гаги и был создан Кандалакшский заповедник. Пух этой северной утки самый теплый в мире. Растет на груди и брюшке, под перьями. Когда гага строит гнездо, то делает лунку в земле и выстилает ее своим пухом. Гнездо получается очень теплым, хорошо защищает яйца от переохлаждения. Люди, жившие в этих краях, всегда гагачий пух собирали. Впрочем, и яйца собирали, и самих гаг стреляли. Но пока людей было мало, гаги с таким к себе отношением справлялась. Уходили гнездиться на дальние, недоступные для людей острова и там спокойно размножались, восполняя ущерб. А потом Север начал активно осваиваться, людей стало очень много, а вместо прежних веселых лодок у них появились моторные катера, на которых можно легко добраться до любого острова. Численность гаг катастрофически уменьшилась, птица оказалась на грани вымирания.

В душе каждого из нас есть сокровенный уголок. Он очень редко открывается для других. Именно в этом уголке живешь ты настоящий, из него черпаешь силы, когда трудно, к нему обращаешься за ответом на самые важные в жизни вопросы. Такие же сокровенные уголки есть и у Земли. Когда-то вся Земля была таким уголком, но люди варварски вторглись в естественную жизнь окружающего их мира. Без особых на то оснований они объявили себя царями природы. Цари получились никудышные — обрекающие поданных на вымирание (а много ли стоит царь без царства?). К счастью, нашлись другие люди, для которых так же важно уберечь природу от грубого и невежественного вторжения, как сохранить живой собственную душу. Именно они создали Кандалакшский заповедник. Сотни уникальных островов и огромные морские пространства вокруг них охраняются, по сути, ради того, чтобы природа осталась в своем первозданном виде. В результате сохранились, приумножились и здравствуют сейчас популяция гаг Белого моря, а также огромное количество других птиц, жизнь которых связана с водой: чаек, уток, куликов. И все другие обитатели этого богатейшего края — от крохотных морских беспозвоночных до огромных тюленей, от бабочек до медведей, — все они смогли сохранить свой дом нетронутым.

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

Острова

Работники заповедника вмешиваются в жизнь природы крайне редко и очень осторожно. Но обязательно каждый год проводятся учеты численности всех птиц на островах, описание гнезд, кольцевание птенцов. В этой работе научным сотрудникам и помогают юннаты.

Время учетов самое трудное, но самое притягательное. Многие из нас целый год живут ожиданием этих июньских дней, когда все короткие часы сна тебе будут слышаться крики птиц и шум мотора, а спальник будет качать, как катер в волнах. Когда, вскочив утром, бежишь на берег, смотришь, есть ли ветер, можно ли выходить в море. Когда, наскоро проглотив чай из обжигающей руки кружки и побросав в сумку какую-нибудь еду, натягиваешь резиновые сапоги, свитер, штормовку и на целый день уходишь в море. Остров за островом, час за часом — высадка на берег, не разбегаться и не шуметь, выстроились цепью, пошли вокруг острова.

Конечно, в первый раз никто ничего не знает и не умеет. Научиться этому заранее невозможно. Впервые попав на учет, мы учимся буквально на ходу. Задача номер один для новичков проста — сообщать обо всем услышанном и не раздавить гнезда, для чего внимательно смотреть под ноги. Нас обуревают щенячий восторг, мы впервые на новом острове, и он совсем не такой, как наш. Потом мы увидим, что они все «не такие» — ни одного похожего: тот с лесами болотами, а этот — сплошные скалы, один — крохотный лужок посреди моря, другой — взглядом не охватить и гора посередине. Какой-то двумя каменными горбами похож на верблюда, его и зовут Верблюд, а каменная пупочка, торчащая из воды, называется Клоп, но и на Клопе гнездятся птицы. Поглощенные новыми впечатлениями, мы не очень-то внемлем инструкциям руководителя, все кажется так просто. Впрочем, эта иллюзия быстро развеивается. Из-под ног вдруг взлетает гага — она сидела в полуметре от тебя, а ты не заметил. Какие-то скорлупки, валявшиеся в траве, оказывается, нельзя было проходить равнодушно — это остатки яйца, расклеванного хищной птицей, и надо определить, чье было яйцо. Мокрые и грязные клочки пуха в кустах могут быть остатками съеденной орланом гаги или гнездом, в котором только вчера вылупились птенцы... Все это необходимо замечать, определять, правильно записывать. Уже некогда любоваться красотами, да и ноги начинают гудеть, комары заедают, так и хочется прилечь на мягкий мох, закрыть глаза. Нельзя. «А нам еще много островов осталось?» — начинают допрашивать самые малодушные. «Достаточно». В пятнадцать лет я обижалась, теперь сама отвечаю так юннатам и знаю, что иначе иначе не скажешь. Только на островах становится видно, кто из ребят скиснет после первого же 14-часового рабочего дня и следующим утром запросится остаться дома, а кто будет, сжав зубы, до последнего преодолевать усталость, обретать второе, третье, десятое дыхание. Когда увидит новый остров. Когда возьмет в руки птенца. Комочек пуха: серый с черными пятнышками у чаек, коричневато-бу-

рый с белыми бровками у гаг, с рождения носатый и длинноногий (а ножки — тоньше спички) у куликов. Первый взятый в руки птенец — ни с чем не сравнимое чудо. Тысячный — точно такое же чудо. Часто птенцы вылупляются прямо на глазах. Подходишь к гнезду — яйца с дырочками, из дырки торчит клюв, шевелится, пищит, прорубает себе окно в мир. Наконец появляется — мокрый, страшный и невероятно живой. Если тепло, быстро обсыхает, жалкие мокрые кисточки превращаются в густой пух. Я видела, как самые циничные ребята, взяв в руки эти несколько граммов пищущего пуха, превращались в нежных мамаш: и дыханием отогревали, и сюсюкать друг начинали, и никак не хотели отпускать.

Полевой сезон

Наш рабочий день не ограничен наступлением темноты, светло круглые сутки, но зато ограничен теми двумя-тремя неделями, когда большинство птенцов уже вылупились, но еще не ушли из гнезда в море. Ограничен погодой: в дождь учеты проводить нельзя — замерзнут птенцы, да и мокрые скалы становятся скользкими, недолго шею сломать. В сильный ветер не выйти в море, не пристать к острову. Ограничен капризами старенького лодочного мотора — не дай Бог сломается, тогда — прощай, учеты. И поэтому, пока все работает, не дует, не каплет, мы стараемся успеть обойти как можно больше островов.

«А тебе не скучно, — спрашивают московские знакомые, — каждый год столько лет ходить по одним и тем же островам, смотреть на одних и тех же птиц?» Даже смешно объяснять. Да разве они бывают теми же? Они всегда разные. Они живые. Каждый год что-нибудь новое, неожиданное. Потом вспоминаешь: вот на этом месте мы три года назад вспугнули зайца, он с перепугу бросился в воду и поплыл; здесь, на большом камне, в прошлом году старый седой тюлень грелся на солнце и совсем нас не испугался — мы фотографируем, а он лежит валяжно, ластом обмахивается; а в этом кустике всегда гнездится одна и та же гага, удивительно спокойная, к гнезду подпускает вплотную, мы ее уже три раза ловили и кольцевали.

Учеты. Безликое казенное слово, но для всех, кто побывал на островах, оно полно тайны и красоты, оно пахнет соленым морским ветром, счастливой усталостью отдается в ногах. Даже сидеть на берегу, неделями обрабатывать материалы, собранные во время учетов, — разносить по таблицам, выписывать, подсчитывать — не скучно. За каждой записью в полевом дневнике — живой лес, живая птица. Названия островов на бланке, как имена любимых друзей: Великий, Ряшков, Медвежий, Олений, Красотка; и смешные — Гнидка, Гнидуля, Ванька и Встанька...

Учеты — дело общее и обязательное для всех. Каждый научный сотрудник вместе с добровольными помощниками обрабатывает несколько десятков островов. А в остальное время у каждого своя работа: птицы, рыбы, млекопитающие, насекомые, растения. Научный сотрудник, который взял нас на учеты, занимался

птицами. В первую очередь гагой. Ее поведением, тем, как влияет на ее жизнь соседство с человеком. Когда время нашей экспедиции подходило к концу, я поняла, что не могу расстаться с заповедником. Просто не могу вот так — побыть месяц и уехать. Здесь моя жизнь, мое все. И я стала хвостом ходить за несчастным ученым, тогда еще совсем молодым лаборантом, вчерашним студентом, и набиваться к нему в помощники. Помощник из меня был тогда, прямо скажем, сомнительный. Ничего не знала, не умела. Да еще несовершеннолетняя — если что (а на море всякое бывает), ему отвечать. Даже не знаю, почему он согласился на мои мольбы, но он согласился. Наша группа уехала, я осталась на острове до конца лета.

Без громких слов

Потом я закончила биологическую школу. Летом, когда одноклассники проходили практику в Московском ботаническом саду, мне присылали бумагу из заповедника о том, что работа в нем — вполне достойная биологическая практика, и я уезжала. Поступила в университет. Надо ли говорить, что курсовые и дипломная работы были посвящены гаге. А потом я стала искать место работы — такое, где была бы свободна все лето для заповедника, и не нашла. Тогда остался только заповедник.

За эти годы многое изменилось. Поддавшийся когда-то на мои уговоры лаборант вырос до заместителя директора заповедника по научной работе, защитил диссертацию. Из строгого взрослого шефа превратился в близкого друга. Теперь я для него — полноценный помощник и сама учу юннатов. Они на моих глазах вырастают, становятся студентами и вот уже сами приезжают в заповедник с толпой бестолковых юннатов.

Как и всем российским заповедникам. Канда-лакшскому стало очень трудно жить. Занятое социальными переустройствами и распрями государство издает законы, призывающие охранять природу, но почему-то забывает выделить деньги. Заповедники продолжают существовать в основном благодаря помощи западных благотворительных фондов и подвижническому труду своих работников. Истоки этого труда — в огромной любви к живому. Впрочем, слово «любовь» вы вряд ли услышите в заповеднике. Там не любят громких слов. Там просто ощущают себя частицей огромного мира, кровно связанной с этим морем, островами, небом.

Когда закончился первый в моей жизни полевой сезон, меня на моторке отвозили с острова на материк, к поезду. Я старалась скрыть слезы, про себя клялась вернуться и вдруг увидела, что березы на берегу удаляющегося острова уже желтые. Это было также неожиданно и больно, как увидеть седую прядь в волосах любимого человека. И вот тогда очень спокойно, без слез и без пафоса, я сказала поседевшим березам: «Я вернусь».

ДИРЕКТОР СТРАНЫ ЛОТОСОВ

Юрий Чуйков

Глава из книги «Розовые острова» (Астрахань, 2000). Печатается с сокращениями.

Прошлое и будущее! Много славных имен вписано в историю Астраханского заповедника. Самые известные из них — Хлебниковы: Владимир Алексеевич, Виктор, Вера, и Н. Н. Подъяпольский. Они упоминаются почти во всех исторических справках. Иногда рядом с ними появляется еще одно — А. Г. Дюнин. Что известно о нем?

Он был первым официальным директором нашего заповедника, написал несколько орнитологических работ. Вот, пожалуй, и все.

Занимаясь историей заповедника, мне пришлось обращаться за помощью к большому кругу людей. Кто-то дал мне бакинский адрес Дюнина. И хотя было известно, что Александр Григорьевич давно умер, я все-таки написал по этому адресу в надежде, что там остался кто-то из родственников.

Ответа долго не было. И вдруг как-то под Новый год получаю открытку, написанную Киной Александровной Дюниной, дочерью Александра Григорьевича. Так благодаря неизвестным мне добрым людям завязалась очень интересная переписка, позволившая мне познакомиться с Киной Александровной и очень многое узнать о жизни ее отца и истории нашего заповедника.

Александр Григорьевич Дюнин родился в крестьянской семье в селе Солодники Астраханской губернии 5 апреля 1881 г. Учиться начал в приходской школе. В 1893 г. по направлению деревенского схода поступил в Астраханское реальное училище.

В 1901 г., окончив училище, Дюнин уехал в Петербург, поступил в Лесной институт, по завершении обучения в котором был направлен в г. Устюжну в качестве ученого-лесоведа. Работал помощником лесничего в Самарской губернии, лесоустроителем в Вятской и Новгородской губерниях. В последней — еще лесничим и инспектором лесов.

В 1918 г. вместе с женой Варварой Ивановной Дюниной (Стромиловой), воспитанницей писателя Н. С. Лескова, он вернулся в Астраханскую губернию. Работал в селе Красный Яр инспектором лесов.

Помимо организационной работы в заповеднике Александр Григорьевич включился и в научные исследования. В 1927 г. он опубликовал в астраханском журнале «Наш край» очерк о заповеднике. В 1931 г. Астраханское кооперативное товарищество охотников выпустило тиражом в 2 тыс. экземпляров брошюру Дюнина «Что такое охотничье хозяйство и как следует его вести».

«Положения, излагаемые мною в настоящей работе, — писал Дюнин, — имеют в виду главным образом

низовье Волги, территорию дельтовой части ее. Трудность построения хозяйства при необъятности наших угодий, при трудности доступа к ним ясна каждому охотнику, мало-мальски знакомому с жизнью дельты, поэтому на работу мою надо смотреть как на попытку пробудить самосознание охотников дельты, дать толчок к коллективному творчеству построения охотничьего хозяйства Прикаспийского края».

К сожалению, нужно отметить, что сегодня в дельте не осталось уже уголков, недоступных для человека. Повсеместно сейчас птицы и звери чувствуют его близость.

ВЦИК и СНК РСФСР 10 февраля 1930 г. утвердили республиканское положение об охотничьем хозяйстве, в котором предусматривались не только охрана и рациональное использование дичи, но и улучшение охотничьих угодий, воспроизводственные мероприятия. Дюнин считал, что издание такого положения свидетельствовало о том, что настали времена, когда необходимо коренным образом изменить отношение к охоте.

«При поверхностном взгляде как будто бы делать этого не надо, — писал он, — так как охотугодья наши по площади весьма солидны, кормовые запасы их довольно обильны, да и дичи на первый взгляд как будто достаточно. Но это только на первый взгляд; при более внимательном подходе оказывается, что положение далеко не так благополучно и по некоторым видам дичи дело обстоит настолько плохо, что регулированием охоты дела не поправить и приходится говорить о подсадках и дичеразведении».

Среди причин снижения запасов промысловой дичи кроме неумеренной охоты и сбора яиц Дюнин называет обвалование ильменей и вытеснение из-за этого птицы и зверя в низовья дельты. Кроме того, он считал, что серьезно подорвал кормовую базу беспощадный сбор орехов чилима, которые служат пищей гусям и кабанам.

«Что же надо сделать, чтобы восстановить наш охотничий фонд, возродить промысловую охоту, избавить охотника-промышленника от необходимости покрывать громадные пространства в мучительной погоне за дичью и, наконец, поставить охотника-любителя в условия нормальной охоты, чтобы рабочий завода и служащий учреждения могли использовать охоту, этот лучший и здоровый вид отдыха, не за 40—50 км, как теперь, а в непосредственной близости от своего предприятия, без длительного отрыва от производства, без дорогих, часто не по карману, затрат на поездки и, наконец, чтобы охота эта не носила характера доколачивания

жалких остатков поршков, а была бы нормальным отстрелом вполне развившейся дичи?»

Не буду комментировать этот великолепный пассаж, хотя в своей «средней» части он может вызвать сейчас у многих усмешку. В самом деле, в наши дни трудно представить успешную охоту в непосредственной близости от Астрахани. Нужно помнить, что критическая ситуация с охотничьими ресурсами, сложившаяся в первые десятилетия двадцатого века, коренным образом отличается от сегодняшней. Не было еще повсеместного нарушения целостности природных экосистем и катастрофического загрязнения практически всех природных сред, какое мы имеем сегодня. Предпринятые в те годы усилия позволили восстановить или, по крайней мере, увеличить численность многих видов.

...В восьмидесятые годы для проведения совместных работ по изучению и охране природных ресурсов был создан объединенный координационный совет трех каспийских заповедников Советского Союза: Астраханского, Красноводского и Кызыл-Агачского. Расположенные на разных берегах Каспия, в разных республиках, они были объединены путями миграций многих видов птиц. В конце 1988 г., отправляясь на заседание этого совета в Азербайджан, в Кызыл-Агач, я рассчитывал на обратном пути встретиться в Баку с Киной Александровной. Однако обстоятельства складывались так, что времени на встречу не хватало. До отлета в Астрахань оставалось всего около двух часов. Но, к моей радости, рейс наш по какой-то причине отложили на сутки. Переночевав в аэропортовской гостинице, утром следующего дня я отправился в гости.

Небольшая квартирка в центре Баку заставлена старой мебелью. На полках книги, среди них много книг Н. С. Лескова. Фотографии. И рядом — небольшая морская раковина.

Мы сидим за столом, пьем чай. Кира Александровна угощает очень вкусным вареньем из инжира. А я поглядываю на раковину.

— Да, эта самая. Подарок Владимира Алексеевича Хлебникова, — говорит хозяйка и достает раковину из застекленной полки.

Прикладываю к уху.

— Еще немного шумит. Но уже не так, как раньше. На море уже не похоже, — вздыхает хозяйка.

Действительно — шумит. Как все-таки тесен мир и коротка человеческая жизнь!

За несколько последних лет мне удалось увидеть, подержать в руках множество вещей и предметов, окружавших Владимира Алексеевича Хлебникова. У его внука — Мая Петровича Митурича — видел знаменитую калмыцкую пороховницу. В ЦГАЛИ читал испианные трудночитаемым почерком листки его писем. В Казани — отсыревшие, местами заплесневелые деловые бумаги управляющего Казанским именем тех лет, когда им управлял Хлебников.

И вот раковина из его астраханского кабинета, подаренная в двадцатые годы маленькой девочке...

Кира Александровна рассказывает об отце. Раковина лежит на столе. Я время от времени беру ее в руки. Приятно ощущать теплую тяжесть, словно что-то из прежних тревожных и удивительных времен передается мне от нее. Прикладываю к уху — легкий шум. Не течение ли это времени шуршит, заблудившись в розовом завитке?

Хозяйка достает фотографию. На ней надпись: «В память совместной службы с Александром Григорьевичем Дюниным (1923—1926 гг.)». На обратной стороне дата — 9 июня 1926 г. На фотографии одиннадцать мужчин разного возраста. В рубахах навыпуск, подпоясанных узенькими ремешками, сидят на фоне нарисованной природы в ателье какого-то астраханского фотографа.

— Это — Футасевич, это — отец, а это, узнали конечно, — Хлебников. Остальных, к сожалению, не знаю, — тихо говорит Дюнина.

Три первых руководителя заповедника вместе! Эта фотография мне нигде до сих пор не встречалась.

В марте 1927 г. Дюнин уехал из Астрахани в Пятигорск, где работал заведующим лесным отделом. В 1929 г. он переехал в Майкоп. Там находилось тогда управление Кавказского заповедника, который он и возглавил. Кира Александровна говорила, что причиной отъезда из Астрахани было состояние здоровья матери.

— Кавказский заповедник очень своеобразный и красивый, — вспоминает она, — но человеку, родившемуся и выросшему на Волге, привыкшему к раздолью и величю волжских плесов, горы не по душе! Горы он выдержал только до декабря 1929 г. И опять вернулся в Астрахань.

Вновь став директором Астраханского заповедника, Дюнин с семьей поселился в комнате при управлении. Время было трудное, голодное.

— Отец был счастлив, что опять на Волге и в заповеднике. Большую часть года он проводил там. Чаще на Обжоровском и Трехизбинском участках. Я к тому времени подросла, и он брал меня во все летние экспедиции. На Трехизбинском участке в период кольцевания птиц мы долго жили на островах, и в мои обязанности входило приготовление «фирменной» каши — тогда это была только пшенка — и чая. Уху мне не доверяли!

Научные интересы Александра Григорьевича не ограничивались охотничьим хозяйством. В 1934 г. он публикует (вместе с Ш. И. Эпштейном из астраханской малярийной станции) в журнале «Медицинская паразитология» небольшую заметку о заболевании самцов гамбузии. Эти рыбки, акклиматизируемые в то время в нашей стране для борьбы с малярийными комарами, были завезены и в Астрахань, содержались в аквариумах.

В 1926 г. ряд сел Володарского района охватила эпидемия туляремии. Хранителем и переносчиком этого заболевания является водяная крыса. Высокое половодье того года заставило зверьков, обитавших в ни-

зовьях, мигрировать вверх по течению, что и привело, очевидно, к более частым контактам их с людьми.

На одном из участков заповедника — очевидно, на Обжоровском — были проведены специальные исследования биологии этого зверька. Кроме Дюнина в них принимали участие сотрудники Астраханского противочумного пункта: Е. И. Новикова, Г. А. Лалазаров, Е. Г. Палажченко. Было установлено, что водяные крысы поздней осенью обитают в основном по берегам култуков, в зарослях тростника и рогоза, устраивая между их корневищами под толстым слоем отмершей растительности свои тропы и кормовые площадки. К зиме они переселяются в глубокие норы под корнями деревьев в ивовых лесах.

С началом половодья, вытесненные из нор водой, взрослые зверьки вместе с появившимся в апреле молодняком, появляются на берегах ериков, на плавающем в воде прошлогоднем тростнике. В годы с высоким половодьем их часто можно было видеть и на деревьях, в дуплах и птичьих гнездах. После спада половодья крысы вновь уходят на берега култуков, где в августе у них появляется второй помет.

Среди 268 отловленных исследователями в заповеднике крыс туляремийной эпизоотии обнаружено не было.

Интересно, что при обследовании нор грызунов были дважды найдены зеленые жабы. Эта информация почему-то выпала из поля зрения сотрудников заповедника. До сих пор считалось, что в те времена этот вид, не любящий соседства с постоянными водоемами, в низовьях дельты не встречался. Появление его уже в наше время на участках заповедника связывают с постепенным опустыниванием дельты. Замечу, что жабу зеленую, маленькое изящное существо, не надо путать с лягушкой озерной, обычным обитателем водоемов заповедника.

Материалы по биологии водяной крысы были опубликованы в 1935 г. в «Вестнике микробиологии, эпидемиологии и паразитологии».

В 1936 г. в Москве вышел первый выпуск научных трудов госзаповедников Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК. Тираж издания — всего 1 тыс. экземпляров. Приоритет, как и всегда в заповедном деле, принадлежал Астраханскому заповеднику: этот выпуск был одновременно и первым выпуском трудов нашего заповедника. В книгу вошли всего две крупные работы: «Материалы к орнитологической фауне дельты Волги и прилегающих степей» К. А. Воробьева и «Бакланы в дельте Волги» А. Г. Дюнина.

Работа Воробьева обобщала его пятилетние наблюдения. Продолжая орнитологические работы Хлебникова, он кроме стационарных исследований на участках заповедника совершил несколько экспедиций: в 1927 г. в район с. Селитренного, в 1928 г. — в район с. Кордуан и от Сафоновки до Джамбая, в 1930 г. — в западные подстепные ильмени, в 1931 г. — в район станции Досанг.

Выражая «за предупредительное и внимательное отношение» благодарность администрации заповедника Дюнину, Ермолаеву, Хлебникову, К. А. Воробьев в предисловии писал: «В эту работу я включил только свои личные наблюдения, почти совершенно не касаясь литературного материала, так как общая сводка всей имеющейся литературы по данному вопросу сделана В. А. Хлебниковым в его большой и многолетней работе (рукопись), посвященной птицам всего Астраханского края».

К сожалению, эта работа Хлебникова никогда не была опубликована, рукопись ее отыскать не удалось.

Кстати, Воробьев одним из первых обратил внимание на роль серой вороны в заповеднике: «Необходимо отметить тот вред, который приносят заповеднику вороны истреблением яиц и птенцов в гнездовых колониях... Я полагаю, что вороны... должны подвергнуться здесь преследованию, так как в противном случае быстрое увеличение их количества неблагоприятно отразится на птичьей населении заповедника. Надо помнить, что основная цель заповедников — сохранить и размножить тот или иной вид или комплекс организмов, а не производить эксперименты по борьбе их за существование».

Работа Дюнина о большом баклане в дельте Волги представляет собой монографическое описание этого вида. В ней приводится описание распространения этих птиц по дельте, мест их обитания, образа жизни и фенологии, строительства гнезд, среды обитания и ее изменений под влиянием их жизнедеятельности, поведения, динамики численности, взаимоотношений с другими видами. Особое внимание уделено питанию бакланов. Этот вопрос занимал исследователей того времени в связи с проблемой «вредных» и «полезных» животных.

К сожалению, в 30-е годы ученые и практические работники значительно отошли от тех взглядов, что развивал в свое время В. А. Хлебников в работе «Позвоночные враги промысловых птиц и зверей Астраханского края».

Не избежал этого и Дюнин. Рассматривая «вред», приносимый бакланами рыбному хозяйству дельты, он делает такое категорическое заключение: «Подводя итог всему изложенному выше, мы приходим к выводу, что наличие больших количеств баклана в волжской дельте несовместимо ни с рыбным, ни с лесным и транспортным хозяйством ее. Хозяйственная жизнь дельты изменила характер многих экологических взаимоотношений. С точки зрения экономики жизнедеятельность баклана имеет, пожалуй, исключительно отрицательный характер. Баклан, как составная часть сложного, живого организма дельты, может быть терпим здесь в небольшом количестве и не иначе, как только в качестве памятника природы».

Никому, наверно, не дано избежать влияния своего времени. В те годы на территории заповедника началось истребление не только ворон, но и бакланов, категорические суждения о вреде которых весьма сомнительны.

В эти же годы началось уничтожение и сотрудников заповедника, как и многих других представителей интеллигенции, не «вписавшихся» в программу «хозяйственной» перестройки страны...

В целом эта дюнинская работа смотрится отличным авторефератом кандидатской диссертации и свидетельствует о высоком уровне научной подготовки ее автора. И жаль, что она не стала диссертацией. В год выхода первого выпуска трудов заповедника Дюнина в Астрахани уже не было.

— Голод и недоедание в начале 30-х годов, — вспоминает Кира Александровна, — сказались на здоровье матери. Врачи настоятельно советовали переехать на юг, и отец принимает предложение Азербайджанского филиала Академии наук СССР переехать в Кызыл-Агачский заповедник в качестве директора.

Переезд состоялся в мае 1935 г.

— Отец жил в заповеднике на острове Сара, а мы с мамой — в Баку, — продолжает моя собеседница. — С жильем были сложности, и нас приютил профессор Елпатьевский, директор Института зоологии...

В южной части западного побережья Каспия, там, где протекали по Ленкоранской и Муганской низменностям речки Виляжчай, Акуша и Кумбашинка, был некогда обширный и глубокий залив. По его берегам росли ольховые леса. Поздней осенью, когда в эти благодатные места приходили наконец холода, расцвечивались деревья в желто-золотистые тона. Местные жители называют ольху золотым деревом — кызылагач (гызылагач). От этого и залив получил название Кызыл-Агачского. От моря залив отделялся Куринской косой. Там, где морской прибой сталкивался с водами впадающих в залив рек, образовалась цепь островов: Большой и Малый Кулагин, Солонец, Бакланий, Собачий Зуб, Сара. Со временем значительная часть залива обсохла, а маленькие острова слились в один большой, который стали называть Сара (с ударением на последнем слоге). В 1939 г. остров соединился с материком, стал полуостровом, разделив залив на два — Большой и Малый.

Испокон веков осенью и весной сюда на зимовку и на пролете собирались огромные стаи птиц, которые легко могли стать добычей человека. Даже сейчас, когда численность птиц повсеместно снижается, говорят, что браконьерам удается убить с двух выстрелов (дуплетом) до 60–70 лысух.

В 1926 г. Наркомзем Азербайджанской ССР объявил залив охотничьим заказником, а 3 июня 1929 г. Постановлением Совнаркома СССР здесь был создан заповедник.

Сюда и приехал в 1935 г. А. Г. Дюнин. Однако в 1937 г. он был переведен в Баку на должность директора Института зоологии, освободившуюся после отъезда Елпатьевского.

— Отец был недоволен этим переводом. По натуре человек скромный, он считал, что, не имея ученой степени, руководить академическим институтом ему не следует. Он неоднократно писал заявления с просьбой

освободить его от обязанностей директора института. И где-то в начале 40-х годов перешел на должность начальника управления по заповедникам при Совете Министров Азербайджана.

Кира Александровна смотрит на фотографию основателей Астраханского заповедника, молчит, потом продолжает:

— Возьмите, к юбилею вашего заповедника это будет очень уместно. А мне пришлите фотокопию. В должности начальника этого управления отец проработал до конца своей трудовой деятельности. В Азербайджане кроме Кызыл-Агачского тогда было еще три заповедника: Гирканский, Гек-Гельский и Закатальский. В 1952 г. управление было ликвидировано, и отец остался не у дел. Чехарда с передачей заповедников неблагоприятно сказалась на их состоянии. Кстати, и на здоровье отца тоже. Какой-то период заповедники по существу были охотничьими угодьями... Ему назначена была персональная пенсия республиканского значения, но... Он до конца жизни «болел» заповедниками.

Умер А. Г. Дюнин 9 апреля 1969 г., через несколько дней после того, как ему исполнилось 88 лет.

Но вернемся в Кызыл-Агач. Несмотря на то, что в штате заповедника Александр Григорьевич проработал сравнительно недолго, он постоянно был в кругу его научных интересов. Посчитав, что к 1933 г. инвентаризация фауны птиц Кызыл-Агачского залива была в основном завершена, Дюнин приступил к изучению биологии отдельных видов птиц. В первую очередь внимания его привлекла серебристая чайка, или чайка-хохотунья. Она обычна и в дельте Волги.

Опыт изучения птиц у Дюнина уже был: достаточно вспомнить его работу по баклану. Таковую же попытку монографического описания он предпринял и в этот раз.

Читая работы Дюнина, вновь задумываюсь о том, насколько судьба несправедлива к отечественным ученым. В 1973 г. голландский биолог Нико Тинберген вместе с К. Лоренцем и К. Фришем получил Нобелевскую премию за работы по поведению животных. Разрабатывая основы новой науки о поведении животных, этологии, Тинберген наиболее значительные и известные свои исследования провел на серебристой чайке. Многие из того, что описал Тинберген, есть и в работе Дюнина. Только Дюнин сделал это намного раньше голландца. Самоизоляция Советского Союза от мировой культуры и науки привела к тому, что наших ученых и их работы за рубежом просто не знают.

Так же как и при изучении бакланов, Дюнин очень внимательно исследовал питание чаек. Но к выводам пришел полностью противоположным, чем в первом случае. Вопреки укоренившемуся тогда мнению, он доказал, что чайки вовсе не вредны для рыбного хозяйства: не умея глубоко нырять, рыбу берут с поверхности, погибшую или больную. А вылетев на сушу, поедают большое количество вредных насекомых и грызунов.

Но с наступлением холодов с питанием возникают проблемы.

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

Тогда случается и такое: «Три чайки преследовали на воде отбившуюся хохлатую чернеть. Две чайки разместились на воде по бокам преследуемой птицы, третья все время нападала на утку с воздуха... Утка, спасаясь от ударов чайки, непрерывно ныряла, но как только ее голова показывалась на поверхности воды, чайка неизменно нападала на нее. Если утка поднималась в воздух, то все чайки сразу же поднимались на крыло, стараясь и в воздухе сохранять такое же расположение, что и на воде, причем верхняя чайка не переставала бить утку клювом по голове, вынуждая ее спуститься на воду. Такое коллективное преследование очень скоро истощило силы преследуемой птицы, и, как только она перестала сопротивляться, все три чайки довольно быстро покочили с ней».

Были и такие занимательные наблюдения. Заметив, что за несколько часов перед усилением юго-восточного ветра, нагоняющего воду на остров, птицы в колонии, казалось бы, без видимой причины начинают беспокоиться, Дюнин стал использовать это явление для краткосрочного прогноза погоды. При «подозрительном» поведении чаек он в своем убежище размещал коллекции на столе, табурете и кровати в надежде избежать подтопления — «и ни разу не ошибся в ожидаемом изменении погоды».

Выполненные в конце 30-х годов наблюдения были обобщены и опубликованы в 1948 г. А в 1954 г., после выхода на пенсию, исследователь защитил написанную на эту тему кандидатскую диссертацию.

Из множества научных публикаций Дюнина мое внимание привлекла еще одна, связывающая его наблюдения в дельте Волги с работами в Азербайджане. Она посвящена лотосу. В 1960 г. в журнале «Охрана природы и озеленение» он поместил заметку о распространении лотоса в дельте Волги и в Восточном Закавказье.

С грустью отмечал он, что в отличие от волжской дельты в Азербайджане исчезает одна заросль за другой. Раньше лотос обитал, и в значительных количествах, в низовьях Куры и Аракса, в низовьях всех рек, впадающих в Кызыл-Агачский залив. Ко времени написания статьи оставались незначительные заросли на Шильяне и Акуте.

«Лотос в Азербайджане не охраняется и если не будут приняты меры к охране его, то в ближайшие годы он несомненно исчезнет» — таков вывод его работы. И предложение: включить в состав Кызыл-Агачского заповедника небольшую территорию, удаленную на три километра от его границы. Там расположена одна из двух имеющихся зарослей лотоса.

Судя по информации, помещенной в Красной книге СССР в 80-е годы, лотос в Азербайджане сохранился.

Скоротечна человеческая жизнь. Давно ли было детство, родное село? Лесной институт в Петербурге... «Заповеди» в Астрахани и первые шаги дочери. Заповедные экспедиции и «фирменная каша»... Кызыл-Агачский заповедник — у отца, Азербайджанский университет —

у дочери. Она стала ихтиологом. И уже ее исследования в Большом и Малом заливах. Рыбы, беспозвоночные...

Сколько интересного на Земле! Как же хочется все успеть...

А 88 лет — много ли?

Должен добавить грустное послесловие к этому очерку. После распада Советского Союза пенсионерка Кира Александровна Дюнина, как и многие другие русские люди, прожившие всю жизнь в Азербайджане, вынуждена была уехать, продав за бесценок квартиру в центре Баку. Последнее письмо я получил от нее откуда-то из Орловской, кажется, области. Написал по новому адресу. Ответа нет...

Написав этот очерк, я назвал его «Директор трех заповедников». Редактор одной из астраханских газет при публикации изменил название — «Директор страны лотосов». Я успел послать опубликованный очерк Дюниной еще в Баку. Кира Александровна осталась им довольна, особенно названием.

Поэтому я и оставил «не свое» название очерка и в этой книге. Посвящаю его Александру Григорьевичу и Кире Александровне Дюниным.

«Ногной дозор». Рис. Адели Ишмуратовой, 7-й кл., г. Астрахань

ЛЕГЕНДАРНАЯ АЛЬПЕР

Очерк из «Книги памяти наших сердец. Люди заповедника за 80 лет его истории» (Сочи, 2003). Автор–составитель Л. В. Бойченко

Образ ботаника Веллы Натановны Альпер в Кавказском заповеднике окружен романтическим ореолом. Думается не потому, что ее имя Велла — от аристократического в прошлом имени Эвелина. Из уст в уста передается рассказ о ее любви к Кавказским горам и природе заповедника, ради которых она на всю жизнь оставила любимый Ленинград.

«Годы работы в КГЗ — это годы моей молодости, пора увлечения ботаническими исследованиями интереснейшего района Кавказа, пора романтики и... разочарований. Я — ленинградка, окончила Ленинградский госуниверситет, и мне так повезло, что учителями моими были ботанические светила: Комаров В. Л. (будущий президент АН), академик В. Н. Сукачев, профессор Н. А. Буш, А. П. Шепилов и многие другие корифеи. Дипломную работу я делала в Крымском заповеднике под руководством Г. И. Поплавской. Вот тогда — то я и увлеклась горами, горной растительностью, когда мне предложили в 1937 г. работать в Кавказском заповеднике, я охотно согласилась», — сообщала она в одном из писем писателю В. М. Молчанову.

Из нынешних сотрудников заповедника встречалась с В. Альпер только старший научный сотрудник заповедника кандидат биологических наук Римма Николаевна Семанина:

«Я познакомилась с Веллой Натановной в 1971 г., когда приехала работать в заповедник. Она жила в небольшой квартирке рядом с конторой Южного отдела заповедника в Красной Поляне.

Помню, с огромной гербарной папкой в руках, набитой растениями, я постучала в ее квартиру. Дверь открыла невысокая, гладко причесанная, очень приветливая

женщина. Мы долго разбирали мои сборы растений. Я очень много узнала от нее. Позже я еще два раза обращалась к ней за консультацией и всегда получала нужную информацию».

Больше никто не смог рассказать об Альпер. Но в архиве Кавказского заповедника мы нашли ее письмо писателю Виталию Михайловичу Молчанову, которое он решил нам опубликовать незадолго перед его внезапной кончиной.

Несколько небольших пожелтевших листов из блокнота могут перенести в прошлое.

«Когда в 1937 г. я приехала в КГЗ, то местом жительства научных сотрудников, ботаников и лесоводов была Красная Поляна (т.е. Южный отдел КГЗ). Из зоологов, если не ошибаюсь, находился тогда только И. В. Жарков. Некоторое время начальником Южного отдела был тогда И. Л. Деревянко — человек, любящий и знающий природу, хороший хозяйственник, энергичный (к сожалению, он не вернулся с войны)... Управление же КГЗ тогда находилось, как вы, вероятно, знаете, в Гузерипле и там же проживали остальные сотрудники, зоологи же размещались на Кеше. Вспоминаю, какой сильный и слаженный был тогда весь коллектив КГЗ, какие опытные были почти все наблюдатели (многие — из старых егерей, проводники отличные). Настоящими энтузиастами были научные сотрудники, почти все, ведь материальной заинтересованности не могло быть, зарплата была крайне низкая в то время в заповедниках.

Хорошо помню таких знающих, увлеченных и целеустремленных зоологов, как А. А. Насимович, Ю. В. Аверин, М. А. Заблоцкий, С. С. Донауров, Л. И. Крайнева и более поздних — В. А. Котова и С. Г. Калугина. Все эти люди много

сделали для заповедника и заложили основу для познания его фауны...

Вспоминаю весьма деятельного почвоведом И. Г. Розмахова, который, в сущности, первым начал исследование именно почвенного покрова заповедника. И лесоводов наших Л. И. Соснина и П. Д. Лазука, проводивших планомерные исследования лесов и много сделавших для лесоводческой и геоботанической характеристик заповедника. Что же касается ботаников того времени, то мне не забыть Р. А. Еленевского, с которым мне посчастливилось много общаться и который оказал большое влияние на еще такого малоопытного ботаника, каким я пришла в КГЗ. Этот весьма уже пожилой, хрупкого сложения человек, с белоснежной шевелюрой и горящими карими глазами поражал своим юношеским энтузиазмом, энергией и широтой интересов. Его работы, носившие ландшафтно-ботанико-географический характер, по значению далеко выходящие за пределы заповедника, представляют большой вклад в познание растительности Западного Кавказа. Хорошим ботаником, сделавшим много флористических сборов, была Л. Н. Васильева, которую я, к сожалению, уже не застала в Кавказском заповеднике — она перед тем уехала, кажется, на Дальний Восток. Но опубликованная ею сводка грибов КГЗ представляет большую ценность. Возможно, что теперь кто-либо занимается уже грибами, мхами и лишайниками, но тогда об этих растениях почти ничего не было известно.

Хочется мне здесь же вспомнить трех студентов-практикантов из МГУ, которые по договоренности с Главком нашим делали дипломную работу (и научный отчет для заповедника) по геоморфоло-

гии территории КГЗ, а также района озера Рица. Это были Ю. К. Ефремов, Н. А. Лебедева и В. Н. Олюник. Ребята блестяще выполнили свою работу, внесли много нового в познание рельефа района исследований, составили геоморфологическую карту, и все это самостоятельно, самоотверженно работая. И, что называется, “собственными ногами” исходили почти все хребты и горы района исследований. Думаю, что вам известна книга Ю. К. Ефремова “Тропами горного Черноморья”, в которой он подробно и очень интересно описал этот их подвиг. Юрий Константинович, которого я помню еще худеньким мальчишкой в красной феске, и Наталья Алексеевна, совсем еще девочка, прелестная, с двумя белокурыми косами, стали потом настоящими учеными, а Юрий Константинович еще и писателем. И поныне это большие патриоты заповедника. А вообще о научной работе довоенного периода подробно написано в сборнике “20 лет Кавказского государственного заповедника”, который вы, вероятно, знаете.

О себе я должна написать вам всю правду, что тогда в 1937 г. в Кавказский государственный заповедник пришла типичная горожанка, довольно слабенная и, признаться, весьма избалованная единственная дочка. И сразу попала в нелегкую жизнь высокогорных экспедиций. Боялась даже близко подойти к лошади, а пришлось сразу преодолевать верхом большие расстояния по горным тропам, еще чаще подниматься к вершинам с тяжелым рюкзаком, гербарными папками, сетками и прочим.

При самом первом подъеме на хр. Аишхо I, дойдя лишь до верхней границы леса, я вдруг почувствовала, что больше не могу совсем идти и что безумно хочу спать, легла тут же на тропе и мгновенно заснула, а проснулась только тогда, когда мои спутники успели уже подняться к перевалу и снова спуститься ко мне. Оказалось, что со мной случилась “гор-

ная болезнь”, но больше такого никогда не было.

Должна сказать, что вообще первое время было мне очень тяжело, часто даже плакала и решила, что уеду в Ленинград и больше не вернусь, но уезжала на камеральные работы, а весной меня тянуло на Кавказ, в заповедник. И, пожалуй, самым главным “подвигом” в жизни я считаю то, что преодолела все трудности, свою слабость, непригодность и не оставила работу в КГЗ, хотя у меня тогда были все возможности остаться работать в Ленинграде. Уж очень все же увлекала меня работа, восхищало исключительное богатство флоры, удивительное разнообразие типов растительности, и особенно высокогорные луга притягивали. Все меня поражало и восхищало в горах — и сказочные заросли рододендрона понтийского в пихтовом лесу, и выше верхней границы леса огромные пространства зарослей рододендрона кавказского. Казалось, что это посадки культурных декоративных кустарников только могли быть... А субальпийское высокоотравье — мощное, яркое, напоминающее какой-то травяной лес, особенно когда преобладал в нем борщевик Мантегацци, достигающий зачастую 3-метровой высоты. О пышных, пестрых субальпийских лугах и альпийских лугах и коврах слов не найду, чтобы выразить, как они хороши в июне-июле. И когда с огромным напряжением взбиралась на вершины, то там сразу забывала об усталости, о трудностях подъема и не могла глаз оторвать при виде величественных панорам гор, хребтов со снежными гребнями и пиками. Описать все это не в моих силах, да и, пожалуй, лучше Ю. К. Ефремова не расскажешь обо всех горных красотах, тем более что им описаны почти те же маршруты, по которым приходилось идти мне, ботанику.

До войны удалось сделать довольно много рекогносцировочных маршрутов с целью флористических сборов и общих геоботанических описаний.

А в заповеднике в те годы происходили перемены, менялись директора, старые научные сотрудники постепенно стали покидать его, появились новые. Я осталась единственным ботаником КГЗ, к сожалению.

В 1948 году я переехала в Красную Поляну, в Южный отдел, и продолжала работу по теме “Высокогорные луга и пастбища Кавказского государственного заповедника” с упором на вопросы рационального использования и улучшения пастбищных массивов. С этой целью на Аишхо II заложены были пробные площади и ставились опыты по борьбе с сорняками, наблюдения велись регулярно. Я всячески пропагандировала загонную систему выпаса скота колхозами на высокогорных пастбищах, но безуспешно. Не в моих силах было прекратить известный бессистемный выпас скота там. Очень много времени отнимало у меня руководство практикой студентов-ботаников, их ежегодно бывало очень много из различных университетов (Ленинграда, Москвы, Казани, Ростова-на-Дону и др.). Бывали часто и аспиранты. Вменялось также мне в обязанность проводить беседы с туристами о КГЗ, экскурсии по дендрарию Южного отдела. Должна была писать статьи в газеты. То меня вызывали в Москву, то в Краснодар — с докладом на тему “Высокогорные луга и пастбища”. Словом, была очень перегружена, и тогда вполне возможны были и “поражения”, как вы написали в своем письме. В частности, плохие результаты получились у меня с выращиванием женьшеня в условиях КГЗ, всего вырастила несколько экзemplяров, и то кто-то их выкопал. Лимонник же дал хорошие результаты.

А директора заповедника продолжали меняться, не везло ему (не знаю, как теперь). Если был хороший хозяйственник, то в науке ничего не смыслил, а если сильный в научном отношении, то негодный хозяйственник. Менялись и начальники Южного отдела, и, как у нас тогда шутили, “каждый после-

дующий был хуже предыдущего”... Сколько ценных научных сотрудников заповедник терял именно из-за этого...

Моими рукописными материалами пользовались даже весьма известные ученые из Ленинграда и Москвы (Е. В. Шифферс, Е. А. Доренко, С. В. Зонн и многие другие), но хоть в опубликованных работах своих делали ссылку на меня, и за то спасибо.

Вы просили рассказать о приключениях, но, право, их было так много за 15 лет работы в Кавказском заповеднике, и было это так давно. Вспоминается, как получила первое “боевое крещение”, проезжая на лошади через субальпийское разнотравье обожгла руки и лицо борщевиком. Ожоги эти оказались весьма болезненными и долго не заживали. Помню тоже в начале своей работы в Кавказском заповеднике страшную ночь на берегу озера, когда вдвоем со студенткой ЛГУ Таней (фамилию забыла) оказались там в сильнейшую грозу, и так случилось, что ночевать нам пришлось в открытом балагане. Мы всю ночь тряслись от страха, боялись зверей, а еще больше “двуногих”, так как в те годы в районе орудовала банда из Абхазии.

А сколько было очень опасных переправ через горные реки, плавать я не умела совсем. Нередко переправлялись и по снежным мостам, которые проваливались под копытами лошади.

Еще вспоминаю, как по дороге на Умпырь моя весьма спокойная лошадь вдруг как-то подскочила и понеслась, а я от неожиданности перелетела через ее голову и сильно ушиблась. Оказалось, что она наступила на осиное гнездо...

Еще вспоминаю случай, когда на горе Ассара я описывала пестроосвяницевые ассоциации на очень трудном южном склоне и полезла вверх, цепляясь за дернины, как вдруг буквально под моей рукой заметила ползущую змею — гадюку

Кознакова. Эта яркая, красивая змея очень ядовита — это я знала, со страха кубарем скатилась чуть живая вниз, сильно расшиблась при этом, разумеется.

Конечно, много было встреч в горах с дикими животными — косяками, кабанями, оленями, часто видели куниц, очень близко медведей. Но особенно много встречалось на высокогорных лугах и снежниках серн и туров. А однажды на пастбище Абаго весной, выйдя из домика, буквально метрах в пяти заметили лежащего худого облезлого волка. При виде нас он лениво встал и медленно удалился. Только барса даже не слышала никогда, хотя рассказывали, что до войны как будто бы встречался в Кавказском заповеднике.

Что касается встреч с интересными людьми, то их было очень много — с учеными, писателями, заядлыми туристами и др. Разве теперь вспомнишь!

Запомнилась мне встреча на лагере Холодном с сочинским краеведом Л. Н. Берсеневым, автором путеводителя “Красная Поляна”. Это было для меня очень интересное знакомство. Лев Николаевич вскоре после нашего знакомства куда-то исчез, а через некоторое время появился с полным котелком черники, вскипятил чай и стал усердно угощать. Вечер, проведенный с ним, был настолько приятным и интересным, что я до сих пор все помню. ...С очень многими учеными сводила меня судьба в заповеднике, не сосчитать, на скольких моих маршрутах участвовали некоторые из них, и всегда природа Кавказских гор, ее богатая растительность, чудесные панорамы восхищали.

За столь долгие годы, проведенные в Кавказском заповеднике, и жизни в Красной Поляне (до 1976 г.) я смогла наблюдать все огромные изменения, которые произошли в этой части Кавказа. Конечно, много хороших перемен произошло, но

очень грустно, что “цивилизация” нанесла серьезный урон чудесной природе, увы, уже непоправимый.

У меня много фотографий различных участков растительности, отдельных растений, хребтов и гор в заповеднике, и, просматривая их, я все думаю о том, что там изменилось, что сохранилось, какие растения могли попасть в Красную книгу».

Комментарий ст. научного сотрудника кандидата биологических наук Р. Семагиной:

«В 1937–1938 гг., обобщив накопленные материалы, В. Альпер составляет сводку высших растений, содержащую 1400 видов. В 1952 г. она снова обобщает материалы по флоре заповедника и дает список растений, в котором уже 1500 видов.

За все время существования заповедника наибольший объем флористических работ выполнен именно ею. Большая часть собранных В. Альпер материалов оставалась долгое время неопубликованной. В 1960 г. она публикует список видов высших растений Хостинской тисо-самшитовой роши и массива Фишт-Оштен. В годы Великой Отечественной войны В. Альпер занимается изучением лекарственных растений. В послевоенный период Велла Натановна охватила маршрутным обследованием большие массивы высокогорий. В 1950 г. ею написан «Очерк растительности Кавказского заповедника». Была проделана сложная работа по обобщению своих материалов и материалов других исследователей, приведены данные по флористическому составу, классификации и продуктивности лугов.

В 1953 г. В. Альпер начала работу по выявлению ценных форм дикорастущих растений с целью введения их в культуру, но продолжить ее не удалось по ряду причин.»

ПОДВИГ В ГОРАХ

Очерк из «Книги памяти наших сердец. Люди заповедника за 80 лет его истории» (Сочи, 2003). Автор-составитель Л. В. Бойченко.

Из поколения в поколение передается в Кавказском заповеднике рассказ о спасении зубрового стада в годы Великой Отечественной войны. Вот что писала Л. Н. Шатаева, непосредственная участница тех событий:

«Немцы, заняв в августе Хамышки в 25 км от зубропарка, очень интересовались зубрами и Зубровым парком. Но парк жил... Тревожные вести шли с фронта, связь с управлением заповедника прервалась. Что плохо слышно там, внизу, то громким эхом раздавалось здесь, в горах, и мы, обитатели Зубрового парка, с замиранием сердца слушали гул непрерывно рвущихся снарядов. От партизан, пробиравшихся во вражеский стан, мы знали, что наши летчики не дают покоя немцам с воздуха. И в сердце жила надежда на разгром врага.

Коллектив наш состоял из семерых взрослых и двух маленьких детей. Сознывая всю опасность положения, круглосуточное дежурство у зубров несли

четверо наблюдателей охраны: С. Г. Дубовский, К. Н. Кушников, В. М. Татарков и П. Б. Кондратов. Три женщины: Н. Д. Дубовская, З. И. Татаркова и Л. Н. Шатаева — дежурили на дороге. Охрана зубров чрезвычайно осложнилась. Без соответствующей одежды и обуви, не имея возможности обсушиться, целыми сутками люди стояли на своем посту».

Два раза охрана теряла зубров. Можно представить, что испытывали люди, не находившие их в лесу целый день. И лишь глубокой ночью послышался шум и треск ломающихся веток, и все стадо столпилось у входа в балаган. Помогала охранять зубров и собака по кличке Черкес, которую наблюдатель Кушников привел с кордона Киша.

Когда послышались отголоски ближнего боя, люди не растерялись.

«Ночью в крошечной лесной сторожке наш коллектив вынес решение угнать зубров еще дальше в лес, в горы, в укромный уголок, где они должны были задержаться. А самим с детьми укрыться в старом балагане на р. Шише. Картофель зарыли в землю в лесу. Хлеб мы не прятали... его у нас не было совсем уже несколько месяцев. Мы рассчитывали, что по глубокому снегу, ожидая из-за каждого куста партизанской пули, немцы не пойдут туда нас искать.

Оторванные от последнего кордона, мы жили две недели; затем В. М. Татарков и К. Н. Кушников взяли лыжи и пошли на разведку. Четыре раза немцы бомбили зубропарк, но уничтожить зубров им не удалось».

В воспоминаниях Л. Шатаевой есть рассказ о том, что «зимой 1942–1943 гг. в одном из двух маленьких домиков для маленьких детей В. М. Татаркова светила елка, украшенная самодельными игрушками и несколькими свечками. Звук патефона не мог заглушить гула налетевших вражеских самолетов, но в ответ на это только плотнее закрывались ставни окон и чаще менялись пластинки на патефоне». Норма питания зубров в это тяжелое время была сокращена. Но люди делились с ними своими небольшими запасами овощей.

10 апреля стадо зубров, выпущенное из загона, бодро побежало на выграв искать зеленую траву. Из тех, кто охранял зубров, в зубропарке остался только П. Б. Кондратов, остальные мужчины ушли на фронт.

Уже в 70-е годы, путешествуя по заповеднику, школьники поселка Гузерипль обнаружили потемневшие ограждения из бревен, на одном из которых стояла зарубка: «3.XI.1942 г. Вася». Ребята слышали, что в годы войны немцы заставляли работать на лесоповале

Рис. Кристины Лыткиной, 5-й кл., заповедник «Олекминский»

советских пленных солдат. Но это оказалась другая история, которую рассказал им после похода один из ветеранов Кавказского заповедника лесник Северного лесничества — Василий Михайлович Татарков:

«В августе 1942 г. фашистские войска вышли на территорию государственного заповедника, поднимаясь все выше к перевалам. Враг находился буквально в нескольких километрах от зубропарка.

С воздуха, пока деревья не сбросили листву, наш зубропарк трудно было обнаружить. Стояла для зубров мы надежно замаскировали. Огонь разводили только по ночам, чтобы дым не выдал. Однако все чаще над нами зависали фашистские самолеты—разведчики. Мы поняли: нас ищут и, вероятно, не только с воздуха. Встали сразу две задачи: замаскировать, сделать непроходимыми тропы, которые вели к нам, и построить временный загон в глухом месте и днем прятать там животных. В зубровом парке были поляны, и с воздуха можно было заметить зубров. Тогда несдобровать ни им, ни нам. Гул близких боев заглушал стук пилы и топора, что было нам на руку. Не хватало рабочих рук. Жены не в счет, им и так хватало забот нас кормить, за животными ухаживать, да еще дети с нами.

С тропами мы разделались довольно быстро. Смеялись — отступать некуда, даже брод и тот корягами завалили. С загоном сложнее получилось. Заготовленного леса еще до войны для ремонта изгороди на новый загон не хватало. Валить лес в ущелье, где решили строить, опасно — могли заметить. Со стороны таскать — сил не хватает. Был у нас старенький трактор на хозяйстве — солярка кончилась. А тут бои стали отдаляться. В тишине стук далеко слышно. Стали лес по хребту валить и вниз стаскивать. Один столб вроешь, семь потов сойдет. Все больше на распорках делали. Плохо укрепишь, зверь уйти может. К воле они еще не приучены были. Без человека погибнут, сами себя не прокормят.

Дикий зверь, он ведь тоже беду чувствует. Услышит рокот самолета, чуть глазом скосит, вроде кресты на крыльях разглядывает. Сам без паники — в тень.

Плохо было с подкормкой животных. Соль, овес, свеклу мы приберегали для партизан. У нас у самих скоро кончился хлеб. Ведь о блокаде никто не думал. Особых запасов у нас не было. Звери особенно протестовали против уменьшения нормы свеклы и соли, подолгу протаивали против погребов, фыркали, раздраженно рыли землю. Теперь двое из

нас ходили за кормами для них. Драли кору с молодых деревьев, рубили ветки. Наступила зима, стало еще трудней.

Четыре раза фашисты бомбили нас, нащупывали зубровый парк, о существовании которого они знали, но обошлось. Бомбы не причинили вреда, если не считать одной убитой лошади. Рации у нас не было, но об изгнании врага узнали буквально на второй день. Еще отступающие фашисты бродили по горам, а к нам через перевалы с южных склонов пробрались зуброводы. В рюкзаках соль принесли для наших девяти зубров».

Рис. Елены Маковой, 14 лет, Комсомольский заповедник

ДЛЯ РЕШЕНИЯ НАУЧНЫХ И НАУЧНО–ТЕХНИЧЕСКИХ ЗАДАЧ... (ВОПРЕКИ ТРУДНОСТЯМ, ВО СЛАВУ НАУКИ)

Людмила Буторина

Статья была впервые опубликована в журнале «Наука Урала» (№16, 2000). Печатается с сокращениями по книге «Ильменский калейдоскоп» (Екатеринбург, 2002).

1918 г., Москва. Несмотря на угрозы внутренней и внешней контрреволюции, в стране идет созидательная работа. Продолжает формироваться молодое Советское правительство. Еще только изыскиваются формы и методы управления народным хозяйством. Трудностей много.

Претворить эту идею в жизнь поручили Николаю Михайловичу Федоровскому. У него многолетний опыт политической работы — член Российской социал-демократической партии рабочих с 1904 г., руководитель ряда революционных выступлений 1905–1907 гг., руководство крупной партийной организацией Нижегородской губернии в 1917–1918 гг. У него высшее специальное образование: в 1915 г. он окончил минералогический факультет Московского университета. У него опыт научной и преподавательской работы, широкий круг знакомых–специалистов. ВСНХ принял решение «О включении Н. М. Федоровского, приват-доцента Нижегородского политехникума, в коллегию Металлургического отдела и о поручении ему руководства Горным советом». По инициативе Н. М. Федоровского с июля 1918 г. стал выходить журнал «Известия Горного отдела СОВСНХ». В первом номере его помещен доклад «Об основаниях для национализации местности, расположенной в пределах Миасской горнозаводской дачи, с целью создания там национального парка и природного музея».

Строчки из этого доклада: «...На топографической карте Ильменских гор, составленной Д. С. Белянкиным, видно, что большинство копей сосредоточено между озером Ильменским и Аргаяшем. Копи эти не имеют промышленного значения, но представляют громадный научный интерес как по условию генезиса материалов, так и по своему разнообразию и присутствию весьма редких элементов.

...Все эти природные богатства или лежат внутри, или расхищаются, леса вырубаются или уродуются просеками, животный мир истребляется, копи по большей части завалены землей или отвалами, отсутствие самых необходимых дорог делает доступ к интересным местам чрезвычайно затруднительным, а между тем указанная местность представляет все данные, чтобы сделать из нее объект государственной собственности в целях создания национального природного музея и парка.

...Война помешала популяризации нашей богатой природы. В настоящее время при широкой демократизации жизни еще более важным является создание таких условий, при которых любознательность и пытливый ум могли черпать свои знания не только из сухих учебников и осмотра музейных образцов, а из сокровищницы самой природы. В этом смысле создание национального природного музея и парка, вначале хотя бы в небольшом масштабе, а равно и устройство пункта, где могли бы получить временный приют и небольшое руководство разнообразные категории лиц, интересующиеся природой, имело бы громадное научное и воспитательное значение... На подготовительные работы испрашивается смета на текущие летние месяцы в размере 32 тыс. рублей». Как же отнеслись к этому начинанию Н. М. Федоровского другие члены Ильменского отряда Радиевой экспедиции? В. И. Вернадского в 1918 г. в Советской России не было. Александр Евгеньевич Ферсман продолжает в Петербурге дела, начатые В. И. Вернадским. Это прежде всего работы в Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Российской академии наук. Являясь главным ученым секретарем комиссии, А. Е. Ферсман в 1918 г. руководил работой Отдела драгоценных и поделочных камней, Радиевым отделом. Заседания Радиевой экспедиции в 1918 г. проходили в Минералогическом музее в Петрограде. Несмотря на тревожное военное время, члены экспедиции планировали свои летние полевые работы, подводили итоги сделанному. Урал был еще свободен. Там продолжали работы В. И. Крыжановский и Л. А. Кулик. В Петрограде работали 9 членов Радиевой экспедиции.

Документы рассказывают: «Протокол 7-го очередного заседания участников большой Радиевой экспедиции Академии наук в Минералогическом музее 13 июня 1918 г. Присутствовали: Б. А. Линденер, М. М. Марковский, К. К. Матвеев, Е. Д. Ревуцкая, А. Е. Ферсман.

Утверждается протокол предыдущего заседания.

Заслушивается отчет А. Е. Ферсмана об использовании сметы за полгода. А. Е. Ферсман вместо доклада об исследовании Ильменских гор сообщил о том, что происходит в Совещании по горным делам, которое выдвинуло вопрос об устройстве заповедника в Иль-

менских горах, чтобы предохранить местные копи от расхищения. Идея заповедника принадлежит Н. М. Федоровскому. А. Е. Ферсман указывает на трудности в устройстве заповедника: местность разделена железной дорогой и частью занята сенокосами и ягодными участками. По сравнению с образцовыми действительными заповедниками культурных стран, например Тюрингии, наш будущий, Ильменский, является платоническим и, возможно, сведется прямо к тому, что будет установлена охрана участка. Сочувственно было принято на заседании УОЛЕ предложение Л. А. Кулика о создании астрономического наблюдательного пункта на вершине Ильменской горы. Тихов выезжает на место. К этой обсерватории можно было бы приурочить и нашу минералогическую станцию для охраны Ильменского района, где теперь для выполнения этой задачи должно жить особое лицо. Председатель далее указывает на благоприятные условия для разрешения в настоящее время вопроса об учреждении Ильменской минералогической станции и на необходимость вступить в связь с Куликом.

Собрание выразило живейший интерес и одобрение намечающейся организации Ильменского заповедника и Минералогической станции, при наличии станции можно будет гораздо правильнее и систематичнее вести исследование Ильменских гор, не говоря уже о том, что самым идеальным образом решается вопрос о пристанище для экскурсантов. К. К. Матвеев выразил пожелание, чтобы при станции была создана соответствующая лаборатория, в которой живущее здесь лицо и приезжие экскурсанты могли бы производить несложные необходимые экспериментальные работы. А. Е. Ферсман указывает, что устройство такой лаборатории имеется в виду.

Далее А. Е. Ферсман сообщил, что хотя он и предполагает летом быть в Миассе, но необходимо теперь же начать выяснять положение дела на месте и предлагает для этой цели воспользоваться присутствием на Среднем Урале Д. С. Белянкина или даже еще лучше В. И. Крыжановского, который, сообразуясь с местными условиями, должен продумать этот вопрос; на первоначальное оборудование помещения председатель предполагает изыскать около 3 тыс. рублей и затем к августу провести через академию, в заведовании которой станция должна находиться.

Попутно выясняется, что инициаторы заповедника хотели бы видеть хранителем и заведующим станцией Л. А. Кулика. Смета на устройство станции предположительно представляется в таком виде: вознаграждение заведующему по 750 рублей, всего 9 тыс. рублей, помещение — 1 тыс. рублей, остальные расходы вместе с охраной — 6 тыс. рублей, всего, следовательно, в год 20 тыс. рублей, каковую сумму провести при КЕПС очень легко. Председатель А. Е. Ферсман. Секретарь К. К. Матвеев».

На Урале тоже неравнодушно отнеслись к этому вопросу. В Екатеринбурге В. И. Крыжановский и Л. А. Кулик принимали активное участие в работе

Уральского общества любителей естествознания. На заседании комиссии УОЛЕ 18 июня 1918 г. Л. А. Кулик сообщает, что Горным советом поднят вопрос о выделении Ильменских гор в национальный парк (естественный музей), и просит содействия Общества в предоставлении сведений об Ильменских горах, о желательном направлении границ и устройстве парка: «В результате обсуждения вопроса Комиссия постановила: 1) предложить Общему собранию УОЛЕ выбрать Постоянную комиссию для всестороннего освещения как с бытовой, так и естественноисторической стороны важности создания в Уральском районе Национального парка; 2) выразить готовность Уральскому обществу всеми силами поддерживать это важное государственное начинание; 3) приветствовать Горный совет в этом деле; 4) уведомить Академию наук о желании Общества принять посильное участие в этом деле».

19 июня 1918 г. Комитет Уральского общества любителей естествознания поручает своему действительному члену минералогу Леониду Алексеевичу Кулику обследование массива Ильменских гор и прилегающих к ним местностей (район к северу от Миасса) в целях собрания материалов, необходимых для Общества при рассмотрении вопроса о создании Русского национального парка-заповедника. Настоящим Комитет УОЛЕ просит учреждения и лиц не отказать в возможности содействия Л. А. Кулику в исполнении данного ему поручения (вице-президент Общества М. Клер).

Но поручение не было выполнено. В ночь с 26 на 27 мая 1918 г. белочехи захватили железнодорожный узел в Челябинске и двинулись на Екатеринбург и Омск. Миасс был захвачен белочехами 1 июня. Целый год черная туча контрреволюции висела над Миассом. В середине июля 1919 г. в Миасскую долину вступили части Пятой Красной Армии под командованием М. Тухачевского. 17 июля 1919 г. Миасс снова стал советским.

Известия об освобождении Урала регулярно поступали в Москву. И Николай Михайлович Федоровский вновь поднимает вопрос об охране Ильменских гор. Это произошло 11 июля 1919 г. на заседании коллегии Научно-технического отдела (НТО) ВСНХ, членом которой он стал 21 августа 1918 г. Выписка из протокола этого заседания: «8. Об объявлении Ильменских гор национальной собственностью. Докладчик Н. М. Федоровский. Постановили: ввиду того, что Ильменские горы представляют живую лабораторию для исследования радиоактивных элементов и являются чрезвычайно ценными для государства, просить тов. Федоровского составить докладную записку и войти с предложением от НТО в Комиссариат просвещения, чтобы совместно с ним войти с представлением о необходимости объявить Ильменские горы национальным парком».

Доклад Н. М. Федоровского «Об устройстве национального музея в Ильменских горах на Южном Урале» опубликован в Научно-техническом вестнике за 1920 г.: «Устройство в районе Ильменских гор национального

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

парка в тесном смысле этого слова, по типу американских национальных парков, в настоящее время уже невозможно. Идея национального парка заключается в охране обширных участков, сохранивших первобытный характер природы от губительного влияния человека и его культуры. Территория же Ильменских гор, благодаря полной доступности и мягкости рельефа, хорошему климату, близости плодородного района и золотых приисков, давно уже значительно населена, и девственный характер ее природы, благодаря вырубке лесов и фактически очень слабому контролю над охотничьим и рыболовным промыслами населения, утрачен. Первобытный характер животного и растительного мира может быть до некоторой степени восстановлен при подведении под заповедник значительного земельного участка, тем более что в некоторых местах этого района старый лес еще остался, а многочисленные и очень интересные во многих отношениях озера хорошо сохранили свою флору и фауну.

Но центр тяжести устройства Ильменского национального парка, конечно, не в охране растительного и животного мира, а в стремлении собрать совершенно исключительный по своему богатству и разнообразию природный минералогический музей, который представляют собою Ильменские горы.

Разработка копей была запрещена Горным управлением, но фактически производилась некоторыми из миасских старателей. Последние, имея в виду наибольшую выгоду, всячески стремились или выработать копь до конца, или завалить ее и вообще затруднить как осмотр, так и разработку копи, чтобы поднять цену добытого минералогического материала. Это часто лишало едущих в Ильменские горы минералогов одной из главных основ изучения природы: наблюдения над естественными условиями происхождения минералов.

Таким образом, устранение местных жителей от разработки копей не нарушит, благодаря полному отсутствию промышленного значения месторождений, интересов населения, но в то же время позволит охранить природный музей от расхищения. Расчистка копей, которая должна быть произведена в первую голову, укрепит за Ильменскими горами их репутацию минералогической Мекки, и паломники науки будут набираться ценных знаний, а не уезжать разочарованными от Ильменских гор, не видав ни копей, ни минералов.

Рациональная же разработка месторождений дает русским минералогическим музеям хорошо подобранный материал, так как обмен музейными минералами, почин и развитие которого принадлежит американцам, является наилучшим средством пополнить музей проверенным материалом.

В заключение необходимо привести пример Дании, которая устроила заповедник на острове Бенгольме, где имеется единственный в этой стране выход грани-

та, малоинтересного с научной точки зрения. Тем более должно быть обращено внимание на Ильменские горы, имеющие мировое минералогическое значение».

Оформление декрета продвигалось медленно. Из протокола заседания коллегии Наркомпроса РСФСР под председательством А. Луначарского 25 сентября 1919 г.: «Слушали: 8. Проект декрета “Об учреждении в местности Ильменских гор на Южном Урале у Миасса минералогического заповедника” и постановили: проект декрета принять и внести в Совнарком». Проект декрета был возвращен из Совнаркома в Наркомпрос для уточнения площади проектируемого заповедника и согласования с заинтересованными ведомствами. К сожалению, нам пока неизвестно, кто из сотрудников Наркомпроса рассматривал записку Н. М. Федоровского, кто составлял проект декрета, в какие ведомства кроме Академии наук (А. Е. Ферсману) проект направлялся. Не знаем мы и точно год разговора Н. М. Федоровского с В. И. Лениным.

Следующий документ об Ильменах датирован уже 4 маем 1920 г., когда на заседании Коллегии Наркомпроса под председательством М. Покровского слушали проект декрета о Государственном минералогическом заповеднике и постановили: «Данный проект декрета принять и внести на утверждение в СНК». В текст декрета были внесены существенные дополнения. Предложение «Объявить местность Ильменских гор на Южном Урале у Миасса государственным минералогическим заповедником и передать его в ведение Народного комиссариата по просвещению» изменено на следующее: «Предоставить право Народному комиссариату по просвещению по соглашению с Горным советом ВСНХ объявлять отдельные участки Ильменских гор на Южном Урале у Миасса Государственным минералогическим заповедником, т. е. национальным достоянием, предназначенным исключительно для выполнения научных и научно-технических задач страны. Использование заповедника в каких-либо практических целях допускается лишь с разрешения Совета народных комиссаров». Добавлено в конце текста декрета предложение: «На участках, объявляемых Государственным минералогическим заповедником, не допускается никаких горных промыслов».

Если в первом документе 1918 г. звучало желание национализировать Ильмены в природоохранном аспекте как «музей в природе» для познавательных целей, то декрет 1920 г. ставит на первое место «выполнение научных и научно-технических задач страны», т. е. расставлены акценты: Ильменский заповедник — научное и природоохранное учреждение.

Через 10 дней на заседании Малого Совнаркома 14 мая 1920 г. был рассмотрен и принят декрет об Ильменах. На следующий день его подписал В. И. Ленин.

ТРИ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ирина Филус

Статья была опубликована в журнале «Медвежий угол» (№2(6), 2002).

В 2002 г. Алтайскому заповеднику, гордости Республики Алтай, исполнилось 70 лет. Не каждый знает, какая непростая судьба выпала этому крупнейшему российскому резервату: он дважды погибал и дважды был реанимирован.

Осенью 1951 г. из 128 заповедников СССР 88 были уничтожены. За что? «Плохо работали, не имели культурной или научной ценности и вообще являлись лишними!» Среди таких «лишних» оказался и Алтайский. К счастью, не был уничтожен голос разума. И в 1958 г. заповедник восстановили. Но ненадолго. В 1961 г. его поглотила новая волна ликвидации охраняемых территорий. А в 1967 г. научной общественности снова удалось доказать необходимость охраны природы Горного Алтая. С каждым новым витком спирали истории территория заповедника уменьшалась, но и сейчас он один из самых крупных: современная площадь охраняемого уголка (в прямом смысле слова — уголка) Республики Алтай более 871 тыс. га.

Таким образом, история Алтайского заповедника как бы распадается на три части. В местном обиходе так и говорят: «первый» заповедник, «второй», «третий».

Вначале рассказ о «первом» заповеднике я хотела построить «классически»: назвать даты, фамилии, описать события. Но потом решила дать слово одному из сотрудников-зоологов того времени, Ф. Д. Шапошникову, и привести выдержки из его дневников, сопровождая их небольшими комментариями. Ведь история творится людьми и складывается из отдельных судеб.

В 1937 г. Федор Шапошников, молодой специалист, только что окончивший университет, ехал работать в недавно организованный на Алтае заповедник, где ему предстояло пройти не одну тысячу километров сложного пути, изучая копытных и хищных млекопитающих.

В те далекие тридцатые годы наша республика называлась Ойротской автономной областью, а Тува, примыкающая к ней и соответственно к заповеднику, была самостоятельной республикой, и границы с ней охранялись пограничниками. Добраться до центральной усадьбы заповедника — пос. Яйлю — было делом непростым и занимало несколько дней. До Турочака — на лошадях и редких в ту пору машинах, до Артыбаша — только на лошадях, по Телецкому озеру — на единственном стареньком пароходике или на весельно-парусных лодках — карбасах. Последний вид транспорта во время штормов был весьма ненадежным.

Возвращаясь 19 января 1938 г. на карбасе из экспедиции от Ижона до Яйлю, Федор Шапошников едва не погиб.

«Ночь провели плохо. Было до -20°C . Утром из-за сильной верховки боялся ехать, но к часу дня решился.

Когда до Яйлю оставалось около 2 км, то внезапно увидел ледяную шугу, тянущуюся белым зыбким полем вплоть до берега. Моментажно сбросил парус и пошел на веслах встреч. Стало заливать нос, и мой спутник не смог выгрести. Шуга затянула. Пробились шугой метров 50 и встали. Дальше ехать нельзя: лодку затерло. Предстояла холодная ночь во льду, если выдержит лодка беспрестанное трение льдов, а если не выдержит, то... Мой спутник дрожал, сидя в своей шинели. Пока, до смерзания, решил обратить на себя внимание Яйлю. Поднял парус и дал 3 выстрела. На берегу забегал народ. От пристани пошли двое, держа в руках что-то черное, но вернулись назад. Через некоторое время пошли еще двое. У меня настроение упало. Если двое вернулись, значит, от берега не пройти, а нам не дойти до берега от лодки... Но вторая пара приближалась, и к ней присоединился третий с лодкой на санях. Нас спасли, бросая доски и переходя по ним по волнующейся шуге».

Конные в бесснежное время года и лыжные — зимой — походы лесников-наблюдателей предпринимались по всей огромной (более 1 млн. га!) площади. Но малочисленность штата и труднодоступность отдельных участков делали охрану территории малоэффективной. Несмотря на пограничный режим на стыке заповедника с Тувой, браконьерство было частым явлением.

«8.07.38. В 200 м от устья Кара-Сулука (окрестности озера Итыкуль) есть гарь, где можно остановиться. Корм коням есть. Гарь, видимо, сделана искусственно, так как на ней постоянные стоянки тувинцев давности 2—4 года. Вырублено около 120 деревьев (30—35 см, листьяк). Найдено 6 станов. На станах кости зверей, конский помет и в одном случае старые лыжи. Всего насчитано по костям 9 убитых северных оленей, лося и марала, всего 11 зверей. По характеру стоянок можно судить, что последний выезд был весьма многолюден. Время года — ранняя весна, апрель-май. Зверья били на зимовке».

В первые годы существования заповедника работу усложняли отсутствие точных карт, хорошей одежды, слабое знание территории, плохое состояние троп. «Весь день с утра в дороге. Тропа ужасна. Много времени уходит на поиски... К вечеру вымотались вконец».

«Уже третий день мы ищем среди скал лазейку в Дяраш-Тайгу. Грозные обрывы, угрюмые курумы защищают туда дорогу. Мы изорвались, как цыгане. Закоптелые, черные, лазим по скалам и ищем, ищем дороги себе и коням».

«На гольцы не иду из-за обуви и одежды. Все неподходящее. Нет спецовки, т.е. хорошей исправной одежды. На конях нельзя, а принимать холодную водно-снежную ванну — идти сознательно на риск заболеть. С обувью еще хуже. «Сапоги» развалились, а в

штиблетах не хочу щеголять по снежной каше с водой».

В июне 1941 г. Федор Шапошников находился в экспедиции. О начавшейся войне он узнал от пограничников. Вместе с 60 другими наблюдателями охраны, научными сотрудниками и рабочими ушел на фронт. Сильно поредевший штат, женщины и дети приняли на себя тяжелую ношу. Основные задачи заповедника — охрана и научные исследования — по-прежнему выполнялись. Кроме того, заповедник не был «нахлебником» у государства: все пригодные места около поселков Яйлю и Беле были раскорчеваны, распаханы и засеяны зерновыми культурами.

50 фронтовиков не вернулись домой...

Федор Шапошников возвратился в Яйлю с женой. Они оба решили остаться здесь навсегда. Ведь заповедник — это «навечно изъятая из хозяйственного использования территория». И кто мог предвидеть события 1951 г., которые доказали, что это не так?

«Трудно было расставаться, когда закрылся заповедник. И как скверно все происходило. Осень, снег. В течение двух недель нужно было все свернуть и сдать отчеты по науке».

Так в течение двух недель дело во имя сохранения уникального биоразнообразия, нетронутых ландшафтов Горного Алтая, имеющих огромную научную, культурную, эстетическую и воспитательную ценность, было перечеркнуто.

Дописывая эту страницу, я все же не могу удержаться назвать еще несколько фамилий людей, работавших в заповеднике в те годы и навсегда вошедших в его историю. Это ученые: В. В. Дмитриев, П. Б. Юргенсон, С. С. Фолитарек, М. В. Золотовский, Г. М. Крепе, М. С. Хомутова, А. Н. Гончарова, М. С. Калецкая, М. А. Мартыненко, Г. Д. Дулькейт. Сколько еще замечательных людей изучали и охраняли заповедный уголок Горного Алтая! Всех не перечислить! Но хочется особо сказать о Василии Петровиче Пыжанкине, живущем в пос. Яйлю. Он посвятил охране всю свою жизнь: был лесником в «первом», во «втором» и в «третьем» заповеднике! И дай ему Бог здоровья на многие годы!

Из множества директоров, стоявших у штурвала корабля под названием «Алтайский заповедник», один, по мнению старожилов, безоговорочно считается лучшим: Василий Васильевич Криницкий. Директор «второго» заповедника. Несмотря на довольно короткий срок директорства — 3 года (1959—1961), — он оставил о себе стойкую память, которая жива спустя сорок лет!

- Вот была дисциплина при Криницком!
- Да, работали при Криницком!
- Порядок—то какой был!

Эти фразы при опросе лично знавших этого легендарного человека всегда произносятся с восхищением и глубоким уважением.

Тогда В. В. Криницкому было немногим более 50 лет. Резковатый, ворчливый, со своеобразным чувством юмора. С подчиненными всегда держал дистанцию, окружающие постоянно чувствовали его превосходство; он умел

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

приказывать и делать замечания. Вставал очень рано, в 6 утра проходил по поселку, по берегу озера, не упуская ни одного случая беспорядка. Встречал лодки, в том числе и браконьерские. Дотошно вникал во все проблемы, и не только хозяйственные. Считал, что научная работа в заповеднике должна объединяться одной общей идеей, и эта идея — изучение кедр, его возобновление, рациональное использование кедровых лесов Горного Алтая.

В. В. Криницкий умел разглядеть способных, перспективных специалистов и подобрал замечательный, деятельный коллектив, который сплотил в единое целое с помощью совместной работы. От Телецкого озера и до гольцов были заложены несколько высотных профилей с множеством пробных площадок, на которых учитывали все, что возможно: картировали и описывали древостой, подрост, определяли урожай кедр, ягод, численность млекопитающих и птиц, изучали насекомых. На профиле работали все научные сотрудники: почвоведы, ботаники, лесоводы, микромаммологи, орнитологи, энтомологи (Л. И. Барсова, Л. П. Брысова, Б. Ф. Бельшев, Вик. Н. Воробьев, Вл. Н. Воробьев, И. А. Коротков, Т. А. Новикова и др.), работники лесного отдела (А. И. Каляев, И. Г. Игтисамов и др.) и студенты из разных вузов страны. Временами на профиле работало одновременно более 20 человек! Сам директор жил по неделе со своими подчиненными в тайге, контролировал работу и принимал в ней активное участие.

Итог этого большого начинания был подведен в 1961 г., когда вышел третий выпуск «Трудов Алтайского заповедника», солидный сборник, куда вошли статьи о комплексном изучении кедровников. Эти «Труды» как бы предвосхищали идеи Кедрогграда, созданного чуть позже в Пыжинской тайге.

Увы, столь необходимые лесоведам—практикам исследования кедровых лесов, выполненные в Алтайском заповеднике, не спасли его от очередного закрытия.

О причине этого бытует интересная легенда, придуманная самими сотрудниками. Она очень похожа на анекдот. Накануне закрытия был снят фильм, где крупным планом показан научный работник могучего телосложения (реально существовавший!), который наблюдает за белкой (и это имело место). И вот этот злополучный фильм попал на глаза руководства нашей страны и решил судьбу заповедника: «Там занимаются такой ерундой? Закрывать!»

Конечно же, причина имела более глубокие корни. Но как в любом анекдоте бывает намек, и в этой иронической легенде есть смысл: такому мужику уместнее добывать белок, а не «праздно» любоваться ими — территорию столь значительной площади следует эксплуатировать, а не сохранять. Зачем изучать кедр, какой от этого «навар»? Его надо рубить!

...Прошло 6 лет. И вот Постановлением Совета Министров РСФСР от 7 октября 1967 г. Алтайский заповедник был восстановлен. По наследству от Телецкого лесхоза он получил обедненные промысловыми видами животных уголья, плешины вырубленного леса и... сады. О последних чуть позже.

Приходилось снова, уже в третий раз, начинать практически с нуля. Подбирать коллектив, разыскивать архивы, собирать научную библиотеку, коллекции, музейные экспонаты.

Самая сложная задача после шестилетней свободы — запретить доступ людей на территорию заповедника. Трехкратный пасьянс с козырной заповедной картой, размер которой почти одна десятая республики, сыграл плохую службу: усилил негативное отношение к заповеднику местного населения.

Отголоски развернувшейся борьбы с браконьерами описаны в романе А. Малышева «Встреча ветров» и в повести Е. Гущина «Правая сторона». Конечно, в этих художественных произведениях много измененных имен и придуманных событий, но оба автора знали о заповеднике не понаслышке и поделились своими личными впечатлениями.

С 80-х годов произошел существенный прорыв в охране территории. Возможность использования вертолетов для заброски экспедиций, создание нескольких патрульных групп, появляющихся неожиданно в самых отдаленных и труднодоступных уголках заповедника, повысили эффективность борьбы с браконьерством и другими видами нарушений заповедного режима. В эти годы в лесной отдел влилось молодое пополнение энтузиастов заповедного дела, двое из которых впоследствии возглавили руководство заповедника: С. П. Ерофеев стал директором, а С. В. Спицын — начальником охраны.

Если отдел охраны в основном был сформирован из работников бывшего леспромхоза, то научные кадры набирались из числа молодых специалистов, закончивших разные вузы страны. Возглавил отдел ученый-орнитолог Э. А. Ирисов. Под его руководством была восстановлена начатая еще в тридцатых годах цепочка систематических наблюдений за природой заповедника с красивым и емким названием «Летопись природы». Это коллективный труд географов, ботаников, зоологов, фенологов, в разные годы в нем принимали участие О. Шилова, А. Овчинников, Ю. Марин, Н. Ирисова, В. Стахеев, В. Шилов, В. Яковлев, А. Олигер, А. Галанин, Н. Золотухин, Н. Малешин, О. Митрофанов, И. Кислицин, В. Бутвиловский и др. Научные сотрудники в заповеднике подолгу не задерживались, приходилось уезжать, когда подрастали дети: на центральной усадьбе была лишь начальная школа, да и бытовые условия не каждый мог выдержать — связь и постоянное электричество отсутствовали, зимой поселок был практически изолирован. Открытие основной 9-классной школы сняло напряженность кадровой проблемы. Следующий положительный момент — перенос аппарата управления из Яйлю в Артыбаш. Теперь заповедник получил возможность пользоваться телефонной связью и электронной почтой.

Среди множества тем, над которыми трудился научный отдел, кроме основной — «Летопись природы» — была работа, посвященная сортоизучению яблони. Развитие садоводства на территории Алтайского заповедника — особая история, уходящая своими корнями в далекое прошлое, к началу прошлого века. В монастырском саду у пос.

Балыкча с успехом выращивались крупноплодные яблони. Удивительный микроклимат долины озера, носящий черты морского, с мягкой зимой и прохладным летом, позволял выращивать эти теплолюбивые растения в открытой форме. В 30-е годы А. С. Рачкин в Яйлю, затем Н. П. Смирнов в Чири посадили первые фруктовые сады на берегу Телецкого озера.

После закрытия «второго» заповедника, в 60-е годы, на террасах около поселков Яйлю и Беле были заложены крупные яблоневые массивы, а сотрудником Алтайской плодово-ягодной опытной станции Л. Ю. Жебровской содана большая коллекция сортов яблонь.

Восстановленный заповедник принял от леспромхоза 117 га молодых садов. Радужные перспективы развития промышленного садоводства потускнели уже спустя несколько лет: не было достаточного количества людей, способных осуществлять уход за садами, не было техники, а также водного транспорта для вывозки из поселков плодов. Из-за недостаточного ухода и климатических каверз годы с потрясающим урожаем сменялись периодами «отдыха» деревьев, когда заповедник нес значительные убытки. «Лебединую песню спели» сады в 1978 г., когда было реализовано 108 890 кг яблок! Прибыль от продукции в тот год составила более 30 тыс. рублей (тогда это была очень крупная сумма!). Затем началась деградация садов, и в конце 80-х руководство заповедника пришло к выводу, что не может содержать штат работников, который в состоянии ухаживать за огромными массивами погибающих посадок. Участки садов были отданы местным жителям на правах аренды. Большим планам не было суждено сбыться. В настоящее время жители поселков Яйлю и Беле полностью обеспечивают себя яблоками и грушами, а излишки отправляют в ближайшие села.

Оглядываясь назад, перелистывая старые отчеты, сборники статей, дневники, поражаешься объему сделанного сравнительно небольшим коллективом Алтайского заповедника. Сколько известных ныне ученых прошли его школу! Около 500 научных работ опубликовано за 70-летний период! А чем измерить труд госинспекторов? Числом заполненных протоколов, задержаний нарушителей, конфискаций оружия или тысячами километров, пройденных по горным тропам, бессонными ночевками без избушек, риском при преследовании браконьеров?

В последние годы в Республике Алтай произошло несколько значительных событий. В 1991 г. был создан еще один заповедник — «Катунский» — в юго-западной части Горного Алтая. А в декабре 1998 г. пять наиболее ценных особо охраняемых территорий республики — Алтайский заповедник, Телецкое озеро, гора Белуха, плато Укок и Катунский заповедник — вошли в объект Всемирного природного и культурного наследия под названием «Золотые горы Алтая».

Такое внимание и отношение руководства Республики Алтай к охране природы в нашем регионе дает уверенность в том, что определение «третий» применительно к Алтайскому заповеднику постепенно перестанет употребляться. Ибо суждено ему жить вечно. Как было задумано еще в 1932 г.

МЕНЯ СПАС ЗАПОВЕДНИК

«АЗАС»

Мария Мамуркова

Статья была опубликована в газете «Центр Азии» (№43–44, 2005).
Печатается с сокращениями.

Безусловно, она — лидер. Человек, который привык ставить перед собой высокие цели и добиваться результата: Нина Иосифовна Молокова, заместитель директора заповедника «Азас» по научной работе, Заслуженный эколог России.

О заповеднике и его сотрудниках Нина Иосифовна может говорить восторженно и очень долго. Интересно, что коллеги также увлеченно могут говорить о Нине Иосифовне, которую ценят за доброту, бескорыстие, готовность всегда прийти на помощь, обязательность, неиссякаемый оптимизм и умение находить выход из самых сложных ситуаций. Во многом благодаря ей сотрудниками заповедника даже в сложные постперестроечные годы проводились научные исследования и готовились публикации.

Телеграмма с известием о присвоении Нине Молоковой звания «Заслуженный эколог Российской Федерации» пришла в заповедник «Азас» 16 июня 2005 г. Нина Иосифовна узнала об этом в республиканской больнице: 15 июня она получила тяжелые травмы. Пассажирский автобус «Абакан–Кызыл», на котором она возвращалась из командировки, попал в аварию.

Наша встреча состоялась, когда Нина Иосифовна только что выписалась из больницы и собиралась на операцию в Красноярск. Эта удивительная женщина говорила, что авария, в которой она пострадала, — лишь испытание, после которого уже ничего не страшно. Жалеет только о том, что долго не сможет заняться любимой работой и что не получилось, как планировала, поехать понынчиться с внучками. Так может держаться только

человек, получивший особую закалку.

Дерево крепко корнями

Корни у нее — старообрядческие. Прадед по материнской линии — Петр Голубцов — проживал когда-то в Тобольской губернии. Был известен тем, что изобрел трехгранную борону. Об этом изобретении даже сообщалось в газете «Ведомости».

Дед, Нестор Голубцов, переехал с семьей в Туву еще в начале XX в. и поселился в Медведевке Каа–Хемского кожууна. В 1936 г. семье пришлось выехать из Тувы (власти не продлили сроки действия паспортов) и обосноваться в Минусинске. В 1941 г. Нестор Голубцов был репрессирован за свои религиозные убеждения, 10 лет провел в тюрьме, но в вере не поколебался. Впоследствии он был реабилитирован. После войны семья вернулась в Туву, где до самой смерти в 1993 г. дед возглавлял старообрядческую общину, был уставщиком.

Тулины, предки со стороны отца, в начале XX в. арендовали по царскому указу на 100 лет Тюхтятские (Можарские) озера в Курагинском районе, на которых уже в то время разводили садковым способом рыбу. Дед Григорий Тулин приехал с семьей в Туву в 1917 г. В 1932 г. он строил базу курорта «Уш–Бельдир», был одновременно и прорабом, и снабженцем, и строителем.

Бабушка Ксения Афанасьевна была там поварихой, кормила всю строительною бригаду. Позже дед строил школу–интернат в Тоора–Хеме, быткомбинат, пекарню, промтоварный магазин в Салдаме.

Жили Тулины и на Азасе, и в местечке Инсук, и на реке Арбык. На Арбыке у них было большое хозяйство: держали пчел, коров, лошадей, выращивали хлеб.

Отец Нины, Иосиф Тулин, еще ребенком подружился с местными оленеводами и охотниками, выучил тувинский язык. Он отличался обостренным чувством справедливости, не раз помогал своим друзьям, когда их пытались обмануть скупщики охотничьих трофеев. В благодарность за это тувинцы показали подростку потаенные охотничьи места, обучали его охотничьим премудростям. Иосиф уже в 11 лет охотился на соболей. Спустя годы Иосиф Тулин стал известным охотником, о нем писали газеты, а в 1967 г. в журнале «Улуг–Хем» был опубликован очерк «Сто соболиных шкур».

Мама Нины Иосифовны, Зинаида Тулина, прожила недолгую жизнь, но и за короткое время смогла воспитать в дочерях самое главное: уважение к старшим, гостеприимство.

— Мама была очень набожной. Она никогда не кричала на детей. Достаточно было ее строгого взгляда, и мы уже чувствовали себя виноватыми, понимали: что-то сделали не то. Мама дала нам христианское воспитание, с самого детства в нас был заложен какой-то здоровый, сильный стержень, что очень помогло в дальнейшей жизни, — говорит Нина Иосифовна.

Мама погибла в Хамсаринском водопаде, когда Нине было всего 10 лет. На руках у отца остались шесть малолетних дочерей. Люди предлагали сдать девочек в детский дом, но он этого не сделал. Летом девочки росли возле бабушек и

дедушек, а во время учебного года жили в интернате. Сестры быстро научились шить, одежду шили себе сами, а чаще перешивали то, что отдавали другие. Рано к ним пришло чувство ответственности за себя и осознание, что теперь можно надеяться только на собственные силы.

Общая беда сплотила сестер. Сколько лет прошло, жизнь раскидала всех по разным городам и селам, а они до сих пор живут как одна семья.

В моей душе жил биолог

Учеба Нине давалась легко, ее любимыми предметами были химия и математика. В 1967 году она закончила кызыльскую школу №1 с серебряной медалью.

— В душе моей жил биолог, ведь мое детство прошло в Уш-Бельдире и в Хамсаре. После школы остановила свой выбор на Сибирском технологическом институте в Красноярске, специальность — защита растений. К сожалению, в справочнике вузов не было разъяснено, что такое «защита растений». Оказалось, что это технология производства гербицидов. Узнала я об этом уже после того, как была зачислена, и очень расстроилась. Тогда же для себя решила, что учиться здесь не буду.

Тем не менее в Сибирском технологическом институте она проучилась полтора года, потом устроилась разноработочей в Институт леса и древесины. В то время она уже решила, что обязательно станет биологом. Здесь познакомилась со своим будущим мужем — аспирантом Вячеславом Молоковым. Вскоре молодые люди решили пожениться. Через год у супругов родился сын Александр. Однако Нине Иосифовне это не помешало окончить биолого-химический факультет Красноярского государственного университета с красным дипломом.

Нину взяли лаборантом в ее родной Институт леса, в лабораторию лесной типологии, которую возглавлял доктор биологических наук, профессор Валентин Смагин.

Он и другие сотрудники лабора-

тории много сделали для изучения лесов Тувы. Монография «Типы лесов гор Южной Сибири» под редакцией Смагина сегодня является настольной книгой заинтересованных специалистов.

Но Нина Иосифовна еще не связывала свою научную карьеру с Тувой, а в качестве соискателя начала работать над кандидатской диссертацией по Западному Саяну. Однако регион к тому времени был уже хорошо изучен, по нему написано и защищено много работ. Выбрать тему и привнести своим исследованием что-то новое было сложно.

— Мне хотелось исследовать новый регион, а то, чем я занималась, не приносило удовлетворения. В работе наступил кризис. Были проблемы и в личной жизни. И тут в 1985 году в Туве появился первый заповедник — «Азас». Он меня спас в буквальном смысле. Я сразу востребовалась, отпросилась в лаборатории и поехала в Тоджу, договариваться об исследованиях на территории заповедника...

Ехала она только договариваться, однако прихватила с собой и договор. Директором заповедника был тогда Сергей Александрович Окаемов. Он смотрел долго и испытующе на молодого специалиста из Красноярска, потом сказал: «Приезжайте на полевые в июне, как раз планируется вертолетная экспедиция в высокогорье, посмотрим, как вы будете работать». Но договор, однако же, подписал.

— В заповеднике тогда царила атмосфера энтузиазма. Все были чем-то увлечены, у всех горели глаза. Одна за другой организовывались летние экспедиции. Моя первая Тоджинская экспедиция — на озеро Виластое (плато Сой-Тайга). Нас забросили туда вертолетом. С нами работал кинорежиссер Юрий Иванович Устюжанин, он снимал фильм о заповеднике. Экспедиция прошла замечательно, я собрала гербарий, описала растительные сообщества, работала и за флориста, и за геоботаника.

Летом 1988 г. мы работали в высокогорье, на Чойгановских ис-

точниках. А в 1989 г. были выделены средства на подготовку лесоустройства территории заповедника. Подготовительные работы были поручены Институту леса, была организована комплексная экспедиция под руководством доктора биологических наук Владимира Николаевича Седых. Меня взяли в качестве геоботаника. Экспедиция работала три года, был накоплен огромный материал. То были хорошие времена для науки.

Встретились ботаник и орнитолог

На постоянную работу в заповедник Нина Иосифовна перешла, когда уже не было ни атмосферы энтузиазма, ни стабильного государственного финансирования.

В 1990 г. Окаемов ушел с должности директора. С ним покинули заповедник многие сотрудники. Ситуация с кадрами была провальная.

— Когда я собралась в Тоджу, Окаемов уже был директором заповедника «Чазы» в Хакасии и звал меня туда, тоже на должность замдиректора по научной работе. Но мне было очень жалко «Азас», потому что я сама тоджинка, столько труда вложила в этот заповедник, столько было накоплено материалов, которые еще ждут своего часа, поэтому на предложение Окаевова не согласилась, а, как и планировала, приехала работать в Тоджу.

Может быть, на решение Нины Иосифовны повлияло и еще одно обстоятельство. Весной 1990 г. она познакомилась с Николаем Карташовым, орнитологом, который в то время работал в Саяно-Шушенском заповеднике и тоже собирался переезжать в Тоджу. Поначалу показалась ему новая знакомая наивной и неопытной. Свое мнение о профессионализме Нины Иосифовны Николай Карташов изменил тем же летом, после первой совместной научной экспедиции.

На постоянную работу в «Азас» он пришел раньше нее. Когда прежний директор Окаемов собирался уходить из заповедника, Нине Иосифовне пришло письмо от

Николая Карташова: собираетесь вы приезжать или нет?

— Если бы я ответила «нет», он бы тоже уехал из Тоджи. Потому что в буквальном смысле оставался в заповеднике один, а район его очень интересовал как специалиста. Для орнитологии Тоджа была белым пятном. В 1992 г. заповедник выделил мне дом, я приехала посадить огород, привезла часть вещей. В моем доме еще не было мебели, рабочие делали ремонт, и я по привычке остановилась у Николая Дмитриевича. Как он потом шутил: заехала на время и осталась навсегда. Но тогда я еще не планировала жить у него. После ремонта поселилась в своем доме и почти обжилась. Потом начались полевые работы. Коля на полевых — я его дом сторожу, я на полевых — он мой дом сторожит. И все равно прокараулили. Воры оказались проворнее. Что делать? Подумали-подумали и съехались в один дом. Не без взаимных симпатий, конечно.

Жить стало намного легче. Коля поразил меня своим восприятием жизни. У него на все есть свое мнение. Он очень независимый и эмоциональный человек, влюбленный в свою профессию, человек с чистой душой. Мы с ним живем интересной жизнью, нас связывают общая работа, захватывающие экспедиции. Делим с ним все горести и радости, поэтому у нас полное взаимопонимание и взаимовыручка.

Как выживала наука в отдаленно взятом заповеднике

Никакой труд не пропадает бесследно. Участие в комплексной экспедиции, работа в заповеднике помогли Нине Иосифовне приобрести уверенность в своих силах, и она снова вернулась к работе над материалами по Западному Саяну.

— Теперь я нашла хороший выход в соединении геоботаники и фенологии. Диссертацию под руководством Дины Ивановны Назимовой писала уверенно, что называется, с расправленными плечами. Работа по-

лучилась очень хорошая, по оценке специалистов, выше кандидатского уровня.

А для заповедника начались годы выживания. Какое-то время «Азас» жил только благодаря грантам. Нине Иосифовне волей-неволей пришлось вникать и в кадровые проблемы.

— Первое время я пыталась приглашать молодых специалистов, но как только им предлагали более престижную работу и ближе к центру, они отказывались. Все боялись ехать в глушь, боялись отрыва от центров информации, для научного работника это страшно. Поэтому ставка была сделана на контрактников. В частности, по контракту у нас работают специалист по высшим растениям Дмитрий Николаевич Шауло, специалист по мхам и лишайникам Татьяна Николаевна Отнюкова.

Себя Нина Иосифовна называет демократичным замом, потому что от своих сотрудников никогда не требует соблюдения бюрократических формальностей, главное, чтобы в работе был результат. Главным достижением научного отдела заповедника Нина Иосифовна считает то, что Тоджа перестала быть белым пятном для науки.

— Мы основательно дополнили определитель растений Тувы. Особенно много сделали, когда работали по международному гранту Глобального экологического фонда. Проект назывался «Таксономический список флоры и фауны Тоджинской котловины». Изучали не только территорию заповедника, но и всего региона. Если какой-то список высших растений существовал, то о мхах и лишайниках Тоджи вообще ничего не было известно. Более того, мы открыли совершенно новые виды мхов для науки в целом. Наш главный специалист по мхам и лишайникам Татьяна Отнюкова пишет докторскую диссертацию по собранному в Тодже материалу. У Дмитрия Шауло докторская работа по высшим растениям уже написана, скоро выйдет на защиту. Кроме того, готовится монография «Флора и растительность Тоджи».

Изучена орнитофауна не только заповедника «Азас», но и в целом Тоджи. Готовится аннотированный список позвоночных животных заповедника. С 1995 по 2004 г. под научным руководством доктора биологических наук Александра Павловича Савельева в заповеднике велись специальные исследования по программе «Тувинский бобр». Теперь об этом «красно-книжном» виде ученым известно практически все. Полученные знания позволили заняться расселением бобров в пределах Тувы. В 2003–2004 гг. 17 особей были переселены с реки Азас на реку Белин. Бобры прижились.

Не каждый человек в наше время решится переехать из крупного города в такой отдаленный уголок, как Тоджа. Особенно непросто пережить географическую, а главное, информационную изолированность ученому.

Нина Иосифовна, несмотря на это, выбрала Тоджу. «В Тодже у меня под рукой ограниченный список современных журналов, нет возможности работать в научных библиотеках, — рассказывает она. — Хорошо еще, что сотрудники, которые у нас работают по совместительству, присылают свои статьи и помогают пополнять библиотеку заповедника научной литературой, благодаря этому хоть какой-то обмен информацией происходит».

Нынешним летом в заповеднике появился Интернет, это, конечно, облегчит нашу работу.

Тем не менее я никогда не жалею, что приехала работать в Тоджу. Здесь у человека налаживается органическая связь с природой, здесь нет суеты, всегда есть время основательно подумать и расслабиться.

Кроме того, для меня Тоджа — не просто красивое место, это и постоянный объект моего научного интереса. Вот уже 13 лет я работаю в заповеднике, за это время ни разу не была в полноценном отпуске. Лучшим отдыхом все эти годы для меня были экспедиции».

Самые экстремальные, но и самые продуктивные, как считает моя героиня, это — конные экспе-

диции, они позволяют охватить большую территорию, добраться в труднодоступные уголки.

«На лодке или машине можно объехать меньше половины территории заповедника. Последний раз сотрудники научного отдела заказывали вертолет в 1993 г., с тех пор это непозволительная роскошь для заповедника. Тем не менее нужно было заниматься инвентаризацией флоры и фауны, было много неисследованных мест, пришлось переориентироваться на конные экспедиции.

Первая такая экспедиция состоялась в 1995 г. Мы тогда взяли с собой даже примус и канистру керосина, чтобы готовить горячие обеды. Проводники посмеивались, глядя на ученых, но все-таки все загрузили. На хребте Улуг-Арга экспедиция разделилась: одна часть пошла наблюдать козорогов, мы с Николаем Карташовым остались на перевале. А 19 июля выпал снег. Глубина снежного покрова — 30 см. Три дня мы лежали в палатках, никуда не могли пойти, ничего не могли делать. К сожалению, погибло много птиц, как раз был период гнездования, стаявший снег открыл перед нами страшную картину...

Так прошло наше первое боевое крещение, во время которого, кстати, я впервые села на лошадь. Не обошлось и без курьезов. Лошадка была тувинской породы, у нее короткие ноги и через валежины она не шагает, а прыгает. Меня об этом не предупредили. Лошадь прыгнула, и я вылетела из седла, причем повисла у нее на шее, вцепившись руками и ногами. Владимир Ак-оолович Кол, наш директор, долго потом еще надо мной смеялся».

Экспедиция на озеро Виластое в 1996 г. запомнилась Нине Иосифовне тем, что группа несколько раз сбивалась с пути.

«Добрались до верховья реки Соруг, но напрямую к озеру поехать не смогли, пришлось ехать еще сутки обходным путем. По дороге попали в жуткий туман, не знали точно, куда идти, и тут на встречу выбежали маленькие оле-

нята, потом залаяли собаки, впереди показалась стоянка оленеводов.

Отогрелись у гостеприимных хозяев, переждали туман и двинулись дальше. Вскоре на озеро уже к нам в гости приехали оленеводы с ребяташками. Тундра наполнилась детскими голосами. Они все время играли в кости, катались на оленях, резвились. В такой веселой компании мы отработали вторую экспедицию.

На обратном пути до плато Дювилер добрались без приключений. В этот раз нас сопровождал проводник из Хамсары Сергей Манаков. На плато он нас покинул, потому что у него были свои дела на охотничьем участке, нам же нужно было возвращаться на кордон Соруг.

Вечером перед его уходом мы разговорились про озеро Чойган-Холь, что находится в верховьях Хамсары. На этом озере в

1980-е годы жил мой отец, у него там была хорошая изба с русской печкой, в которой он сам пек хлеб. Столько я слышала от него рассказов и про это озеро, и про избушку. Оказалось, что наш проводник помогал отцу ее строить. Я посоветовала, что мне очень хочется там побывать, посмотреть, но, видно, не судьба.

Наутро Манаков ушел, а нам показал тропу, по которой нужно было ехать. Но мы где-то сбились. Было много пихты и папоротника, а это сопутствующие друг другу элементы, характерные для влажных мест. На Соруге, куда мы шли, растительность другая. Несколько раз предлагала мужчинам вернуться, но слушать меня никто не стал.

Пошли дальше, стали попадаться какие-то озера. Говорю: мы ушли в сторону реки Кара-Хем, которая впадает в озеро Чойган-Холь.

«Маленький дикарь». Рис. Елены Юдиной, г. Астрахань

Тут со мной уже согласились, но я сказала, что раз уж мы так далеко зашли, не пойду обратно, пока не побываю на озере Чойган-Холь и не посмотрю на отцову избушку. Пришлось им соглашаться. Очень хорошая оказалась изба, все в ней любовно сделано руками отца. Он вообще большой мастер по дереву, еще подростком мастерил лодки-долбленки, делал мебель.

Возвращаясь, набрали на топкий ручей. Николай Дмитриевич хотел через него перепрыгнуть на лошади, но задние ноги лошади застряли. Она начала падать. Но реакция у Николая Дмитриевича хорошая, он успел соскочить, а лошадь упала в ручей вместе со всем грузом. Упала, подрыгала ногами и лежит, только голова и ноги торчат. Это был кошмар. Лошадь мы вытащили кое-как, отрезали подпруги вместе со всем грузом, который она везла. Какие у нас замечательные лошади, все время хвалю. Мы ее вытащили, отмьили, запрягли, и она безропотно пошла дальше после такого испуга.

Во время экспедиций сотрудники заповедника «Азас» побывали в таких местах, где практически не ступала нога человека. Видели и водопады, и каньоны. Любимые места Нины Молоковой — это высокогорье.

«Там создается ощущение постоянного обновления жизни, — увлеченно говорит она. — Рядом со снегом цветут цветы. Это ощущение контраста меня все время настраивает на философские размышления. Мы стараемся больше фотографировать в экспедициях. В 2006 г. хотим сделать фотовыставку, посвященную 20-летию заповедника, чтобы все смогли посмотреть на эти живописные места.

С нами в экспедициях были замечательные проводники — Сергей Ораевич Кол и Чулгуш Барымаевич

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

Бараан, без которых наши поездки просто не состоялись бы. Проводники — это особые люди, чутко чувствующие тропу и понимающие природу. К сожалению наших проводников уже нет в живых, но светлая память о них живет в наших сердцах».

Иногда приходится слышать мнение, что заповедники и заказники в нашей стране занимают неоправданно большие территории. У моей героини мнение совершенно противоположное. И основано оно не только на эмоциях любящего природу человека, но и на знаниях, которыми располагает современная наука.

«Потребительские аппетиты у человека огромны, если их не ограничивать, в природе не останется ни одного живого уголка, который бы служил эталоном для восстановления разрушенных природных комплексов, — считает Нина Иосифовна. — Заповедники обязательно должны быть. Их основная функция — восстанавливать генофонд флоры и фауны, сохранять в первозданном виде эталоны природных комплексов. На маленьких площадях этого не сделаешь.

«Азас» был вовремя организован, территория еще не была нарушена. К примеру, генофонд тувинского бобра сохранился и представлен только на территории заповедника. Мы начали работу по расселению бобра и думаем, что удастся увеличить его численность. На какой-то части заповедника можно развивать познавательный, научный туризм, но эксплуатировать запасы заповедника ни в коем случае нельзя. Есть современные технологии, которые могут гораздо лучше обеспечить человеческие потребности.

Нужно искать новые технологии, находить компромиссные варианты, чтобы наша земля сохранила функции воспроизводства. Иначе мы погибнем сами. Что ка-

сается Тувы, то ведь здесь веками накапливался опыт бережного отношения к природе, нужно возродить эти традиции.

Таких регионов, как Тоджа осталось мало. Она сохранилась благодаря тому, что сюда пока нет дороги. Все может измениться, когда дорогу построят. Я в ужасе от программы развития Тоджи, где есть план провести железную дорогу, заняться разработкой полезных ископаемых. Гораздо разумнее было бы использовать рекреационные ресурсы Тоджи.

И дело не только в том, что это красивейший уголок природы. Тоджа — огромный водосборный бассейн Енисея, реки, которая пересекает огромную территорию страны — до Ледовитого океана. Очень мало осталось бассейнов, которые сохранились бы в такой чистоте. Если здесь начнутся разработки, в первую очередь пострадают реки. Но об этом особо не задумываются. Небольшая золотодобывающая артель и то уже загубила несколько речек: Сыстыг-Хем, Айну, Харал. И никто этому не помешал.

Недавно встретила знакомого. Он — сразу о наболевшем: «Ты, заслуженный эколог, почему не предпринимаете никаких усилий? Речка Сыстыг-Хем уже почти угроблена!» Я поначалу пыталась объяснить, что у меня другая работа и другие обязанности. А потом подумала: ведь он прав. Люди, в силу своей профессии знающие, чем грозит такое «освоение» территории, не должны молчать, когда на их глазах гибнет природа».

Вот такая она, Нина Молокова, для которой делом всей жизни стал заповедник «Азас». Он когда-то спас ее от жизненных невзгод. А теперь она спасает его. А вместе с ним — и всех нас. Должны же остаться на Земле заповедные места, а в душах — заповедные уголки.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ТУРУТЫ

Виталий Рябцев

Статья была опубликована в сборнике научных статей «Сосудистые растения Прибайкальского национального парка» под ред. В. В. Рябцева (Иркутск, 2003). Печатается с сокращениями.

Летом 2002 г. на Байкале трагически погиб старший научный сотрудник Прибайкальского национального парка Алексей Евгеньевич Турута. Это был прекрасный человек, выдающийся ученый-ботаник, истинный энтузиаст заповедной науки.

Его жизненный путь весьма необычен. Родился Алексей в 1963 г. в г. Свердловске. В 1985 г. закончил факультет технической кибернетики Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ). Мог остаться в столице, но выбрал местом работы Иркутск. В 1985–1987 гг. работал инженером-математиком Вычислительного центра Восточно-Сибирской железной дороги. В летние сезоны, находясь в отпуске, много времени проводил на Байкале, оказывал помощь в полевых исследованиях биологам Иркутского университета. Именно в эти годы Алексей чрезвычайно заинтересовался и увлекся проблемами изучения и охраны дикой природы. Результатом было решение о кардинальной смене профессии. Переехав по семейным обстоятельствам в 1987 г. в Киев, самостоятельно прошел курс биологии и сдал кандидатские экзамены в Институте ботаники Национальной академии наук Украины. В 1991 г. под руководством одного из самых известных украинских ботаников — академика Юрия Романовича Шеляг-Сосонко — блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Анализ экологических характеристик степных сообществ на основе наземно-дистанционных исследований».

«Алексей был моим любимым аспирантом, — рассказывает Юрий Романович, — в работах по геоботанике ему очень помогала изученная ранее математика, так как он мог отлично вычислить возраст реликтовых растений. Алексей был влюблен в дику, девственную природу и каждое лето работал в каком-нибудь из заповедников бывшего Союза. Его не интересовала материальная сфера — столица, квартира. Ради науки он бросил Киев и переехал в Сибирь. Уникальный человек, совестливый. Жил, не нарушая 10 заповедей, и, наверное, не совсем вписывался в сегодняшний мир жестоких отношений. По сути своей Алексей был похож на Пржевальского и Паганеля вместе взятых — путешественник, азартный ученый энциклопедических знаний, но рассеянный, доверчивый, доброжелательнейший человек» (из статьи Анны Хоменко «Алексея Туруту убили, чтобы забрать у ученого “мыльницу” и

... семена редких растений», киевская газета «Сегодня» от 12.09.2002).

В 1988–1997 гг. Алексей Турута проводил ботанические исследования в очень многих районах на пространствах от Карпат до Магадана и от Памира до Таймыра. Мы поражаемся — какое интересное природное место ни назови, Алексей там побывал, может подробно рассказать, как туда проехать и что надо обязательно посмотреть. Он очень любил сибирские и центральные-азиатские горы. Особенно близкими его сердцу ландшафтами были тайга, тундра, степь. В 1995 г. я должен был впервые встретиться с ним в Приамурье. В 1994 г. Алексей написал в Хинганский заповедник, где я тогда работал, о своем желании приехать и принять участие в полевых исследованиях. Мы выразили свою заинтересованность в приезде киевского ученого. Но Алексей тогда отдал свое предпочтение не теплому Приамурью, а суровому Магадану. В 1995 г. он проработал в магаданских горах несколько месяцев. Алексей не отличался твердым здоровьем. Осенью 1995 г. он вернулся в Киев серьезно больным. Полгода провел в больнице. Наверное, после подобного испытания очень многие надолго потеряли бы желание работать в столь суровых и малокомфортных регионах, как Сибирь. Но Алексей уже летом 1996 г. с женой Аней и маленьким сыном Тишкой приехал на Байкал. Здесь в деревне Зама я с ним и познакомился. Вскоре он (вместе с семьей!) совершил почти трехнедельный слав по одному из самых «диких» притоков верхней Лены — реке Иликте. Хорошо помню его рассказы об услышанных тогда «волчьих концертах». Летом 1997 г. он вновь приехал на Байкал. В 1998 г. перешел на работу в Прибайкальский национальный парк (ПНП). Продав киевскую квартиру, поселился в маленьком поселке Порт-Байкал, принял российское гражданство.

С этого времени началась наша совместная работа. ПНП является чрезвычайно проблемной ООПТ. На его территории постоянно проживает около 15 тыс. человек, а летом количество приезжих переваливает за 100 тыс. В результате — сильнейший рекреационный пресс, браконьерство, фактор беспокойства, лесные пожары. Из-за огромной протяженности границ, наличия большого числа дорог контролировать территорию ПНП очень сложно. Мало того, ценнейшие природные участки располагаются на землях, включенных в ПНП без изъятия из хозяйственного использования.

На практике это значит, что районные власти творят здесь все что хотят. Происходит массовая застройка этих земель туристическими объектами. А вот реальной помощи и поддержки ПНП не имеет (по разным причинам) ни из Москвы (как-никак федеральный объект), ни из Иркутска (хотя располагается в Иркутской области), ни от прокуратуры (на радость «самовольным захватчикам» федеральной земли), ни даже от «зеленых» (а ведь, казалось бы, единственный в области национальный парк, и при этом захлебывается в проблемах). Алексей, скорее всего, мог бы найти более спокойное, возможно, и лучше оплачиваемое место в каком-нибудь из 5 других байкальских ООПТ. Но на территории ПНП (район Малого моря) еще в 1985–1986 гг. он «заболел» ботаникой, здесь и нашел себе основное место работы.

Алексей взвалил на себя проблему изучения и охраны флоры 470-километрового участка побережья Байкала (плюс остров Ольхон). «А. Е. Турута в 1998–2000 гг. ежегодно проводил в поле по 90–120 дней, как правило, используя попутный транспорт, с огромной задержкой получая командировочные. Благодаря ему ПНП располагает достаточно полной информацией о текущем состоянии большинства особо ценных популяций редких видов степных растений. Полагаю, что сейчас это один из лучших в Байкальском регионе полевых ботаников. Считаю огромной удачей для ПНП, что А. Е. Турута выбрал местом работы именно наш национальный парк. Полагаю, такие научные трудники должны рассматриваться как «золотой фонд» коллектива любой ООПТ» (из моей статьи «Без науки не может быть полноценной охраны», опубликованной в «Заповедном Вестнике» №1 (66), 2001).

Благодаря Алексею список сосудистых растений ПНП был увеличен с 1172 до 1344 видов. Стало очевидно, что наш парк превосходит любую ООПТ Восточной Сибири по разнообразию флоры, числу эндемичных и реликтовых растений. Примерно такова же ситуация и с фауной. Поэтому мы убеждены, что, несмотря на все свои проблемы, ПНП является уникальным очагом биоразнообразия, нуждающимся в особом внимании и охране.

Вместе с Алексеем мы выявили в ПНП 18 участков, имеющих ключевое значение для сохранения биоразнообразия байкальских реликтовых степей (проект ГЭФ). Подавляющее их большинство расположено на землях сельхозназначения. Логическим продолжением этой работы стал проект по организации двух микро-резерватов (на территории двух наиболее нуждающихся в охране вышеупомянутых «ключевых» участков). Алексей создал подробнейшие схемы размещения популяций редких видов растений на этих участках, осуществил посев их семян на экспериментальных плантациях. На основе его рекомендаций были построены почти 2,5 км деревянных оград, благоустроены стоянки туристов, размещены аншлаги и информационные щиты. Вдвоем мы написали и опубликовали в рамках этого проекта 6 буклетов о редких видах флоры и фау-

ны, 1 методическое пособие, 3 газетные публикации и 2 научные статьи.

Алексей проявил себя как очень квалифицированный, добросовестный специалист. К любому заданию он относился очень ответственно и скрупулезно. Все работы всегда выполнял качественно и в срок. Кажется, он никогда никого не подвел. Многим людям он обещал свою помощь и сотрудничество и всегда выполнял обещания. Пожалуй, его единственным недостатком я бы назвал упорное нежелание заниматься обобщением собранного огромного по объему научного материала. Он мог и должен был бы написать большую монографию, посвященную проблемам охраны растительного мира горных регионов Сибири и Центральной Азии. Он говорил (не знаю, в шутку или всерьез), что писанием монографий могут заниматься только те, кто уже неспособен работать в поле.

Никто лучше его не знал территорию (418 тыс. га) и топонимику ПНП (почти все горы и ручьи на территории парка имеют, как правило, труднозапоминаемые бурятские названия). Его мнение как эксперта было очень ценным в повседневной природоохранной работе парка, например при каждом рассмотрении заявок на передачу участков парка в аренду, в вопросах строительства любых объектов. При этом он продолжал ежегодно бывать в целом ряде особо охраняемых природных территорий Сибири (Байкало-Ленский, Баргузинский, Байкальский, Сохондинский заповедники, Забайкальский национальный парк), Алтае-Саянского региона, Киргизии, оказывая помощь в полевых экологических исследованиях. Его знают и помнят специалисты очень многих ООПТ бывшего Союза. Переехав в Иркутск, он продолжал оставаться экспертом Национального экологического центра Украины по Центральной Азии и Сибири.

Его интересы не ограничивались только ботаникой. Это был настоящий энциклопедист, обладавший огромными знаниями в области географии, этнографии, истории Северной Азии. Поразительно как много он знал и мог рассказать по памяти. Прекрасно переводил английские тексты, его переводы с русского на английский получали высокие оценки специалистов (и при этом стеснялся разговаривать на английском с иностранными гостями!). Кроме того, знал практически все славянские языки — польский, сербский, хорватский, словацкий (родными для него были русский и украинский). Как ему удалось так много узнать, стать столь замечательным разносторонним специалистом? Я полагаю, основная заслуга в этом принадлежала его родителям. Алевтина Михайловна Турута — известный ученый-химик, кандидат наук, Евгений Николаевич — профессор одного из московских вузов, специалист в области кибернетики и теории вычислительных систем. Они, а позднее также и известные украинские ученые выпестовали столь самобытный талант.

Может быть, еще более важно, насколько душевно чистым, благородным, щедрым человеком был Алексей. Столь благожелательные, добрые, готовые любо-

му помочь люди, практически не думающие о собственной выгоде, встречаются чрезвычайно редко. Он постоянно совершенно безвозмездно кому-то помогал — коллегам, студентам, туристам, соседям и пр. Бывало, совершенно незнакомые студенты и аспиранты из «дальнего зарубежья» и СНГ просили прислать интересующую их информацию, прилагая длинные перечни вопросов. Алексей тратил многие часы своего времени на ответы. Он очень щедро делился своими знаниями, собранной информацией. На мой взгляд, некоторые коллеги злоупотребляли его добротой и бескорыстностью. Полагаю, еще долгие годы в разного рода отчетах по грантам и хозрасчетным темам иркутских НИИ будут присутствовать целые страницы текстов, написанных характерным стилем Алексея. В последние годы все его ботанические публикации включали, как правило, несколько соавторов. Вклад в эти статьи некоторых из них, по-моему, был неощутимо мал. А вот, фамилию Туруты коллеги иногда забывали упомянуть, используя его материалы. Этот человек совершенно не вписывался в наше «рыночное время», жил как бы вне его. Интересный штрих: летом его часы показывали не местное, а, как он говорил, «истинное», то есть «астрономически правильное», время. По нему Алексей вел замеры температуры и влажности, проводя наблюдения на стационарных участках.

При высоком росте Алексей был очень худощав. Он и внешне походил на Паганеля, упомянутого Ю. Р. Шеляг-Сосонко. Несмотря на это, Алексей обладал огромной физической выносливостью. С грузом в 20 кг проходил по 50 км в день. За его плечами были очень продолжительные маршруты по сибирской тайге, подъемы в горы, длительные сплавы по сибирским рекам. Посещая весьма небезопасные районы, включая и горы Тянь-Шаня, Алексей не испытывал никакого страха. Он был уверен, что все встречные люди — хорошие и не причинят ему вреда.

Алексей терпеть не мог какие-либо конфликты и никогда в них не участвовал (его «бесконфликтность», пожалуй, была даже чрезмерной, потому что нередко ему же шла во вред). Одно присутствие Алексея в небольшой компании создавало особую доброжелательную атмосферу. Кажется, никто никогда не слышал от него дурного слова. Не курил, совершенно не пил спиртного, был очень умерен в еде. Его необычная восторженно-удивленная манера разговора, своеобразный юмор, смешные слова и выражения наверняка очень надолго запомнятся всем, кто его знал. Лучше всего его мог бы характеризовать термин, противоположный по значению «крутой». Впрочем, нынешняя молодежь именно так и понимает слово «ботаник». Он и был ботаником во всех смыслах, включая молодежный сленг. Гнуть пальцы и говорить на уголовной «фене» несравненно проще, чем вести себя как «ботаник»

Алексей Турута.

26 июля 2002 г. Алексей выехал в плановую командировку для обследования участков постоянных наблюдений, а также заложенной в прошлом году экспериментальной плантации по выращиванию редких видов растений. Этот отрезок байкальского побережья (между п. Онгурены и мысом Зундук) является самым удаленным в ПНП. Он лежит вблизи границ с Байкало-Ленским заповедником. В 2000—2001 гг. эту территорию мы посещали всем научным отделом (3 человека). Но уже год, как мы вдвоем с Алексеем представляли весь «научный потенциал ПНП». В конце июля я поехал на научную конференцию в Новосибирск. Сроки поджимали, и Алексей отправился в командировку один. Он должен был ночевать на кордонах парка (поэтому не взял палатки), двигаться только по дорогам. В это время здесь весьма много туристов, риска нападения диких животных нет. 5 августа он не появился дома, как планировал. Из-за поломки радиостанции связи с Онгуренским лесничеством не было, получить о нем информацию мы не могли. С 9 августа начались поиски Алексея. Его тело было найдено 5 сентября в лесу в 50 м от дороги между населенными пунктами Онгурены и Зама. Что это убийство, сомнений не было. Череп пробит, рюкзак пропал.

Спасибо оперативникам из Иркутска и следователям: уже несколько дней спустя были задержаны трое жителей пос. Онгурены, подозреваемые в убийстве, обнаружены вещи Алексея. Он был убит 28 июля. Тело было обнаружено на сороковой день. Удивительно, но его не тронули ни звери, ни птицы.

Алексея похоронили 13 сентября 2002 г. на кладбище в пос. Листвянка на побережье Байкала. Зимой состоится суд над его убийцами. Хочется надеяться, что все они понесут заслуженное наказание.

От нас ушел удивительный, редкий по своим душевным и интеллектуальным качествам человек. Безмерно горе его родителей, супруги, сына. Огромна потеря для науки, для заповедного дела. Прибайкальский национальный парк лишился лучшего своего сотрудника. Собранный Алексеем материал мог бы послужить основой для нескольких докторских диссертаций. Его знания, опыт могли и должны были внести большой вклад в дело охраны природы, в частности в сохранение биологического разнообразия Сибири и Центральной Азии, в расширение сети особо охраняемых природных территорий. В память об Алексее Евгеньевиче Туруте осталось около 70 научных публикаций, примерно 2 десятка научно-популярных статей, брошюр и буклетов. Но это кажется до обидного малым, учитывая его огромные знания и творческий потенциал.

ЗАВОРОЖЕННЫЕ ТАЙГОЙ

Евгений Смирнов

Статья, посвященная 70-летию Сихотэ-Алинского заповедника, была опубликована в журнале «Природа» (№2, 2005). Печатается с сокращениями.

*Природа не для всех озей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно гитаем в ней,
Но кто, гитая, понимает?*

Д. В. Веневитинов

30-е годы XX века. Страна бурлит. Мы строим коммунизм! Тысячи проблем. И сохранение природы занимает одно из престижных направлений. Именно в 30-е годы были созданы многие заповедники, прославившие Россию. Одним из них стал Сихотэ-Алинский. Экспедиция во главе с К. Г. Абрамовым обследовала огромную территорию уссурийской тайги, а 10 февраля 1935 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР был организован Сихотэ-Алинский заповедник на площади 1 млн. га плюс 800 тыс. га охранный зоны. В то время он был самым крупным заповедником на планете!

Первым директором и стал Константин Георгиевич Абрамов. Профессиональный революционер, большевик, ленинец, охотовед по образованию, отличный организатор, эрудированный человек, он быстро создал коллектив единомышленников. Из Москвы приехали Ю. А. Салмин, К. Я. Грунин, Л. Г. Капланов, Г. Ф. Бромлей, В. Д. Шамькин — опытные таежники и фанатики науки. Призвал на помощь местных таежников: В. Е. Спиридонова, Ф. А. Козина, И. Д. Попкова, Д. Е. Деревнина, А. Я. Куклина, М. А. Пенькова и др. На топографических картах заповедника значатся до сих пор имена этих и многих других людей в названиях ключей: Белобородовский, Дьячковский, Куклин, Денискин, Мартельевский, Латкин, Захаровский, Полчковский, Скоробогатов-

ский. Пригласил поработать в заповеднике известных ученых — Б. П. Колесникова, А. И. Куренцова, Ю. А. Ливеровского. И работа закипела. Ни границ, ни троп, ни избушек. Опубликовано 2 тома «Трудов» заповедника. Местные жители привыкли не браконьерствовать на заповедной территории.

В каких условиях приходилось тогда работать, можно узнать из писем и дневников Л. Г. Капанова. Из письма А. Н. Формозову: «...все маршруты мне пришлось проделывать одному по малоизвестным верховьям Колумбе и Арму, не располагая сколько-нибудь удовлетворительными картами, имея тяжелую, до 30 кг, котомку за плечами, переправляясь через хребты и перевалы, через стремительные реки с ледяной водой, в жару, дождь, жестокие морозы и вьюги, терпя голод и бедствия, с отрывом от населенных пунктов на месяцы, унося весь запас и снаряжение на себе, часто без обуви и соответствующей одежды, испытывая трудности и лишения до пределов человеческих сил... Работа в тайге проходила на свои риск и страх, без расчета на чью-либо помощь извне; приходилось полностью полагаться на свой опыт и знания. Возвращаясь из походов, я даже не имел места, где мог бы отдохнуть и работать... и все эти двадцать месяцев я провел, ночуя по баракам, лачугам, фанзам, крестьянским избам и добрую половину времени — в палатках и под открытым небом...»

Формозов: «Несколько дней он брел в глубоком рыхлом снегу, изнемогая от усталости и голода; бросил в пути все вещи и почти ползком добрался, наконец, до первого жилья. В этот раз он был на краю гибели, долго после этого болел и, сделав себе лыжи, вернулся на Ясную Поляну только через 20 дней. Вот что означают слова “лишения до пределов человеческих сил” и “пребывание в снеговом плену”».

Снова письмо Капанова Формозову: «...11 марта вечером беспримерная в истории заповедника зимняя экскурсия успешно закончена. Почерневшие от весеннего горного солнца, месячной грязи и копоты после двадцати ночевок с ножьями, заросшие уже не щетиной, а окладистыми бородами, вконец исхудавшие и утомленные, но счастливые, мы (Капанов и Козин) вышли на кордон устья Арму. Сквозная экскурсия с устья Колумбе до Сихотэ-Алиния и по Арму вниз до Имана, начатая месяц назад, завершена. Мы прошли по абсолютно пустынной и бездорожной части заповедника, пересекли его “сердце”, покрыв по прямой, не считая боковых экскурсий, 360 км на лыжах и с котомками, имея на пути только две питательные базы — мои избушки, где я работал по лосу в верховьях Колумбе и в верховьях Арму. Чтобы обеспечить себе максимальную быстроту передвижения, мы не взяли с собой ни нарты, ни палатки с печкой и шли с ножьями...»

*Сквозь таежные дебри и тащи,
По изгибам застывшей реки,
Через сопки в глубокие пади
Нас тигровые тропы вели.*

Капланова убили в 1943 г. Браконьеры...

Пионеры Сихотэ–Алинского заповедника заложили прочный фундамент за 5 лет, но грянула война... Охотников призвали в армию. Повезло зверью (за 5 военных лет численность многих видов животных в заповеднике выросла)! Не все вернулись с войны. Салмин — снайпер — погиб. Надо начинать сначала.

Территория заповедника стала 1,8 млн га — охранную зону в 1943 г. сделали заповедной. Так решил Сталин. Местные начальники послали запрос в правительство с просьбой разрешить рубку леса в заповеднике для военных нужд, а Сталин им ответил, что заповедник есть заповедник! И «пристегнул» охранную зону к заповедной.

И его же рукой в 1951 г. было подписано постановление о ликвидации нескольких десятков заповедников России, о сокращении территории Сихотэ–Алинского в 18 раз, до 100 тыс. га. Пути господни неисповедимы!

Шамыкин после войны сел за стол, поднял все материалы зоологов и обобщил в отчете «Млекопитающие Сихотэ–Алинского заповедника». И по сей день мы «пляшем от него, как от печки». Шамыкина забрали в Москву, в управление по заповедникам. Бромлея пригласили на должность заведующего лабораторией млекопитающих в Биолого–почвенном институте ДВО АН СССР. И под крылом Бромлея выросла плеяда прекрасных зоологов. Грунин уехал в ЗИН АН СССР и стал ведущим специалистом по двукрылым.

Умер Сталин. «Потепление»... Но в природоохранной деятельности его не было. «Догоним Америку по молоку и мясу!» Закрывать заповедники... Плохо в Управлении, плохо в заповеднике. Никто не знал, что ждет нас завтра. Тяжелые годы. Приехали новые бойцы. Задача номер один — увеличение территории. Сохранить то, что не успели вырубить и убить.

Началась новая эпоха для заповедника. Что делать? Как выжить? 10 лет шла война гражданская — за восстановление заповедной территории. Силы были неравные: на местах предлагали, Москва решала... И все–таки в 1961 г. площадь заповедника была увеличена до 310 тыс. га. За этим решением стоят письма и судьбы многих заповедных бойцов. Леса повыврубали, повывжигали, тигров не стало. Опять все начинай сначала. Новый директор — Ю. В. Купцов — начал с подбора кадров, собрал боевой коллектив, а через пять лет его как хорошего организатора и специалиста перевели в Москву, на повышение. Но начатое им успешно продолжили его последователи. Прорубили границы заповедника, тропы, поставили аншлаги, построили 40 таежных избушек, переправы и мосты через ключи и реки, десятки домов для сотрудников.

В сентябре 1963 г. я приехал в заповедник устраиваться на работу. За плечами биолого–почвенный фа-

культет МГУ и год работы на море. Директор Купцов меня выслушал и отправил в экспедицию, «понюхать» тайги — 71 км по дороге туда и столько же обратно. Нарисовал схему избушек: на 28–м км — на кордоне в Усть–Серебряном, на 34–м км — в Зимовейном, на 43–м км — Дьячковском, на 57–м км — в Красивом месте, на 71–м км — в Лысогорке. И вперед! Сколько я повидал и испытал — это отдельная повесть. Но я прошел. И в ноябре меня приняли на работу. До сих пор здесь, хотя возможностей уехать было предостаточно. Тайга уссурийская завораживает, описывать ее пытались многие, но никто не ответил на вопрос, почему из нее никуда больше не хочется. Советский Союз я объездил вдоль и поперек, бывал в Японии, в Непале, в Африке, Америке, но уссурийская тайга, Сихотэ–Алинский заповедник стали родными. Не в обиду другим, кто любит свой дом на Камчатке, в Мещере или в Сахаре. Каждому свое. Не могу понять горожан. Проблемы, проблемы, болячки. Не спасают ни ванна, ни туалет, ни театры.

Первое, что меня обрадовало в Тернее, — это конюшня. В любое время лошади наготове. Выбирай какую хочешь! Еще и лесника в придачу, чтобы доvez места работы, а коня отвел в контору. Легко работалось, не то что с машинами сейчас: то бензина нет, то сломалась и запчасти днем с огнем не сыщешь, да и дорога только до первого кордона.

Второе — это уважительное отношение к молодому специалисту: и рабочее место тебе, и квартира в течение года, и всяческая поддержка.

И третье — масса студентов–волонтеров и помощников. Из них и набирались кадры. Многие работают в заповеднике до сих пор. Оседают только фанатики и романтики. Про зарплату я молчу, меньше не бывает, но ведь еще и таежные походы. С рюкзаками, клещами, дождями, ночевками у костра. Если журналист летает, шагает, не спит из–за одной строчки в газете, то нам нужны «букашки», растеньица, следы. Свихнутые? Наверное, да. На таких и держится заповедник. А почему бы не открыть рубрику: «Кому за 30 (за 40)», в которой рассказывать о людях, отдавших 30 (40) лет своей жизни заповедному делу. Таких немало. Можно внести каждого в картотеку, включить в базу данных. Заслуги неоспоримы. Будь то лесник, директор, научный сотрудник или лаборант. Они сделали все, что могли, чтобы сохранить заповедную природу.

Коротко расскажу о нескольких ветеранах (далеко не всех) Сихотэ–Алинского заповедника.

Денис Евстафьевич Деревнин. Семья переехала в Приморье из Сибири в 1912 г. Денису было два года. Всего у Деревниных родились восемь сыновей и две дочери. Трудно жили, но на ноги встали все. Денис был славным охотником и следопытом. В тайге как дома, компас в голове: если раз прошел, тропа ему знакома. Участвовал в первой экспедиции под руководством Абрамова для выбора территории под Сихотэ–Алинский заповедник. Следопытом он был от Бога. Но пришла война и всех раскидала. Многих братьев забрали в ар-

ЛЮДИ В ИСТОРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ

мию, дошли до Берлина. Дениса оставили охранять границу, добывать мясо и ловить рыбу. Отправили на Сахалин. После войны он вернулся и вновь устроился на работу в заповедник.

Без тайги он жизни не представлял. Так и дослужился до пенсии. Потом ослеп, но в тайгу продолжал ходить. Его сын натянул канат, и Денис ходил, ориентируясь по нему, ставить и проверять капканы, за водой. Варил обед, обрабатывал пушнину.

Именно он научил меня ходить по звериному следу, правильно ставить капканы и быть в тайге как дома. Он всегда говорил: «И чему вас только учат в этих университетах?» Прорубая тропу, никогда не трогал молодую кедрушку, обходил стороной. Никогда не убивал кедровку, чтобы положить ее на приманку. Никогда не ловил рыбы больше, чем надо на уху или жареху. Никогда не сидел без дела. «Пойду посмотрю, какой зверь прошел», — и приходил лишь к вечеру. Таких бы учителей побольше. А как он ходил на камусных лыжах! Уму непостижимо! Спускался с любой крутой сопки за пять минут. Ждал меня и веселился, как я постоянно делаю лежки.

Иван Иванович Самаркин. Не лесник, а легенда. Отличный охотник. Молодым ушел на войну. Отморозил ноги в Сталинграде и попал в госпиталь. Демобилизовали. Куда идти? Пошел в тайгу, в заповедник, лесником. «Ходить могу, следы читать умею, руки на месте, мозги работают, что еще надо?» Дали ему коня — совсем хорошо. Приобрел телегу — и на свой участок, на Шандуйские озера. Конь Егренька был обучен оставливаться у каждого бревна, которое согдится на дрова. Конь бредет, Иван Иваныч дремлет в телеге, конь остановился — все ясно: дрова. На зиму хватало. Съели тигры и Егреньку, и собаку. Как-то пришли к нему в гости ботаники. По дороге много раз, встречая двух-трехметровый в диаметре тополь Максимовича, охали, вздыхали, измеряли. Иван Иваныч слушал молча. А вечером приготовил им блины на огромной сковороде. «Блины Максимовича», — сказал им. После ухода на пенсию мы по праздникам его навещали. Он больше лежал, ноги болели. Когда мы заходили, он обычно приветствовал: «О! Традиция пришла! Гулять будем!» Мы пили водку, а он шампанское. И вспоминали минувшие дни. Он был изумительным рассказчиком. Малограмотный, а говорил красиво и на любую тему. Не зря его любила Марфа. Иван Иваныч изредка ругал женщин, но при этом обязательно добавлял: «Моя Марфа не такая». Любил играть на балалайке и петь частушки. Душа компании, прекрасный следопыт и таежник, без дела не сидел — трудоголик. Если в избушке мыши, он их не пугал, не гонял, не ловил. Продукты подвешивал, чтобы мыши не достали, пятки смажет керосином — и спать на нары. И гнус его почему-то не кусал. На покосе все отмахиваются, чешутся, а Иван Иваныч знай косой помахивает. Рядок пройдет, вытрет пот и пошел следующий. На своем участке построил одну избушку, вторую, прорубил тропы. Прозвали его участок владением Царя Шандуйского, а са-

мое большое озеро называли Царским. Так и до сих пор. В избушке есть тетрадь, где все отмечают и слагают стихи, кто как может.

Владимир Александрович Соломатин. Москвич. Отслужил в погранотряде Лазовского района Приморского края. В восторге от уссурийской тайги. Отработал охотоведом на Ямале. Два года работы, два года раздумий... и написал письмо в Лазовский заповедник с просьбой взять на работу.

С 1966 г. — в Сихотэ-Алинском заповеднике. Лесником, егерем, инспектором. Маршруты — дежурство, маршруты — учеты. Пришло время — «замуж» пора. А ему все некогда, вечно в тайге. Нашли ему невесту, вроде все хорошо, а перед свадьбой он сбежал в тайгу. Выловили. Поженили. Два сына выросли. Старший — начальник метеостанции в пос. Агзу, что в верховьях реки Самарги. Младший — учитель географии и биологии там же. Недавно погиб...

И до сих пор Владимир работает в заповеднике инспектором. Вечно в тайге, вечно в движении, вечно молодой и энергичный. По ночам пишет дневники (полевые не в счет), и их у него уже за 20 бухгалтерских томов. Есть там такой отрывок:

«Смирнову Евгению, главному тигрятнику, к дневнику в дополнение от Соломатина:

*Показалось, что с арены,
Что из клетки зоопарка
На тропе возник
Мгновенно
Предо мной!
Мне стало жарко.
Головастый, длинный-длинный.
Брюхо по снегу вологит.
И трясет хвостом.
Видно, оттого,
Что кушать хочет.
Я гитал — он не опасный.
Говорят, не нападает.
Только мне одно неясно:
Он гитал?
Он это знает?
Вмиг представил я картину
До обидного простую:
Превращаюсь в давлению
На подходе к Усть-Шандую.
Я рванул, как на форсаже,
Без тропы и без оглядки.
Ног своих не гулял даже,
Хоть душа стугала в пятки.
А в избушке в тот же вечер
Вспоминал я с напряженьем,
Что я видел? Как отведу
На твои вопросы, Женя?
«Возраст, пол, размеры тела,
В дневнике ты все отметил?»
Знаешь, Женя, такое дело —
Ничего я не заметил.
Извини за то, что скудны*

*В дневнике все наблюденья,
Любовался этим гудом
Я гуть больше, тем мгновенье.
Я рванул, как на форсаже.
Без тропы и без оглядки,
Ног своих не гуял даже
И душа стугала в пятки».*

Сколько прочел книжек, он и сам не знает. Детство провел в Ленинской библиотеке. Память у него необыкновенная: раз прочел и запомнил. Может по многу часов читать (на память) стихи великих и не очень известных поэтов. Спать не даст, это точно. Не зря его некоторые зовут «ходячая библиотека». Рыбак отменный, без рыбы не приходит. В любую погоду. Тайга — его дом. Заповедник — монастырь. Служит безотказно.

Виктор Анатольевич Воронин. В 1973 г. приехал из Ленинграда, бросив учебу на третьем курсе факультета теории и истории искусств в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Почему? Версии разные. Художник от Бога, но тайга пленила. Она — богаче, она не подведет, она бесконечна. Каждый лист, травинка, птичка, зверь, встреча с ними — удивительна и дает огромный заряд энергии. Вот только браконьеры... И иногда начальство... чего-то не понимает...

Были у Виктора и девочки. Студентки. Тоже чего-то не понимают, в Тернее жить не хотят. Так и остался холостым. Заповедник — судьба, работа. Каждый день — походы-обходы, новые впечатления, заполнение дневника, эскизы. Обожает фотографировать. Может часами выслеживать и наблюдать зверя или птицу, чтобы сделать один-два удачных кадра. Только у него есть великолепные фотоснимки амурских тигров в природе. Многие из них обошли журналы всего мира. Вот несколько строчек из статьи Воронина «Когда тигр отдыхает»: «Тигр остановился, приоткрыв пасть и, пристально глядя прямо мне в глаза, сделал еще шаг и стал медленно ложиться в позу сфинкса. Не отводя от меня взгляда, тигр осторожно опустил голову к лапам, стараясь, как мне показалось, остаться незамеченным, хотя скрыться было совершенно негде. Мне же все это время очень мешало небольшое дерево, которое пересекало кадр наполовину, и я рискнул сделать небольшое движение влево, чтобы снять зверя без помех. Как только он отвел взгляд и отвернул голову в сторону, я переместился влево, с опозданием соображая, что делаю это зря. С громким рыком тигр прыгнул вправо к ложбине, где когда-то лежал на снегу, прыжками проскокчил ее за какую-нибудь секунду-две и исчез за ближайшей из скалок...»

Коли зашел разговор о тиграх, невозможно не сказать пару слов об американцах. Так уж случилось, что с 1992 г. начался совместный российско-американский проект «Амурский тигр» в нашем заповеднике. Тигров отлавливали, надевали радиоошейники и два с полови-

ной года ежедневно следили по радиосигналу. Получили много новой информации о жизни этих кошек, написали несколько научных статей и десятки рекомендаций о сохранении амурских тигров. Американцы-зоологи работали вместе с нами. Всегда их впечатления самые-самые... Некоторые нашли себе русских жен и увезли с собой в США. Некоторые остепенились здесь. Родились Дэвид Михайлович и Артем Бартович. Жизнь и исследования продолжают, а заповедник — родной дом теперь и для американцев.

Все такие разные, но стержень один — любовь к Тайге. Она у нас богатая: гари, мари, морское побережье, кедрачи, глухие ельники, реки, ключи, озера... И везде они побывали. По тропам и без троп, в дожди и в снега, на лыжах и без оных. На учетах и на пожарах. Все видели своими глазами. Получали мизерную зарплату, содержали семью, воспитывали детей. И остались верны первой любви. Каждый поход — новые впечатления, новые знания, новая тетрадь, новая картина, новые рассказы. Жизнь продолжается.

Благодаря труду подобных людей и держатся заповедники. Дай Бог всем этим людям здоровья!

Было много волка в заповеднике — не стало. Не было тигра — появился. Увеличилось число горалов, пятнистых оленей, меньше стало лося и кабарги. Откуда мы все это знаем? Из книг «Летописи природы», из отчетов, из дневников сотрудников. Раньше не было инспекторов, егерей, были лесники-наблюдатели. Истинные герои заповедника — не кедр и не тигр, а те, кто посвятил свою жизнь их охране и изучению. Лозунг у всех один: «Не навреди! Сохрани!»

Спасибо вам, люди!

Сегодня площадь заповедника составляет 401 428 га, из них 2900 га морской акватории и плюс 65 250 га охранный зоны. 70 лет заповедника — детство. Работы хватит и внукам, и правнукам. Лишь бы снова не начали перекраивать и отрезать куски, не превратили бы его в нечто другое. Организован государственный заповедник, прочерчены границы, изъяты земли из хозяйственного использования — НАВЕЧНО! Никаких царских охот, горнолыжных курортов, отелей и мотелей, рубок и рудников!!! Так делается во всем мире. Только у нас уникальные камчатские гейзеры открывают, закрывают, снова открывают... Уникальное озеро Байкал... сколько борьбы за его сохранение. Примеров безобразного негосударственного отношения к заповедникам тысячи. А их всего сто, менее 2% территории России. Вряд ли найдется другая страна, где и того меньше. Пришло время вписать две строчки в Конституцию и четко обозначить, что государственные заповедники являются достоянием страны — природными музеями и не подлежат закрытию или сокращению территории ни при каких обстоятельствах!

ПУТЬ УЧЕНОГО

Василий Храмцов

Статья была опубликована в газете «ДВ ученый» (№10 (1284), 2005).

Имя Льва Георгиевича Капрана неотделимо от дела охраны природы в нашей стране и от изучения жизни животного мира.

Яркий самобытный ученый Л. Г. Капранов был зоологом по самой своей природе и никем другим быть не мог. Выросший в очень интеллигентной семье, Лев Георгиевич серьезно увлекся зоологией еще в школьные годы. Большую роль в становлении его научных интересов сыграл Кружок юных биологов при Московском зоопарке.

О высшем образовании Лев Георгиевич не думал и не стремился к официальной институтской учебе. Он учился сам по себе. Его университетом стала сибирская тайга, долина реки Демьянки, где был устроен специальный биопункт Уральской зональной станции Института промысловой охоты. Здесь, в Западной Сибири, он проявил себя не только разносторонним, вполне

квалифицированным сотрудником, но и неутомимым полевым исследователем. Уже с первых работ четко определилась его профессиональная специализация: изучение в природе экологии и поведения копытных. В долине реки Демьянки Л. Г. Капранов ведет наблюдение за жизнью лося. Кормовая база, поведение, распространение популяции — вот основные вопросы, которым молодой исследователь придает особое значение. В эти же годы Л. Г. Капранов вырабатывает методику круглогодичных полевых наблюдений в тайге.

Жизнь и работа ученого — одиночки не удовлетворяла Льва Георгиевича, и он охотно принимает предложение директора Сихотэ-Алинского заповедника К. Г. Абрамова перебраться на Дальний Восток. В 1936 г. Л. Г. Капранов приезжает в Приморье и сразу же включается в работу в качестве на-

учного сотрудника — зоолога заповедника. Верный своему правилу, выработанному еще в Сибири, Капранов старается быть в той среде, где обитают объекты его исследований. Он продолжает заниматься наблюдением и изучением лося.

В условиях труднопроходимой горной тайги Лев Георгиевич за короткий срок прошел около 3 тыс. км специальных маршрутов за лосями. Одновременно с этим он ведет наблюдение и за изюбрем. Результатом стала работа об изюбре, основанная на большом фактическом материале. В это же время (1936—1939 гг.) Л. Г. Капранов подготовил и опубликовал небольшую статью о дикуше, или черном рябчике, — одной из наименее изученных наших лесных куриных птиц. По его данным, ареал дикуши в Приморье охватывает высокогорную область хребта Сихотэ-Алинь (не ниже 700—800 м над уровнем моря),

Рис. Светланы Казиевой, 15 лет, г. Уссурийск

преимущественно по гольцам с высокогорной тундрой у верхней границы леса. До появления этой работы Л. Г. Капланова данные о распространении дикуши в Сихотэ–Алине были на редкость скудными.

В своих бесконечных хождениях по тайге, наблюдая ее многочисленных обитателей, Л. Г. Капланов, как настоящий исследователь, не мог не заинтересоваться редкими представителями животного мира Дальнего Востока, и в первую очередь тигром. Изучению этой крупной кошки Л. Г. Капланов посвятил много времени и тяжелого, полного лишений труда. Зимой 1939–1940 гг. Лев Георгиевич посвятил учетам и изучению экологии тигра на западных склонах Сихотэ–Алинского хребта, а следующей зимой он продолжил эту работу уже на восточной, приморской стороне. Л. Г. Капланов вместе с наблюдателем заповедника Ф. Козиным прошли по следам тигра в эту зиму на лыжах 1232 км. Работа Льва Георгиевича Капланова о тигре представляет научный и практический интерес. Во всем крае тогда было не более 20–30 особей тиг-

ров, из которых 10–12 обитали в области среднего Сихотэ–Алиня на площади около 3 тыс. кв. км. В верховьях рек Кемы и Кулумбе Л. Г. Капланов организовал стационарный биопункт. Здесь велись работы по экологии лося. Было выяснено его распространение в заповеднике в зависимости от сезона и других экологических условий. В результате Л. Г. Капланов написал работу «Биология дальневосточного лося». Но основное внимание уделялось им все-таки тигру, эта тема захватила его целиком. Своему учителю А. Н. Формозову он пишет: «В этом году мне вновь удалось провести на восточных склонах заповедника исследования по экологии тигров и с большим успехом. Думаю серьезно изучить эту дикую полосатую кошку». К сожалению, мечтам его не суждено было воплотиться в жизнь.

В сентябре 1941 г. Управление по заповедникам направило Л. Г. Капланова для работы в Судзухинский, ныне Лазовский, заповедник. С увлечением взялся Лев Георгиевич за наблюдения в условиях маньчжурской тайги. Здесь, на юге Приморья, он выполнял две работы: ад-

министративную — был директором, и научную. Объектом его исследований на этот раз стал горал. Хозяйственные заботы оставляли немного времени на научную работу, но тем не менее он проводил научные исследования. Активно взялся Л. Г. Капланов за борьбу с браконьерством. В одном из столкновений Лев Георгиевич Капланов погиб. Случилось это в мае 1943 г.

Несмотря на то что Л. Г. Капланов опубликовал немного работ, сделанное им настолько ценно, что имя его вошло в историю изучения Уссурийского края наравне с именами таких известных исследователей, как Абрамов, Арсеньев, Черский, Янковский, Пржевальский. После гибели Л. Г. Капланова его друзьями были подготовлены к печати его труды. Московское общество испытателей природы издало книгу «Тигр, изюбрь, лось». В библиотеке Сихотэ–Алинского заповедника хранятся отчеты Л. Г. Капланова и его работы «Изюбрь среднего Сихотэ–Алиня», «Биология дальневосточного лося». Имя Льва Георгиевича Капланова присвоено Лазовскому запо-

«Ушастая сова». Рис. Николая Федотова, 13 лет, заповедник «Малая Сосьва»

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

Виктор Коркишко

Глава из неопубликованной книги В. Коркишко «О леопардах — с любовью».

В конце мая 1993 г. группа американских и российских специалистов по леопарду наконец-то прибыла в заповедник «Кедровая падь». Американскую группу возглавлял доктор Ховард Квигли. С ним прибыли доктор Кэтти Квигли — его супруга, ответственная за ветеринарный контроль, генетические исследования, изучение различных показателей крови и тканей, и доктор Джексон Уитман, ответственный за отлов, обездвиживание, надевание ошейника и дальнейшее наблюдение за животными. Уитман собирается пробыть до марта будущего года, а то и дольше, если отпустят с основной его работы (Департамент рыбы и дичи, штат Аляска). Российскую сторону возглавляют два координатора: кандидат биологических наук Дмитрий Григорьевич Пикунов (Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН) и я. В свою очередь, наша команда разделена весьма условно еще на две группы. В мою входят сотрудники заповедника Юрий Борисович Шибнев, прекрасный фотограф и натуралист, и Александр Павлович Заев, лесник и тоже прекрасный натуралист. Основное направление нашей группы — исследования в заповеднике и его окрестностях. Группа Пикунова, в которую входят сотрудники Института географии Владимир Валерьевич Арамилев и Василий Анатольевич Солкин, работает на Шуфанском плато. Дж. Уитман первое время должен был поспевать и в заповеднике, и на плато.

Несмотря на кажущееся излишество координаторов, вся эта единая команда собралась в конце мая в «Кедровой Пади». После долгих и трудных, всем надоевших обсуждений организационных вопросов наконец-то проведен подробнейший инструктаж: как действовать при поимке животного, как и чем его обездвигивать, как крепить ошейник, как брать пробы крови и все остальное. Каждый участник проекта попробовал стрельнуть из ружья шприцем и дунуть в трубку, которая тоже «выплевывает», причем довольно метко, шприц с препаратом. Вскоре насторожили первые ловушки, в которых с сожалением посадили собак — чего им придется натерпеться!

Три недели прошли в ожидании. Я долго не решался устанавливать петли — боялся, что леопард может пораниться, вырываясь из них. Но, проанализировав и сравнив весь материал, как ведет себя леопард в капканах и петлях, на пробу установили пару петель. Через несколько дней, после того как, кроме человека, эти петли никого не поймали, установили еще несколько. Причем три из них на тропе на противоположном берегу р. Кедровой, недалеко от усадьбы заповедника. С этой тропки хорошо просматривалась яма в реке, в ко-

торой ежедневно купались дети и из которой сотрудники заповедника брали воду.

Проверяли ловушки дважды в день. Уже на третий день одна из петель сработала! После вечернего обхода прибежал Юра Шибнев: «Сидит!» Джек Уитман трясутся руками (все-таки первый дальневосточный леопард!) приготовил препарат для обездвигивания. Собрались и «болельщики» — штат заповедника и, конечно, дети. Но допущен к работе в качестве помощника был только один из них, уже довольно взрослый, шестнадцатилетний Леша Шибнев.

Совсем стемнело, когда перешли реку. Леопард встретил нас глухим рыком и затаился. Джек втокнул шприц в трубку и подошел ближе. Леопард сделал в его сторону предупреждающий выпад — не подходи. Когда до зверя оставалось метров восемь, он в отчаянии бросился на Джека, но трос отбросил его назад. Джек метко выпустил в него один шприц, второй — и леопард притих. Дозировка была небольшой: не зная веса зверя, мы боялись переборщить с иммобилизатором. Третью инъекцию совсем затихшему, но не уснувшему зверю Джек сделал руками. Зрачки леопарда стали стекленеть.

Первым делом Джек укрепил на леопарде ошейник и включил приемник, чтобы проверить работу передатчика. Все в порядке — «пи-пикает!» А вот дальше было не так гладко. Джек долго не мог найти вену. Ник как не удавалось взять пробы крови. Вокруг насвилось облако мокреца. Бабочки-артемиды забивали свет фонарей и лезли в лицо. Саша Заев следил за дыханием и пульсом, Юра Шибнев фотографировал, я пытался помочь Джеку, придерживая то голову, то лапы леопарда. Осмотрели соски и пришли к мнению, что самочка еще не рожала, но, как заметил Джек, по-видимому, беременна.

Джек так и не успел взять нужное количество крови, когда я заметил, что глаза леопарда теряют остеклененность и зрачки начинают реагировать на свет. Я предупредил Джека. Ругнувшись, он перестал отбирать кровь и взял пробу ткани — микроскопический кусочек кожи. Затем быстро обвязал лапы кошки веревкой, и мы взвесили ее — самочка потянула 82 фунта, или 37,3 кг. Для ее небольших размеров хищника вес оказался неожиданным. Последнее, что Джек успел еще сделать, — поставить специальным приспособлением на уши пластмассовые метки с номерами 1 и 2 — к радиофицированному «кольцу» добавились красные клипсы. Полностью промеры сделать не удалось, так как зверь почти очнулся и начал поднимать голову. Когда Шибнев делал последнее «прощальное» фото,

лесник Витя Рац сдвинул леопарда на передние лапы, придерживая за грудь. Нужно уходить — еще минута-две, и он придет в себя. Мы быстро спустились вниз и перешли реку. Итак, 27 мая 1993 года, спустя полтора года после того, как впервые был установлен радиопередатчик на амурском тигре, в заповеднике «Кедровая Падь» поймали и снабдили радиошейником первого дальневосточного леопарда.

Возвращаясь на усадьбу, Джек улыбался и на ломаном русском (за три месяца он довольно хорошо подучил язык) сказал: «Теперь я нужно немножко водка — пойдем ко мне, у меня есть».

Прежде чем выпить за первого дальневосточного леопарда, окольцованного радиошейником, нужно дать ему имя. В научных документах он пройдет под № 101. Но разве это имя? В отловах тигра, уже по установившейся традиции, право назвать животное предоставляется тому, кто первый обнаружил его в петле. Обнаружил Юра Шибнев, и он после некоторого раздумья предложил назвать нашу красавицу Светой, в честь своей дочери. Держа в испещренной красными точками от укусов мокреца (лицо было таким же) руке стакан с водкой, Джек несколько раз повторил имя на разный лад: «Света... Светлана...», проверяя его на свой слух. Согласно кивнул головой: «Хорошо, нравится», и мы подняли свои стаканы: «За Свету, за первую дальневосточную модницу и самую прекрасную леопардиную женщину!» Звон стаканов слился с пиканьем включенного приемника.

Судя по частоте сигнала, Света отдыхала после пережитого. Наливая по второй, Джек спросил: «А что означает слово Света?». Мы стали объяснять: чистое, светлое, в общем, свет. Он расхохотался: «После часа возни в темноте только русские могут дать имя, означающее свет». Крестины леопарда продолжили у Саши Заева — у него тоже оказалась бутылочка в запасе.

Как всегда, интересные яркие события еще раз переживаются в последующих обменах впечатлениями. Мы не упустили случая подколоть Джека в том, что он «не уложил» леопарда первым шприцем, а только с третьей попытки. Он всерьез пытался объяснить, что боялся передозировки, но мы продолжали шутить. Я стал втолковывать Джеку популярно суть шутки: он должен учитывать национальные и региональные особенности. У русского бутылка водки проскакивает, как разминка, американца же с ног валит. Так и с леопардами и другими хищниками — в Америке одна доза иммобилизатора для медведя может оказаться смертельной, а у косолапого она в России и зевоты не вызовет, не то что усыпит! Разошлись глубокой ночью очень счастливые.

Утром первым делом проверили, как там наша Света. Ночью после небольшого отдыха она поднялась вверх по склону и опять залегла. Еще два дня кошка бродила неподалеку от усадьбы, приходя в себя. Иногда спускалась к реке рядом с домами. Потом пересекла

долину и ушла на северный склон. 1 июля сигнал был то отчетливо слышен, то исчезал — Света уходила на другую сторону хребта. Джек решил установить более точно ее местонахождение и поднялся с Сашей Заевым на хребет. Сразу же за хребтом сигнал ударил прямо в уши — Света была где-то совсем близко. Вдруг они увидели ее, выглядывающую из дупла на липе. Тут же Света прыгнула на землю и скрылась в кустарнике. Следя за ней по радиосигналу, Джек понял, что Света кружит вокруг них. Что-то здесь не так. Решил проверить дупло. Вход в дупло находился на двухметровой высоте. Джек вскарабкался на липу и заглянул внутрь дупла, покинутого леопардом. На дне дупла лежали два крошечных, уже вылизанных сухих котенка. Света стала мамой! Чтобы не «разбивать» материнское сердце, Джек прыгнул с дерева, и они с Сашей поспешили прочь. Их так и подмывало взять промеры с котят — ведь «материал» был уникальнейший. Сутки Джек с Сашей боролись с исследовательским искушением, а утром, удостоверившись в том, что Света перетаскала котят в другое место, все-таки возвратились к дуплу.

Первый месяц мы наблюдали за ней, буквально не выходя из дома. Это особенно шокировало Джека Уитмена с его огромным опытом радиослежения за медведями, волками, рысями, россомахами и другими животными. Ему никогда не приходилось снимать показания суточной активности зверя, причем крупного хищника, сидя за столом с компьютером и чашечкой чая. А мне немного взгрустнулось: весь материал, который я собирал до этого по леопарду больше десятка лет, можно было, оказывается, получить за год, причем с более подробными деталями.

Суточная активность Светы поражала. Она была активна почти круглые сутки и лишь с полночи до чьих-то утра отдыхала несколько чаще. По нашим предыдущим сведениям выделялись пики активности в сумеречное время. Здесь же никаких пиков, сплошная активность и лишь некоторое понижение активности в ночные часы. Ко всему же, хотя мы ее не беспокоили, Света довольно часто меняла логово — каждые четыре-пять дней. Видимо, ей удавалось добыть крупную жертву и она переносила котят поближе к ней. По нашим прежним наблюдениям, самка 2-3 месяца после появления котят ограничивала свои передвижения в районе выводкового логова. Может, это характерно для зимы, так как мы собирали материал только по следам именно в этот сезон, а летом, когда тепло, можно и потаскать котят из логова в логово?

А может, это неопытность молодой мамы? В общем, чем больше мы получаем ответов на вопросы о поведении леопарда, тем больше у нас появляется новых вопросов. В любом случае идет накопление уникальных статистических данных, и вообще, изучать жизнь пятнистых кошек по новой методе — одно удовольствие.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЧЕРЕПАХАМ

Ирина Маслова

Статья была опубликована в журнале «Владивосток авиа» (№ 1, 2002).
Печатается с сокращениями.

Мы решили поделиться с вами своими летними экспедиционными впечатлениями. Надеемся, что они не оставят вас равнодушными и приумножат гордость за такое разное и такое прекрасное Приморье. Канары — это хорошо! Курорты Анталии — это здорово! Но зеленые просторы Ханки, синие хребты Сихотэ-Алиня, золотые бухты и пляжи Хасана — это разве слабо?

Я собиралась в экспедиции на озеро Ханку на все лето, устроившись на работу в заповедник «Ханкайский». Нам предстояло необыкновенное путешествие к необыкновенным обитателям заповедника — дальневосточным черепахам. Эти рептилии являются единственным краснокнижным видом среди пресмыкающихся Приморского края. Благодаря поддержке WWF, я и мой коллега из Хабаровска вплотную приступили к изучению данного вида. Базой моих исследований было избран остров Сосновый в западной части озера, на котором черепахи живут достаточно вольготно, так как он относится к заповеднику. Хотя остров невелик в размерах (около 1 км в длину и 500—600 м в ширину), но любим черепахами за удобные нерестовые места в виде великолепных песчаных кос.

Когда долго живешь среди лесов и привыкаешь к сопкам, безбрежному морю тайги, первая встреча с окрестностями озера Ханка шокирует абсолютно нетипичным для Приморья пейзажем. Широкие просторы полей и лугов, золото песчаных кос, зеленый ковер тростниковых зарослей и шумное птичье царство над водной гладью.

Это озеро входит в число наиболее крупных пресноводных водоемов Азии. Около 340 видов птиц здесь гнездится, встречается на пролете, кормится рыбой, которой в озере — изобилие. С весны до осени шумит, переливается по озеру птичий калейдоскоп. Огромными белоснежными цветами стоят в тростниках красавицы цапли. Покачивая змееподобными шеями, сушат взброшенные веером крылья антрацитовые бакланы. Бродят по болтам изящные, как статуэтки, японские журавли. Изумрудами сверкают на солнце проворные зимородки. Весной на пролете тысячные стаи уток и гусей сплошным серо-коричневым ковром покрывают плавни и озера.

Под водой кипит своя жизнь. Несмотря на мало разумное и разорительное рыболовство, здесь зарегистрировано в настоящее время 74 вида рыб, что составляет четвертую часть от всех видов пресноводных рыб, обитающих в России. Официально отмечено, что еще несколько лет назад на озере была выловлена калуга весом в 600 кг. А в старые времена было не в диковинку поймать рыбину весом и до тонны! В этом бескрайнем «пресноводном море» бродят по дну крабы величиной с мужскую ладонь. Поражает размерами гигантская кристалия (двустворчатый моллюск). Ее створки

достигают в длину 30 см! В толще воды суетливо мечутся пресноводные креветки.

Но вернемся к нашей экспедиции. Черепахи пляжи располагались на северном берегу острова, поэтому место для лагеря было выбрано на южном (не хотелось тревожить животных понапрасну). Настойчивый, трудолюбивый ветер создал на голых песчаных берегах выставки абстрактных скульптур из отмытых и обкатанных водой белесых коряг. Выше, на сухих участках острова темнели куртины остролодочника, играя всеми оттенками фиалкового цвета — от нежно-сиреневого до темно-фиолетового. Непривычно белые маки подмигивали желтыми сердечками. С восточной части острова, из-за зарослей ивняка доносился неумолкаемый шум птичьего базара, который мой сын Вова упорно называл птичьим рынком. В глубине острова за строем тростников, осоки и рогоза синело крошечное внутреннее озеро, по которому кружила, обеспокоенная появлением лодки, утка чомга с двумя птенцами на спине. Над ханкайской водой стрекозами висели крачки, высматривая корм вечно голодному потомству. Из воды в самый неожиданный момент и в самых неожиданных местах вылетали бакланы, временами пугая нас до прединфарктного состояния.

Следующим утром, оставив семейство на лагерные хлопоты, я пробралась на северный участок острова, вооруженная биноклем и фотоаппаратом. Самомнение утверждало, что мне удастся не только провести черепашиный учет, но и получить хороший снимок черепахи и без «телевика». Подражая ирокезам, я прыжками передвигалась среди зарослей ив, всматриваясь в ближайшую песчаную косу.

Чуть-чуть отступления, чтобы пояснить аномалии в моем поведении. Вовсе не о наших черепахах пишут «медлительный как черепаха». «Свирепый, как черепаха» — вот это про нашу! Ловкий быстрый хищник, бесстрашно бросающийся на человека, когда запутается в рыболовных сетях или попадет в вентерь, погнавшись за рыбой. То, что у нее нет зубов, не может утешить, так как челюсти работают наподобие автомобильных тисков и разжать их невозможно даже ножом, а длинные мощные когти на передних и задних конечностях оставляют глубокие незаживающие раны. Такие жуткие «орудия убийства» предназначены не для членовредительства человека, а для успешной охоты и питания. Из крепких челюстей рыба уже не вырвется. А кинжалоподобными когтями черепаха раздирает добычу перед тем, как проглотить ее. Эта рептилия обладает острым зрением и, отдыхая на прибрежном песке, замечает людей за сотни метров. После чего она моментально скрывается в воде. Поэтому мои меры предосторожности были вполне оправданы.

Выяснилось, что у черепах нервная система ну очень слабая в отношении любых движений, производимых любыми объектами. Они пугались даже своих сородичей, излишне резко и неожиданно выбирающихся на берег. Но чаще выход на сушу сопровождался довольно длительной подготовкой. Черепаха некоторое время плавала вдоль берега, разглядывая место будущего отдыха, ненадолго устранившись на мелководье и только потом выползала на берег. Слово «выползала» неточно передает красоту ее движения. Гладкий берег создавал иллюзию перетекания черепахи из одной среды в другую. Не было неуклюжих, судорожных движений, которые следовало бы ожидать от такой рептилии. Во время продвижения черепаха вытягивала свою длинную шею параллельно берегу, а останавливаясь, принимала «позу утки», высоко поднимая голову и зорко оглядывая окрестности. Забавно, но при спугивании черепаха неслась в озеро лихо вскидывая лапы, абсолютно не теряя все изящество.

Фотографироваться черепахи категорически не хотели. Самая любезная черепаха подпустила меня почти на тридцать метров, что при отсутствии телевика позволило получить снимок какого-то мутанта. Черепаха как раз приняла «позу утки», и все знакомые, разглядывающие фотографию, задавали один и тот же вопрос: что это за чудная птичка на берегу? Ежедневные бесплодные походы по косам с фотоаппаратом наперевес доводили меня до иступления. Пару раз, когда я, расслабившись, возвращалась в лагерь, что-то бормоча себе под нос (явно в состоянии перегрева на свирепом ханкайском солнце), ошалевшие черепахи выскакивали почти из-под ног. При их феноменальной скорости я успевала только нащупать фотоаппарат, когда раздавалось прощальное бульканье. Но самый невероятный случай (учитывая осторожность этих животных) произошел на третий день работы. Стоя у кромки воды на одной из песчаных кос я, притомившись от постоянного вглядывания вдаль с помощью бинокля, повернулась к воде спиной и с удовольствием потянулась. Тут что-то словно толкнуло меня в спину и заставило оглянуться с так и вытянутыми вверх руками. В метре от меня на поверхности воды покачивалась крупная черепаха, обладательница которой разглядывала меня с явным любопытством и брезгливым ужасом. Видимо животное гадало, что за своеобразную корягу выбросило на берег.

Дав себе страшную клятву все-таки сделать хороший портрет черепахи в августе, когда надо будет вернуться на остров, чтобы наблюдать вылупление черепахат, мы отправились в экспедицию в другие места. Время в разъездах пролетело незаметно.

И вот последний месяц лета. Мы вновь в сборах. Скорее к малышам на Ханку! У птиц уже встали на крыло птенцы. По приханкайским озерцам и старицам открылос навстречу солнцу лепестки божественно прекрасного лотоса. Выбросил скромные беленькие цветочки водяной орех — чилим. А под 10—20 сантиметровым слоем песка в черепаших кладках началось движение. Мигнули крошечные глазки, шевельнулись миниатюрные кинжальчики—когти.

За лето Ханка изменилась. Вода прогрелась до блаженной температуры. За десять дней работы температура воды не опускалась ниже отметки 24°C! Дети, хоть и не читавшие Беляева, превратились в местных ихтиандров. Не имея подходящей раковины для призыва, я первые дни безуспешно надрывала глотку, пытаюсь выманить их на берег, а потом только махнула рукой. Дети здоровели, нагуливали аппетит, а я худела и чахла, все более убеждаясь, что герпетология краснеет, имея в своих рядах такого исследователя, как я. Прошла уже неделя, а черепахат я не могла обнаружить! Остров стал походить на минное поле после разминирования. Это я в отчаянии делала поковки под разными кустиками в надежде найти кладку. Однако мудрые черепахи маскировали свои гнезда просто великолепно. Но вот наступили пасмурные дождливые дни. Под нудным дождиком, с аналогичным настроением я вышла на маршрут.

И вдруг за мягкой волной, лизнувшей серый песок, я увидела на самой кромке суши и воды неприметную лепешечку размерами чуть более пятирублевой монеты. Лепешечка шевельнулась и резко рванула в озеро. Уцепила ее я уже на ощупь в воде, захватив заодно огромную пригоршню песка. В ладони барахтался крошечный черепашонок, сурово тараща на меня глазенки и старательно пытаюсь тяпнуть на руку. И все... Покатило! Через минуту нашла еще одного. На следующий день четверых. А через день — пятнадцать! «Исход» черепахат начался в пасмурную погоду, а затем продолжался каждый день, но только в ранние утренние часы, когда песок был влажен и прохладен.

Дожди не только побудили к вылуплению черепахат, но и внесли новые краски в пейзаж озера. Над водой вечером повисали феерические радуги. На закате ниоткуда, как мираж, появлялись миллиарды ослепительно-белых поденок. Имея в запасе один день жизни, они снежным облаком клубились в танце любви и погибали тоже миллиардами. Вдоль берега, лениво всплескивая хвостами, ходили косяки рыб, объевшихся поденками. Солнце вечерами, укладываясь в разноцветные дождевые облака, создавало на небе неповторимые по красоте картины и вспыхивало многоцветными искрами в бесчисленных капельках росы, сережками свисающих с поникших трав. После заката, уже в сумерках, над нашим лагерем куда-то бесшумно пролетали чайки. Их крылья мелькали белыми грустными платками и вызывали безотчетную печаль и тревогу.

Банально, но неопровержимо, что все хорошее когда-нибудь кончается. Детей пора было собирать в школу. Мне надо было садиться за компьютер, обрабатывать результаты экспедиции и писать многочисленные отчеты. Мы ввалились в Спасск, блистая средиземноморским загаром, сияя довольными лицами людей, которым удалось хорошенько отключиться от благ цивилизации, и завалили фотопленками местную фотомастерскую. Снимки подтердили, что все увиденное и прочувствованное нами — не сон. Волшебный мир озера очаровал всех, кому мы их показывали. Друзья говорили, что впервые видят ТАКУЮ Ханку.

КАПИТАН КОМАНДЫ ЭНТУЗИАСТОВ

В этом году исполнилось 60 лет Валерию Петровичу Новикову — директору национального парка «Угра», представителю славной когорты людей, о которых очень сложно написать коротко. Жизненный его путь вполне достоин рассказа или очерка. А парк, бессменным руководителем которого он является, в следующем году будет отмечать свое десятилетие.

В. П. Новиков родился на Украине, но в 1951 г. Вместе с родителями переехал в Калугу — колыбель космонавтики. Отсюда он и отправился «в круженье лет».

Валера учился в средней школе №9, в которой когда-то преподавал К. Э. Циолковский. Может быть, поэтому он и был приглашен на роль одного из учеников великого ученого в фильме «Полет к звездам». После окончания школы уже прошло сорок с лишним лет, но всем классом одноклассники продолжают встречаться и по сей день, и это значит, что Валерий Петрович умеет ценить дружбу и быть хорошим товарищем. И, конечно же, он всегда с любовью вспоминает свою учительницу Т. Б. Линге, которая поддержала его увлечение геологией. Ведь еще с детства, как рассказывает сам Новиков, он мечтал стать геологом. Однако у его родителей были совсем другие планы на будущее сына, поэтому, чтобы поступить в Московский геологоразведочный институт, ему пришлось тайком уйти из дома, спустившись на веревке из окна четвертого этажа.

По окончании МГРИ В. П. Новиков еще больше развил в себе те качества, которые присущи выбранной профессии. В жизни Новикова-геолога было немало приключений. Он много ездил по России, Средней Азии, бывал в Китае, США, Африке и почти во всех странах Европы. Конечно, он ро-

мантик в душе, но романтик, обладающий глубокими знаниями и умением много работать. Он обладает четким осознанием главной цели, поразительной наблюдательностью, умением сосредоточиться, отделить истинное от мнимого. Его работа не терпит шаблона, в ней всегда присутствует элемент творчества.

Обладает Валерий Петрович и фантазией, так как по-прежнему приходится разгадывать немало тайн природы и делать выводы из ограниченного числа наблюдений. Вместе с тем он не увлекается ими, а при появлении новых фактов может и отказаться от заманчивой гипотезы.

Но это уже о Новикове-ученом, который не забывает науку и участвует во многих заповедных, краеведческих и природоохранных проектах.

По распределению Валерий Петрович почти двадцать лет проработал в Институте геологии академии наук Таджикистана, был заместителем директора по науке, защитил диссертацию.

Там же увлекся изучением памятников неживой природы и создал «малую академию наук». Вместе со школьниками ездил по Средней Азии и описывал уникальные объекты неживой природы, и эти исследования сложились в книгу «Каменное чудо Таджикистана».

Вместе с единомышленниками В. П. Новиков в одном из уголков

Таджикистана создал Ширкентский историко-природный заповедник, а позже принимал участие в создании Памирского национального парка — «Терескенового рая».

Потом Валерий Петрович переехал в Карелию, куда был приглашен на должность заместителя директора по науке Водлозерского национального парка, а с 1997 г. он с момента основания возглавляет национальный парк «Угра» — одной из самых крупных особо охраняемых природных территорий Калужской области.

Новиков-директор создал не только особо охраняемую природную территорию, где действуют федеральные законы, помогающие сохранить уникальные уголки средней полосы России. Ему удалось собрать команду настоящих профессионалов и энтузиастов своего дела. И Валерий Петрович — ее бессменный капитан, лидер, обладающий тем самым магнетизмом, который, притягивает и новые идеи, и новых людей, любящих жизнь, окружающую природу и строящих множество интересных планов на будущее.

Так пусть же они сбываются. Новых вам успехов и свершений. Так держать, Валерий Петрович! Мы тебя любим!

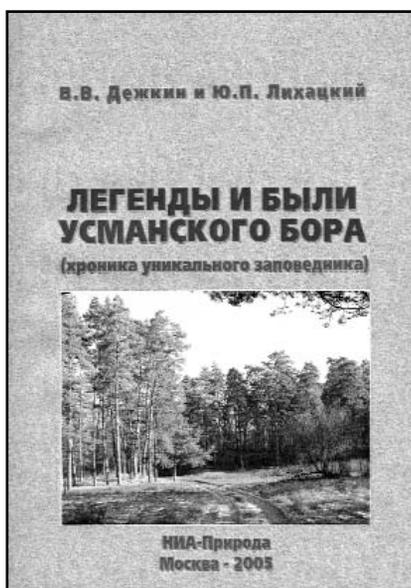
*Коллектив национального парка
«Угра»*

ЛЕТОПИСЬ ИЛИ МОНИТОРИНГ?

Вадим Дежкин, Юрий Лихацкий

Предлагаем вниманию наших читателей главу из книги В. В. Дежкина и Ю. П. Лихацкого «Легенды и были Усманского бора (хроника уникального заповедника)». М.: НИА-Природа, 2005.

Эта книга не участвовала в конкурсе «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах», но посвящена той же теме. Авторы книги, в общей сложности 40 лет проработавшие в Воронежском заповеднике, не только делятся с читателями впечатлениями об одном из чудеснейших мест лесостепной России, но и уводят их в сложный и противоречивый мир природоохранного учреждения, рассказывают о его непростых буднях, и главное — о людях.

Летопись, летописец, летописный... Перед глазами встает седовласый старец с пером в руках, склонившийся над пергаментными страницами и тщательно выводящий на них хронику побед и поражений, взлетов и падений, словом, все то, свидетелем чего ему пришлось быть. Зачастую современникам его труд казался ненужным, а порой нелепым. Но проходили столетия, события прикрывала пелена веков, и потомки готовы были боготворить летописцев за возможность окунуться в дела давно минувших дней, понять и оценить поступки своих предков.

Все это хорошо, скажете вы, но какое отношение имеет к заповедникам? Попробуем разобраться.

Еще до появления первых заповедников некоторые видные ученые уделяли много внимания не только формам охраны природы, но и содержанию будущих научно-исследовательских работ на особо охраняемых природных территориях. С созданием же сети заповедников, этот вопрос стал в полный рост. Основными чертами их научной деятельности, по мнению многих ученых, должны были быть длительность, непрерывность и комплексность. Длительность подразумевалась самой формой охраны, заповеданием — «...навечно изъятые из хозяйственного пользования», непрерывность — созданием в заповедниках научных частей и отделов. Ну, а как порой получалось с комплексностью, читатель уже знает.

В серии своих статей Г. А. Кожевников выдвинул ряд положений, составивших в последующем основу научных программ заповедников. Позже, программы, определяющие характер научной деятельности заповедников, А. Н. Формозов предложил называть Летописью природы. Большим достижением того времени явилось то, что заповедники начали работать если и не по единым, то по весьма близким программам.

Все они начинали с инвентаризации природного комплекса и картографирования основных его компонентов, с организаций метеорологических наблюдения. Позже по-

являлись научные направления, профильные или попутные.

В 30-е годы программы создавали по большей части, опираясь на работы Г. А. Кожевникова, Д. Н. Кашкарова, В. В. Станчинского. Лишь в 1940 г. появились первые официальные указания по ведению Летописи природы, подготовленные Главным управлением по заповедникам при СНК РСФСР, но форму инструкций они приобрели уже после войны. Появилась программа «Летопись природы заповедника. Инструкция по ведению летописи». Основными ее разделами были следующие: 1 — территория заповедника; 2 — погода; 3 — воды; 4 — рельеф, почвы, недра; 5 — флора и растительность; 6 — животное население; 7 — календарь природы; 8 — деятельность человека, изменяющая природу; 9 — летопись событий.

Все последующие инструкции и методические руководства, а их было несколько, дополняли, видоизменяли или модифицировали указанные разделы. Вызвано это было дальнейшим развитием заповедного дела, необходимостью сопоставимости результатов исследований разных заповедников, уточнением концепции заповедника как особо охраняемой территории. Последним методическим пособием, по которому в настоящее время работает большинство заповедников, является «Летопись природы в заповедниках СССР» К. П. Филонова,

Ю. Д. Нухимовской, изданной в 1985 г.

Так что же все-таки представляет собой Летопись природы заповедников? Прежде всего, это программа, преследующая цель систематического сбора данных в течение неопределенно длительного времени по динамике природных явлений и процессов в пределах заповедника и на сопредельных территориях. Как правило, в планах научно-исследовательских работ она идет под номером один. То есть считается, что ведение Летописи природы — основная научная работа в заповедниках. Собирают материал для Летописи всем миром — научные сотрудники, лаборанты, лесники-наблюдатели, егеря самого заповедника, сотрудники других организаций, аспиранты, студенты, все, кто хотя бы временно работает на его территории.

Ежегодно после выполнения закрепленных разделов, обработки полевых материалов и утверждения отчетов верстается очередная книга Летописи природы. В ней кратко и понятно приводятся фактические материалы, в основном, в виде таблиц, дополненных краткими комментариями, картограммами и графиками. Каждая книга Летописи природы составляется в нескольких идентичных экземплярах. Первый экземпляр хранится в заповеднике как особо ценный документ, второй направляется в вышестоящую организацию, а третий находится в библиотеке заповедника и является рабочим. С развитием компьютеризации начали создаваться электронные версии Летописи и формироваться компьютерные базы данных. Вместе с тем, продолжают существовать и традиционные «бумажные» Летописи.

Первая книга Летописи природы Воронежского заповедника появилась в 1951 г., но данные содержала за 1936—1940 гг. Начинаясь она кратким описанием истории создания заповедника. Большое место занимал раздел «Погода», где были представлены данные метеостанции с 1932 г. Основу книги составляли фито- и зоофенологиче-

ские наблюдения, а так же календарь природы. Для каждого года материал обрабатывался отдельно. Главным действующим лицом был Митрофан Петрович Скрябин, совмещавший в те годы заведование научной частью с директорством Комплексной естественноисторической станцией. Первой его помощницей выступала Лидия Александровна Гоббе.

О Гоббе стоит сказать особо. Фенолог «до мозга костей», она осталась им, даже лишившись возможности свободно передвигаться. На костылях, тратя последние копейки своей скудной пенсии на корм для прилетавших к ее окну птиц, она вела наблюдения за сроками формирования зимних стай, за межвидовыми отношениями зимующих пернатых, старалась быть в курсе всего, что совершалось в заповеднике.

Однако первая книга Летописи не была единственной, вместе с ней появился и еще один том, посвященный теперь уже лишь материалам 1951 г. На следующий год увидели свет сразу три книги. Две из них, как и первая, содержали многолетние данные: одна — за 1941—1945 гг., другая — за 1946—1950 гг. Третья же была посвящена сезону 1952 г. В отличие от первой книги, тома с многолетними данными имели новые разделы. За «Календарем природы» следовали «Деятельность человека, изменяющая природу заповедника» и «Летопись событий». В первый из новых разделов заносились виды человеческой деятельности: рубки, сенокосение, пастьба, сбор семян, посев и посадка леса, отлов бобров, отстрел волков и обязательно приводились объемы этих вмешательств. Здесь все было ясно. С летописью событий дело обстояло сложнее, необходимо было и лесные события не упустить и политические не проморгать. Например:

«...1948 г. После очень дождливой осени 1947 г. мелкие водоемы наполнились водой и пополнились запасы грунтовых вод, питающие шахтные колодцы при кордонах. С 31 июля по 7 августа состоялась

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

сессия ВАСХНИЛ, на которой академиком Т. Д. Лысенко был сделан доклад «О положении в биологической науке», оказавший большое влияние на освобождение биологических наук в СССР от реакционных течений и на внедрение прогрессивного Мичуринского учения в биологические науки, а также и в научную работу заповедника...»

Как видим, дух времени, о котором мы говорили раньше, преследует нас, какая бы страничка заповедной жизни не приоткрывалась. Таким образом, за 2 года в заповеднике было сформировано 5 книг Летописи природы, обработан и систематизирован огромный материал предшествующего 15-летия, собранный и сохраненный в огненные годы Великой отечественной войны. Сегодня приходится лишь удивляться феноменальной работоспособности М. П. Скрябина, Л. А. Гоббе и их коллег и помощников М. В. Николаевской, Н. К. Павловского, Н. К. Кравцова, А. А. Анохина.

Начало было положено, а дальше пошло-поехало. Были ежегодные книги, верстались и пятилетние тома. Но практика показала, что составление последних, как представляющих собой простую сумму сведений за прошедший период, нецелесообразно. Значительно больший интерес представляют статистически обработанные многолетние ряды данных, пусть даже по одному какому-нибудь разделу. В то время, когда писались эти строки, в заповеднике заканчивалось составление пятидесятого тома Летописи природы.

Наиболее сложным при ведении Летописи является обеспечение преемственности. Рассчитанная на неопределенно длительный срок, она просто обречена на участие в выполнении одних и тех же разделов многими поколениями исполнителей. А, как известно, люди бывают разные. Одних могут не устраивать когда-то избранные объекты наблюдений, других — места размещения маршрутов и пробных площадей, третьих — методические подходы, четвертых — невозмож-

ность быстрого получения эффективных результатов. Поэтому периодически появляются призывы ревизовать Летопись, как по форме, так и по содержанию. Диапазон мнений весьма широк. От создания унифицированных, региональных, дифференцированных программ до полной отмены темы номер один. Как правило, наиболее радикальные предложения исходят от молодых исполнителей из молодых заповедников. Причин здесь несколько.

Первая из них — объективная. Да, действительно, чтобы Летопись начала работать, необходимо время. Летописное «добро» наживает годами. Хорошо, если заповеднику не один десяток лет и к теме номер один относились пусть не трепетно, но серьезно. Еще лучше, если предшественники были вдумчивыми и добросовестными. Ведь научный материал, как и все передаваемое по наследству, копится не один год и несет на себе незримый след автора. Чем длиннее временной ряд данных и качественнее, тем большую ценность он представляет. Как показали работы К. П. Филонова и авторов этой книги, наличие многолетних летописных материалов позволяет решать не только практические частные природоохранные вопросы, но и разрабатывать теоретические основы заповедного дела. Временные ряды без преувеличения являются золотыми зёрнами Летописи. Чтобы они действительно засияли во всей красе, молодым заповедникам необходимо запастись терпением и внимательно прислушаться к мнению Г. А. Кожевникова, который считал основой изучения протекающих в природе процессов точное описание ее состояния в данное время, с которого и надо начинать работу.

Вторая причина — субъективная. Попав в заповедник с надеждой за короткий срок собрать материал для диссертации, молодой сотрудник вдруг обнаруживает, что этого сделать, да еще на Летописи природы, нельзя. Начальство требует свое — сначала Летопись, потом все остальное. Перед исследо-

вателем встает естественный вопрос, что делать? И порой силы молодого организма тратятся на доказательство несовременности, неактуальности, ненужности и прочие «не-» Летописи, дабы сосредоточиться на чем-то более интересном, дающем скорый эффект. Да, многие летописные разделы сиюминутно «недиссертательны», но опыт показывает и другое. Там, где налажен сбор полноценных многолетних материалов, число защищаемых диссертаций несравнимо больше, качество их — выше. Примером может служить все тот же Воронежский заповедник. За последние два года здесь успешно защищены три работы на соискание ученой степени доктора наук, на подходе еще две кандидатских и одна докторская диссертации.

Диссертации, степени... А кому они нужны? — скажет читатель. Наверное, в первую очередь, самому заповеднику. Ведь присуждение ученой степени — это, прежде всего, признание определенного квалификационного уровня сотрудника. Иметь же высококвалифицированный коллектив специалистов желает любая организация. Второй положительный момент заключается в том, что в чиновничьих эшелонах, особенно районного и областного масштаба, чиновничество развито весьма сильно, поэтому обладателю ученой степени значительно проще бывает решать там природоохранные вопросы. И, наконец, надбавка за 3—5 минимальных окладов за степень является хоть не очень прочным, но все же препятствием к уходу сотрудников с головой в приусадебное скотоводство и огородничество для восполнения семейного благополучия. А такое в заповедниках случается. Мы здесь умышленно оставляем в стороне честолюбивую сторону этого вопроса.

Но где же логика? — возмутится читатель. Исходя из сказанного, необходимо срочно отменить Летопись и поставить на поток производство диссертаций. Так-то оно так. Но без всеобъемлющей инвентаризации природного комплекса и

дальнейшей регистрации происходящих в нем изменений заповедник, как научно-исследовательская организация, не заповедник. Именно в выполнении темы номер один «Динамика естественных процессов в природном комплексе заповедника» наиболее остро проявляется философский закон единства и борьбы противоположностей. Мудрость администрации при этом заключается в балансировании между обеспечением полнокровного выполнения Летописи и предоставлением сотрудникам возможности полной творческой реализации. А сделать это бывает весьма сложно, часто по независимым от директора и его заместителя по научной работе причинам. Дело в том, что помещаемый в Летопись материал не является для исполнителя разделом публикации, так порой необходимой для диссертанта. Предложения о ежегодном депонировании Летописей до сего дня остаются предложениями. Кроме того, до неопубликованного и, по сути, беспризорного материала бывает много охотников.

Иногда ставит в тупик позиция вышестоящих организаций. На одном из совещаний по проблемам Летописи, проходившем в Воронежском заповеднике, некий высокопоставленный ученый муж заявил, что дело заповедчан де собирать летописный материал, а как его обрабатывать и использовать разберутся в Москве. Но он не учел того, что время приводных ремней, винтиков и исполнительных болванчиков давно прошло. Говорить при таком подходе о количественной и особенно качественной стороне Летописи не приходится. Проблема здесь существует и проблема пока далекая от разрешения.

Весьма распространенным в последнее время стало противопоставление Летописи и мониторинга: зачем Летопись, если есть мониторинг? Такие противопоставления, скорее всего, результат непонимания целей и задач этих исследований. Напомним еще раз, что Летопись — прежде всего изучение естественных процессов в природ-

ном комплексе особо охраняемой территории и регистрации возмущений, внесенных человеком.

Экологический мониторинг представляет собой систему наблюдений за состоянием биосферы и ее реакцией на антропогенные воздействия. Эта система, как по форме, так и по содержанию весьма далека от летописи природы заповедников.

Обязательным атрибутом настоящих биосферных заповедников служат станции фонового мониторинга, определяющие уровень загрязняющих веществ в воздухе, воде, почве и биоте. Химический анализ на загрязнители удовольствие дорогостоящее и обычным заповедникам не по плечу. Шаг исследований и уровень обобщения материала при этом весьма большой (район, область, регион) и для выяснения динамики загрязнителей конкретных экосистем в конкретном месте, в разные сезоны, не всегда пригоден. Да и динамика экосистем в заповедниках пока еще не определяется химической благодарью, сыплющейся с неба.

Ближе к летописи биологический мониторинг, или комплекс исследований, направленных на выяснение структурных и функциональных характеристик экосистем, с целью разработки научно обоснованных показателей их состояния для последующего использования при анализе и оценке окружающей среды. Биологический мониторинг подразумевает два подхода — сле-

жение за биологическими объектами и использование биологических объектов — индикаторов. Первый из указанных подходов частично вписывается и в структуру летописи заповедников. Почему частично? Потому, что летописная программа предусматривает слежение за биологическими объектами на охраняемой территории с минимальным воздействием человека или полным его отсутствием. Для биомониторинга этого мало. Здесь обязательно должен присутствовать сравнительный анализ — как изменяются структурные и функциональные параметры тех же объектов, но в местах максимального воздействия антропогенных факторов.

Зададим контр вопрос: так надо или не надо развивать в заповедниках биомониторинг в противовес летописи? Ответ должен быть однозначным — надо, но не в противовес, а в дополнение. По нашему глубокому убеждению, летопись может ответить на весьма длинный ряд вопросов мониторингового характера, ведение же мониторинга без летописи, крайне затруднительно. Не все еще сегодня понимают, что летопись природы заповедников — это банк ценнейшей информации. И принцип работы у нее, как у настоящего банка, чем больше положил и на более длительный срок, да будешь постоянно пополнять свой вклад — тем значительнее будут дивиденды. По каким параметрам, как не по многолетним летописным рядам данных, можно оценить направление и ско-

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

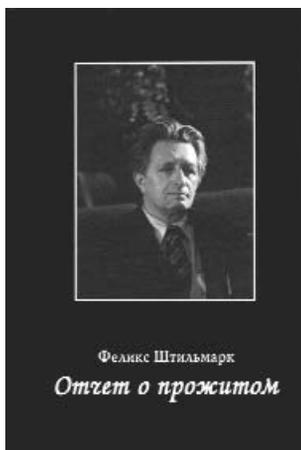
рость изменений происходящих в природном комплексе заповедника, а это уже есть мониторинг. Может не доставать каких-то специфических показателей, или же для сравнения необходимо бывает выйти за пределы заповедной территории. Все это частности, из которых может сложиться тот баланс, о котором мы говорили выше. Углубляя и развивая летопись, придавая летописным материалам мониторинговую направленность, исследователь находится на кратчайшем пути к реализации своих честолюбивых планов и заинтересованному выполнению программы летописи природы.

Необходимо сказать и еще об одном. Заповедники уникальны уже лишь по одному тому, что они пишут летопись природы. Да, информация, помещенная в ней сегодня, почти не используется в областном, региональном, а тем более государственном масштабах. Но растущий вал экологических катастроф рано или поздно заставит человечество, если оно действительно разумное, обратить свои взоры к механизмам воздействия естественных факторов и приблизить свои деяния к таким формам, которые не нарушали бы естественного хода процессов в биосфере. Вот тогда-то и будут в полной мере востребованы, кажущиеся сегодня никчемными, информационные летописные банки данных. Ведь мы же россияне, а русский мужик, как известно, пока гром не грянет — лба не перекрестит.

«Озеро Сашио». Татьяна Тетякова, 15 лет,
НП «Смоленское поозерье»

Феликс Робертович Штильмарк. Отчет о прожитом (записки эколога–охотоведа). М: ЛОГАТА, 2006, 528 с, 120 фотографий.

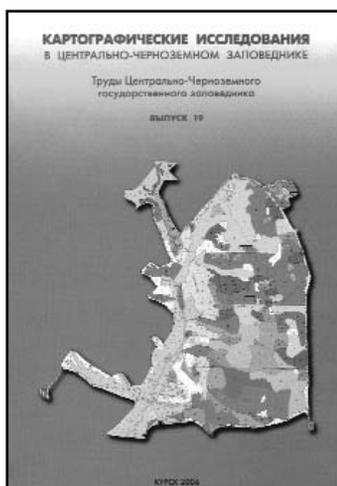
Воспоминания (публикуются посмертно) известного специалиста в области заповедного дела и охраны природы, доктора биологических наук Феликса Робертовича Штильмарка (2.09.1931–31.01.2005) «Отчет о прожитом» охватывают обширный исторический период — от суровых военных лет до наших дней. Автор предстает здесь в различных ипостасях — как зоолог и охотовед, проектировщик новых заповедников и профессиональный таежный охотник, активный журналист, литератор и издатель произведений — не только личных, но и своего отца — писателя Р. А. Штильмарка.

Читатель встретится в этой книге со многими людьми — знаменитыми учеными (академик Н. И. Конрад, проф. В. Г. Гептнер, А. Н. Формозов, Н. В. Тимофеев-Ресовский и др.) и писателями (В. П. Астафьев, И. А. Ефремов, С. П. Залыгин и др.), руководителями тех или иных отраслей практической экологии, промысловыми охотниками и другими лицами, с которыми сводила автора судьба.

На широком географическом фоне территории бывшего СССР живо и реально отражены различные моменты истории охраны природы и природопользования в нашей стране.

Книга иллюстрирована photographиями из архива автора, снабжена обширным именованным указателем.

Картографические исследования в Центрально-Черноземном заповеднике: Труды Центрально-Черноземного государственного заповедника. Выпуск 19. Курск, 2006. — 184 с.

Настоящий выпуск научных трудов Центрально-Черноземного государственного природного биосферного заповедника им. проф. В. В. Алехина посвящен 90-летию государственной заповедной системы России.

В сборнике представлены картографические материалы Центрально-Черноземного заповедника, созданные с момента его организации на основе многочисленных исследований природных комплексов. Впервые за историю существования заповедника проанализирована, обработана и систематизирована картографическая продукция.

Приведены различные тематические обзоры картографических исследований (геоботанических, лесных, почвенных, орографических, зоологических и пр.), выполненных на территории заповедника, сопровождающихся высококачественными иллюстрациями карт. Рассмотрены некоторые методические аспекты, представлены научные статьи по результатам отдельных картографических работ. Даны списки картографических материалов Центрально-Черноземного заповедника и основных публикаций по данной тематике.

Для специалистов по охране природы, биологов разного профиля, лесоведов, почвоведов, экологов, географов, картографов, преподавателей и студентов.

История заповедного дела: Материалы международной научной конференции. — Борисовка, 2005. — 209 с.

В сборник включены материалы, представленные на международной научной конференции «История заповедного дела». В работах охвачен широкий круг вопросов по истории территориальной охраны природы, преимущественно на территории бывшего Союза ССР: классические принципы и развитие научных основ заповедного дела; организация, становление и деятельность (охрана, научно-исследовательская работа, экологическое просвещение и др.) особо охраняемых природных территорий; международное сотрудничество в области заповедного дела; взаимодействие особо охраняемых природных территорий с научно-исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями, отечественными и международными общественными организациями и фондами; природопользование на особо охраняемых природных территориях в историческом прошлом; выдающиеся деятели заповедного дела; заповедный фольклор. Особое внимание уделено истории организации и становления государственного природного заповедника «Белогорье» (до 1999 г. «Лес на Ворскле»), к 80-летию которого была приурочена конференция. Книга представляет интерес для специалистов по охране природы и заповедному делу, биологов, географов, историков, краеведов.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИЮ ИМЕНИ Ф. Р. ШТИЛЬМАРКА

22 мая 2006 г. состоялось подведение итогов первого литературного конкурса «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах».

На конкурс поступили 101 статья, 20 книг и 2 компакт-диска. Из этих работ соответствующими условиям конкурса были признаны 37 статей и 7 книг из 17 регионов (из 15 заповедников и 2 национальных парков).

Конкурсные работы оценивались жюри по следующим трем критериям:

«*Литературный*» критерий. Богатство языка, увлекательность изложения, самобытность стиля. Важно, чтобы работы были доступны как можно более широкому кругу читателей.

«*Просветительский*» критерий. Работы должны давать ясное представление о том, какие задачи выполняет охраняемая территория. Необязательно, чтобы это был подробный рассказ, включающий в себя все аспекты деятельности заповедника или национального парка. Но важно, чтобы были показаны связь человека и природы, переплетение судьбы человека с историей охраняемой территории.

«*Гуманитарный*» критерий. Желательно, чтобы работы оставляли в сердце читателя светлое чувство. Образ «заповедного» человека должен быть по возможности полно раскрыт, должно быть понятно, почему человек выбрал такой путь.

Жюри признало конкурс «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах» состоявшимся и вынесло решение о присуждении премий его победителям.

По номинации «Статьи»:

1-я премия — **Александра Горяшко** за цикл из 10 статей («Заповедное», «Житие заповедных зверей и людей», «Монастыри и охрана природы в прошлом и настоящем» и др.), посвященных истории заповедного дела, Кандалакшскому заповеднику и его сотрудникам.

2-я и 3-я премии — остались без присуждения.

Поощрительные премии:

Татьяна Маврина за серию статей о Сохондинском заповеднике («Шаманы выбрали Сохондо», «Моя Аркадия» и др.);

Ирина Маслова за статью «В погоне за черепахой» (о работе сотрудников Ханкайского заповедника);

Евгений Смирнов за статью «Завороженные тайгой» (об истории и людях Сихотэ-Алинского заповедника).

По номинации «Книги»:

1-я премия — **Виктор Коркишко** за рукопись книги «О леопардах – с любовью», заповедник «Кедровая Падь» (посмертно);

2-я премия — **Юрий Чуйков** за книгу «Розовые острова» (Астрахань, 2000);

3-я премия — **Петр Баранов** за книгу «Хроники заповедного года» (Кемерово, 2003).

Специальные премии:

За просветительскую ценность — **коллектив авторов, сотрудников Окского биосферного заповедника**, за книгу «Окский заповедник: история, люди, природа» (ред. В. П. Иванчев. Рязань, 2005).

За гуманитарную ценность — **коллектив авторов, сотрудников Кавказского биосферного заповедника**, за книгу «Книга памяти наших сердец» (автор-составитель Л. В. Бойченко, ред. С. Г. Шевелев. Сочи, 2003).

Награждение победителей конкурса состоится осенью 2006 г.

Жюри выразило благодарность Оргкомитету и Центру охраны дикой природы, обеспечившим организационное сопровождение конкурса.

Члены жюри: К. В. Авилова, А. А. Власов, В. Б. Чернышев

Протокол заседания жюри конкурса «Люди в истории заповедников и заповедники в человеческих судьбах» доступен в Интернете на сайте ЦОДП <http://reserves.biodiversity.ru/shtilmark.html>